

ХОЛОКОСТ:
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Материалы XIX
Международной ежегодной
конференции
по иудаике

Том I

Академическая серия

Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер»
Genesis Philanthropy Group
Международный институт по изучению Катастрофы Яд Вашем
Научно-просветительный центр «Холокост»

ХОЛОКОСТ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике

Том I

ספר

EUROPEAN
JEWISH
FUND

ХОЛОКОСТ

Академическая серия
Выпуск 40

Москва
2012

The Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization "Sefer"
Genesis Philanthropy Group
The International Institute for Holocaust Research Yad Vashem
Russian Research and Educational Holocaust Center

THE HOLOCAUST IN THE SOVIET UNION

Proceedings of the 19th Annual International Conference on Jewish Studies

Volume I

ХОЛОКОСТ

Academic Series
Issue 40

Moscow
2012

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Published with the support of

Фонда «Генезис»
Genesis Philanthropy Group

Европейского Еврейского Фонда
European Jewish Fund

Оформление: Сергей Трофимов
Верстка: Ольга Волкова

ISBN 978-5-98604-350-0

От Редколлегии

На протяжении последних двух десятилетий тема истории советских евреев в годы Холокоста перестала быть периферийным явлением, заняв достойное место среди работ по истории европейских евреев в годы Второй мировой войны.

Убедительным примером этого стали доклады, прочитанные на специальной секции «Холокост на территории СССР» в рамках XIX Международной конференции по иудаике, организованной в Москве 29–31 января 2012 г. Центром «Сэфер».

Уже второй год секция, посвященная проблемам Холокоста, стала возможной благодаря инициативе и поддержке фонда «Genesis Philanthropy Group» и Европейского Еврейского Фонда.

Секция была организована Центром «Сэфер» и Центром изучения истории советских евреев в годы Шоа (Холокоста) при Международном институте изучения Шоа (Холокоста) мемориала Яд Вашем (Иерусалим) и Российским научно-просветительным центром «Холокост» (Москва).

Особое место на открытии конференции заняли презентации изданий последних лет, посвящённых Холокосту. Директор Центра изучения истории советских евреев в годы Шоа (Холокоста), созданного при поддержке фонда «Genesis Philanthropy Group», Аркадий Зельцер представил издания мемориала Яд Вашем[1]; со-председатель Российского научно-просветительного центра «Холокост» Илья Альтман представил книги, вышедшие в «Российской библиотеке Холокоста»[2].

---

[1] *Bankier D.* Expulsion and Extermination: Holocaust Testimonies from Provincial Lithuania. Jerusalem: Yad Vashem, 2011; The Encyclopedia of the Righteous Among the Nations: Rescuers of Jews during the Holocaust: Europe (Part II). Jerusalem: Yad Vashem, 2011.

[2] *Альтман И.А., Полторак В.И.* Праведники народов мира. Россия. 1941–1945. М., 2011; Мы не можем молчать. Школьники и студенты о Холокосте. Вып. 8. М., 2011.

На заседаниях секции «Холокост», одно из которых прошло в помещении Российского научно-просветительного центра «Холокост», были представлены доклады 20 исследователей из России, Украины, Латвии, Беларуси, Великобритании, Франции и Израиля. Проблематика этих докладов охватывала широкий диапазон тем, в большинстве своем связанных как с историей советских евреев в годы Холокоста, так и с памятью о Холокосте в послевоенные годы и в современном обществе, с историографией Холокоста советских евреев и отражением темы Холокоста в литературе и музыке. Все эти вопросы рассматривались как в рамках изучения Холокоста советских евреев в целом, так и исследований особенностей нацистской политики и поведения советских евреев и их соседей — в конкретных местах и отдельных регионах.

Работа секции сопровождалась дискуссией, обусловленной, в первую очередь, специфическими источниками и степенью достоверности тех материалов, которыми приходится пользоваться всем исследователям Холокоста советских евреев, и методологическими трудностями, возникающими в этой связи. Этой же проблематике был посвящен организованный в рамках работы секции специальный круглый стол. Все эти особенности нашли отражение и в публикуемых ниже докладах.

Не все прозвучавшие на конференции доклады вошли в предлагаемый вниманию читателя сборник материалов, однако, представляется, что вошедшие доклады достаточно полно отражают направление научных интересов исследователей, занимающихся темой Холокоста. Не всегда редколлегия разделяет мнение и методологические подходы авторов статей. Но эти взгляды и подходы отражают определенные тенденции, которые существуют в современном обществе и в сегодняшней науке. Они могут служить основой для будущих обсуждений, в том числе, в рамках конференций «Сэфера».

Борис Ковалев
(Великий Новгород)

КАТЫНСКАЯ ТРАГЕДИЯ И АНТИСЕМИТСКАЯ НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА

Рассматривая трагедию польских граждан под Смоленском, автор не ставит под сомнение сам факт уничтожения этих людей сотрудниками НКВД перед началом Великой Отечественной войны. Вызывает сомнение следующее: как могли гитлеровцы, так пристально изучавшие факты злодеяний «кровавого сталинского режима», почти два года не замечать очевидное. Ведь расстрелы под Катынью начались еще с первой половины 30-х годов. О них было хорошо известно местным жителям. Торжественные перезахоронения «жертв коммунизма» при содействии гитлеровцев были широко распространены в первые недели оккупации различных районов Советского Союза. Об этом писали коллаборационистские газеты, снимались сюжеты для документального кино.

В отличие от советского руководства, руководство Германии точно знало, что война с Советским Союзом начнется летом 1941 года. Пользуясь потеплением в отношениях между двумя государствами, после заключения Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, немецкие дипломаты, а также представители немецких спецслужб, под прикрытием дипломатического представительства, активно перемещались по территории СССР. Подобные поездки объяснялись культурными и экономическими потребностями сотрудников посольства.

Особенно активно немецкие представители посещали западные районы — территорию предполагаемого театра военных действий. Имела нацистская Германия и сеть своей агентуры, которая поставляла ей интересующую информацию. Понятно, что особый интерес для германской стороны представляли факты о деятельности советских спецслужб.

В значительной мере поток информации возрос после начала войны. Гитлеровцам удалось захватить часть документов, а также арестовать некоторых сотрудников советских спецслужб.

Сталинские репрессии, как идеальный материал для проведения пропагандистских мероприятий, широко использовался гитлеровцами с самого начала войны. Похороны «жертв жидо-большевизма», рассказы «чудом выживших в сталинских лагерях и тюрьмах» были распространены повсеместно. Однако информация о расстрелах польских граждан очень долго не получала широкую огласку. Это произошло только через полтора года оккупации Смоленска гитлеровцами.

Весной 1943 года, после Сталинградской битвы, стало понятно, что нацистская Германия и ее союзники имеют все меньше и меньше шансов на победу. В этих условиях среди стран-сателлитов III Рейха наметилось своего рода «брожение». Некоторые из политиков этих стран стали зондировать почву для возможных сепаратных переговоров со странами антигитлеровской коалиции. В стан врагов было необходимо внести раскол, недоверие друг к другу. Это отлично понимали в нацистской Германии. Особая роль в этом была отведена ведомству Й. Геббельса. Кроме этого, «правда о жидо-большевистских преступлениях в Катыни» должна была стать новым витком антисемитской пропаганды, направленной, в том числе, и на европейские страны.

13 апреля 1943 года германское радио сообщило о том, что в Катынском лесу близ Смоленска оккупационными властями обнаружены массовые могилы 10 тысяч польских офицеров, расстрелянных «еврейскими комиссарами» весной 1940 года. Одновременно информация об этом появилась в газетах на всей подконтрольной гитлеровцам территории, в том числе и на оккупированных советских территориях, включая РСФСР: «Мир приобрел новое доказательство кровавых злодеяний большевиков. К раскрытым массовым убийствам в Лемберге (Львове) и Риге, Эстонии и Киеве, Харькове и Вязьме добавляется зверский убой в Катынском лесу».

«Делегация иностранных журналистов, с непокрытыми головами стоящая на краю этих массовых могил, является неподкупным свидетелем перед всем миром и историей против бесчеловечной системы, от которой мы должны защищать культуру и честь всех европейских народов»[1].

Следует отметить, что под оккупированный гитлеровцами Смоленск были приглашены не только журналисты стран-сателлитов

III Рейха (Болгарии, Венгрии, Финляндии), но и из нейтральных стран — Швеции и Швейцарии.

Обеспокоенное этими известиями польское правительство в изгнании, находившееся в столице Великобритании, обратилось к Международному Красному кресту с просьбой об экспертизе захоронений. Реакция Москвы была более чем беспрецедентно жесткой: 26 апреля 1943 года Советский Союз прервал дипломатические отношения с Польским правительством в изгнании, которое находилось в Лондоне.

В это время информация о трагедии в Катыни широко распространялась по всей подконтрольной гитлеровцам территории. На оккупированной территории СССР особо отмечалась непосредственная вина евреев в случившейся трагедии. Коллаборационистские газеты выходили с такими анонсами, как, например, в псковской газете «За родину»: «Жиды — сталинские палачи. Смерть иудо-большевизму»[2].

Корреспондент Борис Шатов гневно писал в той же газете, в статье «Расстрелом в Катынском лесу руководили иудеи» о том, что: «кошмарное преступление в Катынском лесу, заставившее в ужасе содрогнуться всю мировую общественность, продолжает занимать германские власти, ведущие следствие. Немцы делают все возможное, чтобы, в сотрудничестве с местным русским населением, среди которого имеются очевидцы отправки пленных на место убийства, назвать виновников этого преступления»[3].

Автор статьи всячески подчеркивает, что русские очевидцы рассказывают полякам о преступлениях евреев: «В присутствии руководящих членов польского вспомогательного комитета, известных варшавских врачей и многочисленных польских журналистов, железнодорожный рабочий Алексей Сладков, во время расстрелов работавший на станции, где связанные польские офицеры перегружались из поезда в грузовики, заявил, что охрана состояла из жидов, одетых в форму НКВД.

Он видел, как пресловутые «черные вороны» (тюремные автомобили) поднимались от станции Гнездово в Катынский лес, как они, набитые до отказа связанными офицерами, отъезжали и, вскоре после этого, возвращались порожняком. Такие явления Сладков наблюдал несколько недель подряд»[4].

Достоверность фактов подтверждается многочисленными свидетелями преступления: «Затем был опрошен Иван Андреев, родившийся 22 января 1917 года в деревне Новобатеки, слесарь, женатый. Он зая-

вил в протоколе, что среди населения не было никаких сомнений в отношении событий, происходивших в Катынском лесу, и что крестьянам его деревни было известно, что расстрелами руководили жиды — агенты и чиновники НКВД.

Показания 72-летнего Парфена Киселева, крестьянина, живущего в Козьегорах, племянник которого — сторож Роман Сергеевич — был осведомлен о событиях на Козьегорском холме, и Ивана Гривосержева, родившегося 20 июня 1915 года в Новобатеках, проживающего там же в доме № 119, холостого, — подтвердили, что кровавые злодеяния в Катынском лесу производились по приказу Сталина, исключительно жидами. Деревенскому населению и крестьянам особенно бросилась в глаза типично жидовская жестикуляция, картавое произношение и другие характерные иудейские приметы агентов НКВД»[5].

Здесь мы видим, что пропагандист использует целый комплекс приемов воздействия на читателя: сотрудничество немцев с местным **русским** (выделено мной — *Б.К.*) населением, наличие международных экспертов, карикатурно-негативные образы евреев-палачей, подробные данные о свидетелях.

Возникает вопрос, а где же эти многочисленные свидетели «сталинско-иудейских преступлений» были на протяжении более чем полутора лет? Почему только весной 1943 года они в таких подробностях вспомнили о тех страшных событиях?

Рядом с этим материалом была помещена заметка «От ужаса мы потеряли дар речи» о реакции в «нейтральной» Испании: «Мадрид, 17/4. Корреспондент испанской газеты «Информационео» Санжес Маспонс описывает свои страшные впечатления от посещения места убийства более чем 12 000 польских офицеров, расстрелянных комиссарами НКВД в болотистых Катынских лесах.

Он заявляет, что ужасное зрелище лишило его и его спутников дара речи. В карманах расстрелянных офицеров были найдены военные бумаги и фотографии матерей и детей.

Далее испанский корреспондент пишет: «В Софиевке нам стала ясна причина этого жуткого преступления, жертвой которого пала значительная часть польского офицерского корпуса. Из документов, относящихся к убийству, выяснилось, что приказ Сталина о расстреле распространялся на всю польскую интеллигенцию»[6].

Корреспонденты-коллаборационисты, ссылаясь на авторитет зарубежных газет, всячески подчеркивали, что все союзники СССР явля-

ются косвенными виновниками трагедии в Катыни: «Парижская газета «Пти Паризьен», касаясь убийства жидовскими агентами НКВД 12 000 польских офицеров, заявляет, что большевицкие методы абсолютно не изменились.

Большевизм и теперь остался тем, чем он был всегда, т.е. режимом убийц. Для этого страшного зверства не найти никаких облегчающих и извиняющих оправданий.

Англичане и американцы, которые находятся в союзе с таким мерзким чудовищем, как большевизм, несут тяжелую ответственность перед всей историей»[7].

Символом зла, мирового еврейства, подлинным хозяином Сталина представлялся писатель Илья Эренбург. Утверждалось, что он планировал Катынь еще в начале 20-х годов: «То, что Катынское преступление не является исключением, доказывается содержанием книги советского жида-писателя Ильи Эренбурга «Трест ДЕ». Здесь сказано, что вполне достаточно одного года для уничтожения целого континента с 350 миллионами населения. Остатки европейских народов должны были бы, по мнению этого кровавого жида, быть отправлены в Сибирь для того, чтобы работать там на положении рабов в рудниках»[8].

Но польская трагедия подавалась гитлеровцами путем подробного описания не только жертв, но и их палачей. Как видно из материалов, антисемитская пропаганда, осуществлявшаяся нацистами и их пособниками через коллаборационистскую прессу, использовала любую возможность для обоснования необходимости репрессий против еврейского населения. Особую важность при этом приобретал международный фактор, в частности, мнение экспертов из нейтральных стран.

Стоит особо отметить акции, с помощью которых нацисты апеллировали к международному общественному мнению и привлекали к сотрудничеству граждан нейтральных стран. Так, подробно освещалась деятельность международных экспертов, реакция журналистов и представителей общественности. Антисемитские сюжеты присутствовали практически всегда. Постоянно подчеркивалось, что члены международной комиссии в мае 1943 года ознакомились с «преступлениями цепного пса жидо-большевистского режима НКВД»[9].

В этих условиях смоленская коллаборационистская газета «Новый путь» однозначно и неоднократно заявляла: «Евреи — убийцы польских офицеров». В статьях отмечалось, что «Данные следствия дают

безусловное основание утверждать, что убийство пленных польских офицеров произведено еврейскими работниками — ГПУ»[10].

Приводились показания арестованных сотрудников ГПУ, из которых следовало, что «Из четырех названных смоленских работников ГПУ три, бесспорно, евреи. Им было поручено встречать на вокзале прибывавших пленных и сопровождать их на место расстрела.

Дававшие показания агенты ГПУ сообщили об оргиях в так называемом “Днепровском замке Борок”, знаменитом доме отдыха ГПУ, вблизи Катынского леса, такие страшные подробности, что невозможно передать их на бумаге. Они характеризуют беспримерное бесстыдство и порочность еврейских палачей»[11].

Гитлеровцами широко распространялась книга «Массовые казни в Катынском лесу: документальный отчет». Наибольшее значение в ней имел протокол, подписанный европейскими экспертами из двенадцати европейских стран. В конце апреля 1943 года они посетили место, где производились расстрелы, и их доклад подтвердил обоснованность немецких обвинений в адрес органов НКВД. Нацисты с особым злорадством повествовали о евреях, сотрудниках НКВД, которые «с садистским удовольствием приканчивали польских патриотов своим излюбленным приемом — выстрелом в затылок»[12].

На место трагедии были приглашены и представители польской общественности, которые прилетели в Смоленск на специальном самолете, предоставленном люфтваффе.

Как уже отмечалось, косвенными виновниками этой трагедии нацисты называли Великобританию и США. Одним из утверждений гитлеровской пропаганды было то, что эта война для русского народа является войной за чужие еврейские интересы. А «англо-американские плутократы и жидовствующие капиталисты — это злейшие враги всех народов»[13].

В оккупированной Польше расклеивали афиши о Катыни, называя ее преступлением «жидовско-большевистских палачей». В «популярной» брошюре под заглавием «Массовое убийство в Катынском лесу», распространявшейся немецкой пропагандой на оккупированной территории СССР, мы находим следующий абзац: «И никого уже не удивит тот факт, доказанный вне всякого сомнения показаниями свидетелей, что этими палачами были без исключения евреи».

Немцы утверждали, что расстрелами руководили четыре сотрудника минского НКВД, и из этих четырех назвали три еврейских фамилии: Лев Рыбак, Хаим Финберг, Абрам Борисович[14].

Эти три приведенные фамилии были просто взяты немцами наугад из архивов НКВД в Минске, который они заняли в самом начале войны при паническом отступлении Красной Армии.

Антисемитская пропаганда включала в себя разные формы подачи материала.Так, в сатире на сталинскую дипломатию читателю пытались доказать, что Катынь — это во многом дело мирового еврейства: «...надо будет позвонить папе Лазарю. У тети Сарры, Ицка тоже ладно врет.

— А только куда ты его тогда назначишь? — полюбопытствовала «скромная» дипломатка.

— Ну, конечно, не обижу! Можно будет опять кого-нибудь снять...

— Это не тот ли скандал с катынскими трупами? Черт побери этого Берия! И как это он допустил такой исторический ляпсус, чтобы этих поляков закопали со всем их военным барахлом. Прохлопали, сукины дети, а теперь за них кто-то расхлебывай всю эту кашу»[15].

Протоиерей Николай Шиловский в своей статье «Непримиримые враги христианства» связывал историю гонений на Русскую православную церковь в основном с евреями. Упомянул он и Катынь, как факт еще одного преступления против христианских народов: «...Духовенство уничтожалось жидами — врагами церкви. Храмы оскверняяись и закрывались по их плану. Пропаганда атеизма возглавлялась жидом Губельманом. Все, которые могли быть, по их мнению, христианами, уничтожались, подвергались гонениям.

Небывалые в истории злодейства проводились жидами. Недавно перед всем миром раскрылось новое злодеяние — массовое убийство в Катынском лесу. зится час последнего ответа. Нет и не может быть примирения с ними. Смерть еврейства — смерть сатанистов. Жидовство — непримиримый враг христианства»[16].

Трагедия в Катынском лесу была широко использована нацистами для нескольких своих целей. Одной из них являлось обоснование массового уничтожения еврейского населения на оккупированной территории Европы.

Примечания

[1] За родину. (Псков), 17.04.1943.

[2] За родину. (Псков), 18.04.1943.

[3] Там же.

[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же, 22 апреля.
[8] Там же.
[9] Речь. (Орел), 2.06.1943.
[10] Новый путь. (Смоленск), 18.04.1943 г.
[11] Там же.
[12] *Герценштейн Р.Э.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 445.
[13] Центральный государственный архив историко-политических документов (Санкт-Петербург). Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 132. Л. 37.
[14] Новый путь. (Смоленск), 21.04. 1943.
[15] Там же.
[16] Там же, 23 апреля.

Мария Ионина
(Иерусалим)

СЛУЖБА ПОРЯДКА г. БОРИСОВА И ХОЛОКОСТ: АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ

В государственном архиве Минской области сохранился уникальный по объему и по составу документов фонд службы порядка Борисовского района и г. Борисова, в том числе примыкавшего к городу поселка Ново-Борисов, который в годы войны находился в подчинении борисовской управы. Эти документы, относящиеся к 1941–1942 годам, почти не касаются Холокоста напрямую, они не содержат ни списков погибших, ни приказов о переселении евреев в гетто, ни подробностей об их расстреле. Материалы этого фонда состоят в основном из официальной переписки должностных лиц разных уровней власти и из заявлений, написанных жителями Борисова начальникам Службы порядка. И тем не менее эти «неяркие» документы, воссоздающие обыденную жизнь в городе и отношение его жителей к евреям во время немецкой оккупации, дают дополнительный ракурс, показывающий необходимость взвешенного подхода при анализе мотивов поведения местного населения, в том числе в отношении Холокоста в Белоруссии.

В первую очередь, эта документация дает возможность проследить логику принятия решений и увидеть динамику развития событий. На основании этих материалов можно также попытаться понять психологию составителей документов и взаимоотношения между начальником и подчиненными на разных уровнях власти, а также отношения между жителями и представителями местной бюрократии. С другой стороны, изучая стилистику обращений этих «простых» горожан к «большим и малым начальникам», мы сможем лучше понять мотивы поведения рядового обывателя и предложить одну из версий ответа на экзистен-

циальный вопрос: как могло произойти так, что большая часть соседей, с которыми евреи мирно жили на протяжении многих лет, выдавала их немцам.

Трудно сказать, в какой мере документы, на которых базируется эта статья, являются типичными и отражают общую картину, характерную для городов такого типа, как Борисов, в период нацисткой оккупации. Вместе с тем анализ этих текстов позволяет обсудить проблемы, которыми жили эти конкретные люди, попытаться понять мотивы их поведения, увидеть их взгляд на самих себя и на своих соседей в условиях существования двух осей власти — немецкой власти и органов местного самоуправления, контролируемых и подчиненных этой власти.

В этой статье исследуемые документы, как цельный массив информации, впервые вводятся в научный оборот, хотя небольшая их часть уже была использована в работах Эммануила Иоффе[1], Леонида Рейна[2] и Александра Розенблюма[3]. Вместе с тем эти исследователи не касались стилистики этих писем и донесений, не относились к ним как к тексту. Учитывая это, при цитировании документов сохранен язык подлинника (орфография, лексика и пунктуация).

Уничтожение еврейского населения Борисова происходило так же, как и во многих других местах Восточной Белоруссии[4]. 27 августа 1941 года евреи города были переселены в гетто, 20–21 октября недалеко от Борисова между аэродромом и деревней Разуваевка более 7-ми тысяч евреев было расстреляно. Расстрел был организован начальником службы порядка города Борисова и уезда Давидом Эгофом и его помощником Петром Ковалевским, в нем принимали активное участие полицейские из службы порядка, а также немцы, занимавшие руководящие должности в городе.[5]

Как известно, среди причин коллаборационизма были желание выслужиться перед начальством и страх перед властями, особенно перед немецкими. В стилистике и выборе жанра документов, составленных служащими службы порядка, явно отражаются именно эти черты их авторов.

В один и тот же день, 30 августа 1941 года начальник службы Безопасности города Борисова Тимофей Баханович написал два рапорта. Первый был направлен бургомистру города Борисова и уезда [С. Станкевичу] за номером 21: «Поступают словесные заявления о том, что переселяющиеся жиды оставляют на старых квартирах калек и малых детей без присмотра [...]. О чем препровождается при сем ребенок-

мальчик. Прошу дать соответствующие указания»[6]. И сразу же под номером 22 Баханович отправляет еще один рапорт, но уже не в адрес местных властей, а в немецкую полицию: «При сем направляются в Ваше распоряжение розыскиваемые Вами (со слов дежурившего у Вас полицейского Бирючева) жидовки».[7]

Первый рапорт Баханович подписывает: «Начальник службы охраны порядка г. Ново-Борисова», второй — «Начальник полицейского участка местной охраны порядка». Подписывая первый рапорт, он торжественно выводит полное название своей должности (далеко не все документы Баханович подписывает так полноформатно), вторая подпись сильно адаптирована с тем, чтобы она звучала более «скромно», с некоторой долей самоуничижения.

Казалось бы, такие люди, как Баханович, должны во всем тщательно следовать основным правилам нацистской политики в отношении евреев.

Тем не менее в сентябре 1941 года начальник службы порядка Ново-Борисова Тимофей Баханович принял странное для коллаборанта решение по поводу крещеной еврейской женщины, идущее совершенно вразрез с нацисткой политикой в отношении крещеных евреев, согласно которой они подлежали уничтожению, как и некрещеные. Баханович закрыл дело по поводу не переселившейся в гетто, вопреки приказу, крещеной еврейки Дерабо Ольги Мироновны.

23 августа в службу порядка Ново-Борисова поступило заявление-донос от жителя, без подписи: «*Прошу Вашего содействия* проверить укрывавшего от *жидовского ига* гражданина Дерабо, […], которого мать жыдовка и он ее сын и скрылся от нашивки знака *по указанию приказа*. А *потому прошу принять меры к таковому* <курсив мой — *М.И.*>»[8] В этом анонимном доносе сочетается безграмотность автора и его прилежное старание изложить дело как можно более официальным, «правильным» языком. В результате заявление получилось совершенно беспомощным и нелепым. Но тем не менее на нем стоит резолюция: «…если окажется, что она жидовка, доставить сюда»[9]. 26 сентября по этому поводу было составлено три документа. После расследования в протоколе было записано, что Ольга Дерабо была крещена 53 года назад и венчалась в православной церкви; далее, в следующем документе сообщено, что Дерабо давно известна как еврейка, и что ее девичья фамилия Абезгауз; и, наконец, в третьем, заключительном документе Баханович принимает решение: «Я, началь-

ник службы порядка г. Ново-Борисова Баханович, рассмотрев настоящую переписку по анонимному заявлению о том, что в г. Ново-Борисове, по Березовской ул. 45, проживает жидовка, которая скрылась от переселения в гетто, нашел, что указанная личность Дерабо Ольга Мировновна 68 лет является крещеной и вышедшей замуж по церковному обряду 53 года назад и потому не подлежит переселению в гетто. Постановляю настоящую переписку дальнейшим производством прекратить»[10]. Почему же Баханович не обратился к своему начальству за указаниями, а самостоятельно решил закрыть дело о крещеной еврейке, что, в общем-то, является случаем, прецедентов которому мало. Есть два возможных объяснения: или он не был достаточно инструктирован немецкими властями о расовой политике по отношению к крещеным евреям и, как было принято издавна, будучи почти наверняка православным, был уверен, что, крестившись, еврей перестает быть евреем; или же, что наиболее вероятно, он сам обладал настолько широкими полномочиями, что от него зависело, в каждом конкретном случае, толкование расовых законов и постановлений, спускаемых в местные инстанции.

Более терпимое отношение к крещеным евреям проявляли и другие жители города, никак не связанные с местной исполнительной властью. Известен устный рассказ о том, что в Борисове соседи тайно крестили девочку-полукровку, мать которой погибла в гетто, но девочку никто не выдал за всс время оккупации, и местные власти ее не тронули.

На примере Борисова мы видим неоднозначное толкование местными властями немецких правил так же и в отношении полукровок. Ведь в службу порядка донос поступил именно на сына Ольги Дерабо, наполовину еврея. Но интересно, что в дальнейшей переписке между инстанциями он вообще нигде больше не упоминается, очевидно, что служба порядка не посчитала нужным обратить внимание на его существование и заняться переселением его в гетто. Есть устные, нигде пока не записанные, рассказы свидетелей о том, что в Ново-Борисове во время оккупации во дворах и на улицах города играли вместе мальчик и девочка, оба полукровки. Скорее всего, служба порядка все знала про них, но поскольку от соседей не поступало письменных доносов, на которые необходимо было реагировать, то, видимо, квартальный не стал сам проявлять инициативу и поднимать этот вопрос. Леонид Смиловицкий в своей книге «Катастрофа евреев в Белоруссии»[11] приводит

много примеров того, как немцы преследовали и уничтожали полукровок, как их выдавали властям местные жители, однако пример Борисова показывает, что картина была далеко не столь однозначной.

Гораздо лучше согласовывались действия с вышестоящими властями по вопросам, касающимся еврейского имущества[12].

Здесь Баханович проявляет бо́льшую бдительность и последовательность, самостоятельно он уже ничего не решает. 28 августа 1941 года, на следующий день после переселения евреев в гетто, он пишет рапорт бургомистру города Борисова и уезда Станкевичу на белорусском языке, хотя обычно всю переписку ведет на русском. (Станкевич — белорусский националист). «По имеющимся сведениям жиды, подлежащие переселению, продают тайным порядком русским соседям разное свое имущество, как-то коров и другую скотину, оборудование и разные домашние вещи. Прошу сообщить, имеют ли они право это делать, и как поступать с теми жидами, которые разбазаривают и с теми гражданами, которые получают имущество от жидов.»[13] На рапорте стоит резолюция Станкевича от 29 августа, написанная также по-белорусски — «коров и всякий скот у жидов забирать под особый учет, а не разбазаривать».[14] Следствием этой резолюции Станкевича стало распоряжение Бахановича уполномоченным всех кварталов Ново-Борисова от 30 августа 1941 года: «[…] из имеющихся у вас списков владельцев коров и лошадей, принадлежащих жидам, выясните, где делись их коровы и прочее вышеуказанное имущество <мебель, кровати, шкафы, стулья, диваны и проч., а также швейные машины — *М.И.*>.»[15] И началась кампания по изъятию у нееврейских жителей еврейского имущества. Появилась терминология — «жидовские вещи», «жидовская корова», «жидовская коза» и пр. Те жители, которые получили вещи прямо от евреев или ограбили брошенные ими дома при переселении в гетто, все теперь попали на учет и ждали, когда к ним придут полицейские. Доносительство процветало. Полиция обязана была доставить в службу порядка все имущество, прежде принадлежавшее евреям. Если прежде шла охота за евреями, то теперь она перекинулась на их имущество, но на этот раз удар уже пришелся по жителям, не имеющим никакого отношения к евреям. В сентябре 1941 года заместитель службы порядка Борисова и уезда Ковалевский отдал приказ составить списки владельцев коров.[16] 4 сентября 1941 года уполномоченный по 12 кварталу составил для Бахановича список «жидов 12 квартала, которые на 21 июня 1941 года имели коров».

Очевидно, такие списки составлялись по каждому кварталу. 30 сентября Баханович дает указание квартальному Зеленевскому: «По имеющимся сведениям у гр-на Самотного имеется бывшая жидовская корова. Поручаю проверить и в утвердительном случае доставить корову и доложить мне»[17]. Квартальный Зеленевский в тот же день 30 сентября составляет протокол изъятия коровы: «У гр-на Иосифа Самотного взята бывшая жидовская корова красной масти, в чем и расписываемся»[18]. На протоколе Баханович пишет резолюцию: «Корова 1.10.41 доставлена в управление». А внизу листа приписано рукой Ковалевского: «Корова направлена 1.10.41 за номером 93 и здана <так — *М.И.*> под стражу Стриуцкого»[19]. Во всех распоряжениях по коровам требовалось указывать их масть («рыжая в пятнах», «красной масти», «белой масти, лысая», «красная, голова в пятнах» и др.). Что делали со сданными под стражу коровами, неизвестно.

Обычным явлением стали доносы соседей друг на друга: выискивался тот, у кого в доме оставались вещи, прежде принадлежавшие евреям. 29 сентября 1941 года квартальным Даниловым составлен акт: «Мною квартальным города Борисова обследовано то есть выяснил оставшиеся жидовские вещи по ул. К. Маркса дом 10 фамилия Чапурина. По словам этайже старухи, которая живет у данным доме эта же жидовка находится у лагири жидов, а муж этой жидовки фамилия его Чапурин Александр Семенович [...] и вещи находятся под его ведением.»[20] Кто такая «этайжа» старуха? В 1998 году фонд Спилберга взял интервью у дочери Александра Семеновича Чепурина Марии Александровны. Она рассказала, что когда ее мать ушла в гетто, то отец взял в дом женщину, чтобы смотрела за хозяйством и за ребенком. Александру Семеновичу удалось выкупить свою жену из гетто,[21] но у нас есть все основания предположить, что эта же женщина и выдала ее полиции, и она погибла в акции. Чепурин, не зная, кто донес на его жену, продолжал держать эту женщину у себя в доме. И потом она снова донесла, но уже не на еврейскую хозяйку дома, а на ее вещи. Мария Александровна в своих показаниях рассказывает, как к их дому подъехали подводы и долго вывозили всю мебель, пока не оставили пустой дом.[22]

Зачем было доносить соседям на соседей? Если на прятавшихся евреев доносили из страха за свою жизнь и в надежде обезопаситься перед оккупационными властями или получить лишний пищевой паек, то ведь никто не вынуждал доносить, например, на соседа, который

уехал из Борисова в деревню и забрал с собой несколько еврейских вещей.

26 августа 1941 жительница Борисова Поплавская пишет заявление «Коменданту города Ново-Борисова»: «Нахожусь в еврейском доме, так как огород был куплен за деньги, а жидов дома нет. Соседи сегодня пришли в огород и вырыли почти весь картофель [....] Прошу вашей помощи.»[23] Квартальный Мирончик произвел расследование и составил протокол, в котором Поплавская дает показания: «18 августа по разрешению уполномоченного меня переселили на ул. 8 марта в жидовскую квартиру и этот жид до войны отдолжил в меня 300 руб. И когда стала война он сказал, что я отдам огород картошки за 300 руб. Проживающие там соседи как то Косая и другие 25.8.41 года набросились на мой огород и довай копать картошку. Я вышедши стала им говорить чтобы некопали у вас имеется своя картошка они набросились на меня и довай избивать называя на меня похабными словами, и потом 26.8.41 года собравшись общим толокой и выкопали усю картошку тоесть огород занимаю площать в 25 соток»[24].

Далее в тот же день квартальный Мирочник допросил гражданку Косую, которую обвиняла пострадавшая. Косая подтвердила факт избиения, но утверждала, что сама она стояла в стороне.[25]

Вероятно, казус, описанный в этих документах, был не единичным. Соседи подозрительно и иногда враждебно относились друг к другу, и доносы часто писались из зависти, жадности и в надежде на материальную выгоду. Часто по тем же причинам выдавали и евреев.

Как же понять такое отношения к своим соседям-евреям, а также и друг к другу? Язык и стиль, которым написаны заявления жителей в полицию, дают нам представление о том, насколько невежественны и безграмотны были жители провинции. Это видно и в строении фраз, и в лексической беспомощности. Очень многие среди тех, кого допрашивали полицейские, просто не умели ни читать, ни писать и ставили крест вместо подписи, хотя, судя по дате их рождения, их детство прошло уже при советской власти. Большая часть заявлений-доносов были записаны рукой работников службы порядка, а автор внизу рисовал некое подобие подписи. Если же подпись и стояла, то она бывала часто такая кривая, что по ее виду понятно, что автор заявления вряд ли часто держал в руках карандаш. Особенности отношений между соседями в деревнях, унаследованные от прошлых поколений, о которых много писали русские классики (Горький, Есенин и др.),

подверженность мелочности и зависти, подозрительность — вот, на мой взгляд, что может быть одной из причин враждебного отношения к еврейским соседям в условиях войны.

Вместе с тем общая картина взаимоотношений белорусских жителей с местными властями в отношении евреев далеко не однозначна. Среди рядовых жителей Белоруссии было немало людей бескорыстных, благородных и самоотверженных, в условиях террора сумевших противопоставить себя нацистской антисемитской политике, многие из которых признаны в Яд Вашеме Праведниками Народов Мира

Документы службы порядка Борисова, а также документы других областных архивов, в которых отражается делопроизводство на нижних уровнях властных структур, являются уникальным источником, часто более аутентичным, чем свидетельские показания. При расшифровке и распечатке свидетельских показаний интервьюер обычно правит язык и стиль, сглаживает диалекты. Архивные же документы написаны на подлинном бюрократическом или разговорном языке, поэтому они дают слепок времени и культурного пласта, к которому относились «респонденты», а также стереотипы мышления и эмоциональных реакций представителей того времени. Документы предоставляют нам образцы диалектов, как будто бы результируют диалектологические экспедиции в прошлое.

Кроме того, эти архивные материалы ставят перед исследователями новые проблемы в изучении Холокоста в бывшем Советском Союзе: широта полномочий и степень самостоятельности местных органов власти и способ подчинения их немецким структурам; вопрос о конфискации скота, принадлежавшего евреям, так как по этому поводу ни в одном нормативном документе о конфискации еврейского имущества ни словом не упоминается[26]; способ введения немцами слова «жид» в делопроизводство и в разговорный язык как переход от советского интернационализма к нацистскому национализму и др. Эти вопросы ждут новых исследований.

Примечания

[1] К вопросу о коллаборационизме в Беларуси, 1941–1945 гг. // Евреи и культура. Минск, 1998. С. 99–106.

[2] *Rein L.* The Kings and the Pawns: Collaboration in Byelorussia during World War II. New York–Oxford, 2011.

[3] *Розенблюм А.* Память на крови. Минск, 1998.

[4] См., например, книги: *Винница Г.* Холокост на оккупированной территории Восточной Беларуси в 1941–1945 годах, Минск, 2011. *Christian Gerlach*, Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944, Hamburg, 1999, а также сайт Мемориала Яд Вашем "The Untold Stories" (http://www1.yadvashem.org/untoldstories/database/homepage.asp)

[5] Архив Яд Вашема, M.41/119.

[6] Архив Яд Вашема, M.41/2396, Государственный архив Минской области, ф. 635, оп. 1, д. 31.

[7] Там же.

[8] Архив Яд Вашема, M.41/2696, Государственный архив Минской области, ф. 631, оп. 1, д. 26.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев Белоруссии. Тель-Авив, 2000. С. 80–82.

[12] См. *Винница Г.* Холокост на оккупированной территории Восточной Беларуси в 1941–1944 годах. Минск, 2011. С. 150–155.

[13] Архив Яд Вашема, M.41/2396, Государственный архив Минской области, ф. 635, оп. 1, д. 31.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Архив Яд Вашема, M.41/2686, Государственный архив Минской области, ф. 635, оп. 1, д. 17.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Архив Яд Вашема, M.41/2685, Государственный архив Минской области, ф. 635, оп. 1, д. 16.

[21] Архив Яд Вашема, O.93/50420.

[22] Там же.

[23] Архив Яд Вашема, M.41/2689, Государственный архив Минской области, ф. 635, оп. 1, д. 26.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Нацистское золото из Беларуси. Минск, 1998. Холокост в Беларуси. 1941–1944; Документы и материалы. Минск, 2002.

Александр Ермаков
(Ярославль)

АНТИСЕМИТСКАЯ ПРОПАГАНДА С ПАРЛАМЕНТСКОЙ ТРИБУНЫ: ВЫСТУПЛЕНИЯ ЮЛИУСА ШТРЕЙХЕРА В БАВАРСКОМ ЛАНДТАГЕ (1924—1932 гг.)

«За 25 лет, в течение которых Штрейхер говорил и писал о ненависти к евреям и проповедовал эту ненависть, он стал широко известен как “антисемит № 1”. В своих речах и статьях, неделя за неделей и месяц за месяцем, он отравлял сознание германского народа ядом антисемитизма и подстрекал его к активным преследованиям евреев», — говорится в обвинительном заключении Нюрнбергского Трибунала[1]. Обвинительное заключение подкреплялось ссылкой на 49 статей из еженедельника «Штюрмер» за 1938–1944 г. и на устные выступления Штрейхера после прихода нацистов к власти. Однако представляется важным проанализировать возможности и границы, содержание и формы антисемитской пропаганды гитлеровцев в Веймарской республике, когда они только боролись за власть. Именно в это время национал-социалистическая партия формировала свой набор пропагандистских антисемитских клише, подбирала аргументацию, разрабатывала комплекс конкретных мер по решению «еврейского вопроса». Одним из источников по истории антисемитской пропаганды являются выступления Юлиуса Штрейхера перед депутатами баварского ландтага в 1924–1932 гг.

После провала путча 8–9 ноября 1923 г. нацистская партия находилась в кризисе, ее лидер, А. Гитлер, отбывал тюремное заключение до 20 декабря 1924 г. Нацистский вождь считал себя непревзойденным оратором и был убежден, что только устное слово «в состоянии произвести переворот» в умах людей[2]. Однако под впечатлением его первой

после освобождения речи баварское правительство уже 9 марта 1925 г. запретило лидеру национал-социалистов выступать публично. Это решение, к которому присоединились и многие другие немецкие земли, оставалось в силе в течение двух лет.

Вторым после Гитлера оратором в нацистской партии, обладающим «врожденным талантом», считал себя «профессиональный антисемит» Юлиус Штрейхер[3], назначенный в 1925 г. гауляйтером Нюрнберга-Фюрта. Несколькими месяцами ранее он обрел депутатскую неприкосновенность и возможность обнародовать свои взгляды с парламентской трибуны — в 1924 г. национал-социалисты впервые получили 23 места (17,8%) в баварском ландтаге. Хотя на очередных выборах четыре года спустя им удалось сохранить только 9 мест (7,0%), Штрейхер вновь оказался среди депутатов.

За 8 лет пребывания в баварском ландтаге Штрейхер выступал с речами 23 раза, главным образом при обсуждении бюджетов министерств юстиции, иностранных дел, внутренних дел и министерства по делам культов. Девятнадцать его выступлений пришлись на 1924–1928 гг., когда нацистская партия находилась в упадке и для национал-социалистов была крайне важна любая возможность открыто проповедовать свои идеи. С ноября 1924 по июль 1927 г. Штрейхер выступил 17 раз, в 1928–1930 гг. появлялся на трибуне по 2 раза в год, а за последние два года своих депутатских полномочий (1931–1932 гг.) не пожелал обратиться к членам ландтага ни разу. В 1938 г. тринадцать речей Штрейхера были включены издательством «Штюрмер» в сборник «Борьба со всемирным врагом», посвященный очередному съезду партии. В комментариях составителя сборника Хайнца Прайса неоднократно говорится, что депутаты ландтага занимались «пустой болтовней», в то время как Штрейхер якобы сразу схватывал суть проблемы и предлагал единственно верное решение[4]. В действительности всякий раз его речь сводилась к рассуждениям о «засилье» евреев, а в качестве решения любого вопроса предлагались антисемитские меры. Из протоколов заседаний ландтага видно, что председатель периодически призывал ретивого оратора вернуться к сути дела. Исключением является только речь Штрейхера 23 марта 1926 г., произнесенная в ходе обсуждения бюджета министерства по делам культов. Это позволяет утверждать, что Штрейхер не участвовал в конструктивной законодательной деятельности и использовал парламентскую трибуну почти исключительно в целях антисемитской пропаганды.

Соответствующей была и реакция аудитории на выступления и даже на само появление на трибуне этого неистового антисемита. Штрейхер привык к восторженному приему со стороны участников нацистских митингов. Один из очевидцев публичного выступления Штрейхера в 1920-е гг. вспоминал: «Он не говорил, он кричал: расовая проблема является ключом к пониманию мировой истории. Нашим несчастием являются евреи. Это была совсем другая мелодия, чем старый, скучный старогерманский антисемитизм. Это был антисемитизм свежий, как пиво, только что принесенное из погреба. Выступления Штрейхера были сенсациями, приводившими слушателей в исступление. Массы мелких буржуа визжали от восторга»[5].

Разумеется, нацисты в баварском ландтаге поддерживали своего главного оратора аплодисментами и выкриками «совершенно верно», «слушайте, слушайте», «очень хорошо». Однако в зале заседаний национал-социалисты составляли меньшинство. Более трети мест (35,5% в 1924 г. и 35,9% в 1928 г.) занимали депутаты Баварской народной партии (БНП), немалую долю имели социал-демократы (17,8% и 26,6% соответственно), коммунистам удалось провести в ландтаг 9 депутатов (7,0%) в 1924 г. и 5 (3,9%) — в 1928 гг. Теоретически Штрейхер мог рассчитывать на поддержку правых партий Баварского крестьянского союза, Немецкой национальной народной партии и Немецкой народной партии, увеличивших свое представительство в ландтаге с 17,1% в 1924 г. до 26,6% в 1928 г. Но звучавшие из его уст обвинения в сотрудничестве с евреями в адрес всех партий нередко сводили эту поддержку на нет. Правая часть зала заседаний чаще всего выслушивала его выступления молча, из рядов БНП время от времени раздавались аплодисменты и крики «браво», а слева слышались смех и неодобрительные выкрики. В зависимости от вопросов, затронутых Штрейхером, инициативу брали то коммунисты, то социал-демократы. Часто обе фракции совместно протестовали против высказываний нацистского оратора — секретарь заносил в стенограмму записи о «выкриках слева», «оживлении слева» или «смехе слева». В некоторых стенограммах зафиксированы фамилии депутатов, которые прерывали или комментировали выступления Штрейхера: ответственного секретаря СДПГ в Вюрцбурге Фрица Эндреса, слесаря по ремонту машин из Нюрнберга Франца Ксавера Бюхса (КПГ), подсобной работницы из окрестностей Мюнхена Розы Ашенбреннер (КПГ), учителя из Мюнхена Германа Магера (КПГ), секретаря СДПГ из Нюрнберга Ганса

Дилля. Социал-демократы Эндрес и Дилль не раз бросали в глаза главному нацистскому антисемиту оскорбления, называя его идиотом и шутом. В стенограмме первого выступления Штрейхера в ландтаге 20 ноября 1924 г. выкрики с мест, смех, протесты, негодование, оживление и вмешательство председателя заседания с целью наведения порядка отмечены более 40 раз. Речь, посреди которой председатель пригрозил вывести с галерки слушателей, завершилась выкриками и язвительными возгласами «ура»[6]. После того как на заседании 25 июня 1930 г. Штрейхер сказал первые несколько слов, социал-демократическая партия в полном составе покинула зал заседаний[7].

Привыкший не стесняться в выражениях Штрейхер постоянно слышал от председателя призывы к порядку и пожелания «выражаться в приличной форме», «избегать оскорблений», «быть осторожнее в выборе слов», «знать меру». В отличие от многих депутатов, серьезно готовившихся к обсуждению вопросов повестки дня, нацистский оратор, по-видимому, не имел текстов и, выйдя на трибуну, импровизировал. Такая импровизация давалась Штрейхеру без труда, поскольку он несколькими фразами сводил обсуждение любого вопроса к антисемитской теме и в доказательство своей правоты использовал либо примеры из собственной судебной практики, либо ограниченный набор аргументов, которые из раза в раз повторял почти дословно.

К его излюбленным изречениям относились высказывания либерального немецкого политика Вальтера Ратенау: «300 человек, которые знакомы друг с другом, управляют историей всего мира» и «Тот, кто через 20 лет проедет по Германии, упадет от стыда и горя. Дороги станут непроходимым, лес на горах будет вырублен. Людская нищета смотрит из оконных проемов крупных городов. Источники пересохли. Немецкий народ, прекраснейший народ Земли, жив и одновременно мертв». Неоднократно Штрейхер цитировал слова из книги австрийского философа Отто Вейнингера «Пол и характер»: «Еврейство обнаруживает черты антропологического родства с обеими упомянутыми расами: с неграми и с монголами. На негров указывают столь распространенные среди евреев курчавые волосы. На примесь монгольской крови указывает столь обычная среди евреев китайская или малайская форма лицевой части черепа, которой всегда соответствует желтоватый оттенок кожи» [8]. Особенно часто нацистский оратор обращался к словам британского премьер-министра Бенджамина Дизраэли, произнесенным в 1873 г.: «Расовый вопрос — ключ к мировой истории».

Штрейхер их всячески варьировал: расовый вопрос — ключ «ко всему», «к женевской Лиге Наций», «к вопросу о проституции», «к нашему сегодняшнему бедственному положению», «к нищете», «к событиям в Пфальце», то есть к сепаратизму. В парламентских речах главного нацистского антисемита десятки раз использованы одни и те же фальсифицированные цитаты из Талмуда, реже — библейские тексты, ссылаясь на которые, Штрейхер извращал древнюю историю еврейского народа и даже историю гибели Христа преподносил как «заговор евреев». Помимо того, в качестве обоснования антисемитской теории депутатам баварского ландтага предлагались мифы о «ритуальных убийствах», «еврейском ростовщическом капитале», «евреях-марксистах», а также клевета о «многочисленных» изнасилованиях и совращении немецких женщин и девушек.

В речах 1929 и 1930 гг. для подтверждения мифа о «всемирном еврейском заговоре» Штрейхер использовал фальсифицированные материалы Базельской программы 1897 г., принятой на первом сионистском конгрессе. Как известно, Базельская программа ставила цель создать для еврейского народа обеспеченное публичным правом убежище в Палестине. А пересказ Штрейхера звучал следующим образом: «Во всех государствах, где мы добиваемся власти, мы будем отменять смертную казнь до тех пор, пока не получим власть; мы будем отменять смертную казнь, чтобы сохранить жизнь тем, кто борется за нас, евреев. Но когда мы однажды получим власть в том или ином государстве, то учредим кровавые суды; мы будем безжалостно убивать каждого, кто обратится против нас»[9].

Как правило, Штрейхер появлялся на парламентской трибуне, если обсуждался бюджет одного из баварских министерств. Шесть раз он выступал по поводу обсуждения бюджета министерства юстиции, по три раза — министерства внутренних дел, министерства иностранных дел и министерства по делам культов, отвечавшего также за политику в области образования. Лишь однажды нацистский оратор взял слово при обсуждении бюджета министерства социального обеспечения, а министерства экономики и сельского хозяйства не удостоил своим вниманием ни разу. Кроме того, Штрейхер посчитал нужным записаться на выступление, когда обсуждались проекты законов о социальном обеспечении молодежи, о врачах и о запрещении ритуального забоя скота.

Приоритеты Штрейхера легко поддаются объяснению — эти проблемы позволяли говорить на единственную интересующую его тему.

Обсуждение каждого вопроса — внутренней и внешней политики Германии, экономического положения, социальной ситуации, вопроса об абортах, состояния судебной и образовательной систем и т.д. — Штрейхер сводил к необходимости решения «расовой проблемы». Он призывал уничтожить «еврейскую бактерию» или «вырезать из немецкого народа это инородное тело», представлял борьбу с еврейством как борьбу со злом и ставил в зависимость от исхода этой борьбы судьбу других народов. «Носителем добра во всемирной истории всегда был немецкий народ. Мы верим в то, что гибель немецкого народа невозможна. Мы верим в то, что на основе этого развития, этой эпохи страданий, которую мы сейчас переживаем, однажды вспыхнет пламя, которое даст свободу немецкому народу, а через свободу немецкого народа — свободу белому, германскому человечеству!», — говорил Штрейхер в июне 1927 г.[10]

За время депутатских полномочий Штрейхер постепенно наметил контуры будущей антисемитской политики Третьего рейха. Многие его расистские лозунги позднее, на этапе организационной и морально-психологической подготовки к массовому уничтожению евреев (1933–1941 гг.), были реализованы национал-социалистами. В частности, в 1924–1932 гг. он предлагал:

— отказываться от ведения международных переговоров, если иностранными представителями являются евреи;

— запретить немецким евреям представлять Германию в международных делах;

— запретить немецким евреям и немцам, женатым на еврейках, занимать должности в судебной системе;

— лишить немецких евреев гражданского равноправия;

— подчинить немецких евреев законам об иностранцах;

— обязать немецких евреев носить на верхней одежде желтую заплату;

— выслать всех евреев из Германии (в Палестину);

— экспроприировать собственность немецких евреев;

— покончить с «еврейским ростовщическим капитализмом (капиталом)»;

— запретить браки между «арийцами» и евреями;

— карать внебрачные связи между «арийцами» и евреями смертной казнью;

— в ходе медицинских проверок установить расовую принадлежность всех жителей Германии;

— принудительно стерилизовать еврейских женщин;

— запретить врачам-евреям лечить «арийских» пациенток;

— обеспечить раздельное школьное обучение немецких детей и детей еврейского происхождения;

— воспитывать еврейских детей в исправительных домах;

— ввести в школах и педагогических академиях учебный курс «расоведения».

Штрейхер подвергал персональным нападкам ненавистных ему политиков, особенно часто — руководителя Баварской советской республики Курта Эйснера, министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау, «женатого на еврейке» канцлера и министра иностранных дел Густава Штреземана, американских финансистов Чарльза Дауэса и Оуэна Юнга, чернокожую танцовщицу из США Жозефину Бекер. Главной мишенью Штрейхера был «еврейский приспешник», леволиберальный обер-бугромистр Нюрнберга Герман Луппе.

Трижды на заседаниях баварского ландтага, в марте 1925 г., марте 1927 г. и в июне 1930 г., Штрейхер обрушивался на немецкого психиатра Магнуса Хиршфельда (1863–1935), занимавшегося исследованиями сексологии, в частности, гомосексуализма, и призывавшего к легализации абортов. «Немец по своей крови, — утверждал Штрейхер, — стоит слишком высоко, ему было бы стыдно заниматься такими вопросами. Этим заняты евреи и пролетариат»[11]. Для себя он, по-видимому, сделал исключение из этого правила — после разгрома Третьего рейха в офисе еженедельника «Штюрмер» в Нюрнберге были найдены монографии Хиршфельда и других исследователей сексуальности: немецкого психиатра Альберта Молля (1862–1939), австрийских психиатров Рихарда фон Крафт-Эбинга (1840–1902) и Зигмунда Фрейда (1856–1939), а также множество псевдонаучных книг о мужской и женской проституции. Метод работы Штрейхера с литературой состоял в том, что он пробегал книгу глазами, подчеркивал красным карандашом то, что казалось ему полезным, приказывал перепечатать это на машинке, а затем переписывал цитаты на собственном антисемитском жаргоне. В таком виде они попадали в «Штюрмер» и пересказывались в ходе устных выступлений [12].

С антисемитской, расистской позиции Штрейхер атаковал Ноябрьскую революцию 1918–1919 гг.; Баварскую советскую республику; Веймарскую республику, ее политические институты и общественные организации; марксистские партии (СДПГ и КПГ); все остальные пар-

тии Германии, включая правые; католическую и протестантскую церкви; Советский Союз и «Интернационал» — не особенно заботясь о том, понятно ли слушателям, о каком именно Интернационале, Коммунистическом или социалистическом, идет речь. Главный нацистский антисемит объявлял Ноябрьскую революцию «еврейским путчем», а Веймарское государство — «республикой лжесвидетельства и клятвопреступления», «в которой господствует еврей» и «которая приносит пользу не немецкому народу, а чужакам-евреям». Он заявлял, что «основой марксизма является еврейство... Если Вы хотите победить марксизм, то Вы должны решить еврейский вопрос!» Марксистские партии, убеждал Штрейхер депутатов, «подмазаны еврейскими деньгами» и повинны в господстве евреев в Германии.

Выступления Штрейхера в ландтаге в некоторой степени являются продуктом антисемитской риторики всей нацистской партийной верхушки. У Готфрида Федера и из партийной программы «25 пунктов» он заимствовал идею о связи между капитализмом и еврейством[13], а у гауляйтера Берлина Йозефа Геббельса — фигуру «Исидора Вайса», как тот называл шефа берлинской криминальной полиции и заместителя президента полиции Берлина Бернхарда Вайса (1925–1932). Геббельс вел кампанию травли Вайса в своей газете «Ангрифф», в листовках и речах[14]. В 1928 г. он вместе с художником Гансом Швейцером (Мьёльниром) опубликовал пасквиль на республику и ее политиков «Книга Исидора»[15]. В конце концов, Вайс подал в отставку. Временами выступления Штрейхера как по содержанию, так и по стилю трудно отличить от антисемитских фантазий Гитлера, изложенных в книге «Майн кампф» («Моя борьба»). К речам Штрейхера вполне применимы слова немецкого историка Иоахима Феста о том, что перед читателем гитлеровской книги «мир предстает в картинах совокупления, непотребности, извращения, осквернения и кровосмешения»[16].

Как и вся нацистская идеология, антисемитские идеи Штрейхера, обнародованные в ландтаге, базировалась на неприятии модернизации во всех ее формах и проявлениях — политической, экономической, социальной. Модернизационные процессы и гуманизацию немецкого общества он связывал с «происками» евреев, а их результаты — с «засильем» евреев, предстоящим порабощением ими немецкого народа и даже с грядущей гибелью нации. Империя Гогенцоллернов (1871–1918 гг.) и в еще большей мере средневековая Германия привлекали его именно дискриминационными мерами в отношении немецких ев-

реев. «Мы черпаем свои знания из истории», уверял Штрейхер депутатов ландтага[17] и не уставал рассказывать им, что в Средние века евреи в Германии не могли быть офицерами и судьями, не имели гражданских прав, обязаны были носить на одежде желтую заплату, а за связь с немкой их ожидало повешение.

Нацистский оратор с самых реакционных позиций яростно обрушивался на все новые явления современной эпохи. Он не раз спорил с коммунистами и высказывался за сохранение смертной казни, поскольку ее отмена якобы прокладывает евреям путь к мировому господству. Он возражал социал-демократам и требовал запретить в Германии язык эсперанто и кричал с трибуны ландтага: «Избавьте нас от этой еврейской тарабарщины! Может быть, для гортани всемирного еврея эсперанто подходит лучше, чем немецкий язык, но не для нас. К сожалению, сегодня уже носятся с идеями ввести эсперанто в гимназиях как учебный предмет. В народных высших школах уже изучают этот еврейский жаргон. Еврей действует. Когда он однажды путем революции, путем обмана рабочего класса установит свое господство над всеми народами, ему понадобится единый язык для единой расы, для "расы человек". Но мы должны позаботиться о том, чтобы не попасть под господство еврея и не стать "расой человек"!»[18] Штрейхер призывал сурово карать не только врачей, практикующих аборты, но и тех, кто ведет общественную кампанию за отмену антиабортного параграфа 218 Уголовного кодекса[19] — немецких феминисток, коммунистов, социал-демократов, медиков. Он добивался запрета в Германии джаза — «негритянской музыки, музыки крааля». «От народа, который уже в течение 10 лет загрязняют джазом, в будущем нельзя ожидать никаких крупных достижений и никакой преданности идеалам», — говорил он депутатам ландтага[20]. Ненависть Штрейхера вызывала даже световая реклама, которая недоступна «арийским» лавочникам, а по карману только евреям — хозяевам универмагов. Такая реклама якобы уродует немецкий город, превращает его в большой еврейский торговый дом, обманывает немецких покупателей, зазывая их на распродажи.

С яростным неприятием эмансипации немецких евреев была тесно связана и критика эмансипации женщин. Гендерные убеждения главного нацистского антисемита были насквозь патриархатными. Мужчина — как немец, так и еврей — предстает в речах Штрейхера как активный субъект, а женщина всегда и в любом качестве (жены, любов-

ницы, домашней прислуги, промышленной работницы и крестьянки) — как объект его действий. Для нацистского оратора разумелось само собой, что решения о любых аспектах жизни женщины, будь то производительный труд, досуг, планирование семьи, интимные отношения, принимают исключительно мужчины.

Вульгарный антисемитизм Штрейхера, пропитанный антимодернизмом, в то же время носил отнюдь не патриархальный, а вполне современный, расово-биологический характер. Крещеный и родившийся в Германии еврей оставался для него чуждым в расовом отношении иммигрантом, поступки которого определяются не культурными характеристиками, но только происхождением, «кровью»: «Еврей — это не немец, а уроженец чуждой расы» (26 июня 1925 г.); «Вы можете научить негра немецкому языку, вы можете научить его применять законы и посвятить в суть параграфов. Но этот негр, в конечном счете, будет судить так, как подсказывает его кровь — а внутренняя сущность человека заложена в его крови»; «Глубочайшая сущность человека заключена в его крови... Крещением нельзя изничтожить свою еврейскую расу: еврей связан со своей еврейской кровью» (20 апреля 1926 г.); «Еврей не является немцем ни по крови, ни по духу» (30 марта 1927 г.); «Свидетельство о крещении не делает еврея другим» (22 февраля 1929 г.) и т.д.

Таким образом, парламентская трибуна в Веймарской республике предоставляла широкие возможности для антисемитской пропаганды в ее вульгарном, погромном варианте. Депутатский мандат гарантировал оратору-антисемиту неприкосновенность и обязательную публикацию речей за государственный счет. Штрейхер активно использовал эти возможности, особенно во время первого срока своих депутатских полномочий, когда партия находилась на грани распада, а ее главный оратор Гитлер был лишен права выступать. Парламентская трибуна была нужна ему не для участия в законотворческом процессе, а исключительно для антисемитской пропаганды. Фанатичная ненависть Штрейхера к евреям делала его невосприимчивым к враждебной реакции депутатов-антифашистов. Его антисемитские импровизации, основанные на клевете, мифах и фальсификациях, отличались однообразием и изобиловали дословными повторами. Эти выступления помогли Штрейхеру в постепенной разработке целого комплекса мер, направленных на вытеснение немецких евреев из всех сфер жизни страны, на их отчуждение от «арийцев». Речи гауляйтера Нюрнберга-Фюрта

в баварском ландтаге показывают, что нацистский антисемитизм, как коллективный проект всей верхушки гитлеровской партии, был основан на расовой доктрине нацизма и находился в тесной взаимосвязи с яростным неприятием политической демократии, христианской морали, модернизации и эмансипации. Неспособность первой немецкой республики эффективно противостоять подобного рода пропаганде развязывала руки ее непримиримым противникам — нацистам, подрывала легитимность Веймарского государства и стала одной из причин его краха.

Примечания

[1] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в семи томах. Т. 7. М., 1961. С. 463.

[2] *Hitler A.* Mein Kampf. 620. Auflage. München, 1942. S. 525.

[3] *Baird J.W.* Das politische Testament Julius Streichers. Ein Dokument aus den Papieren des Hauptmanns Dolibois // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1978. Heft 4. S. 679.

[4] См.: *Streicher J.* Kampf dem Weltfeind. Reden aus der Kampfzeit gesammelt und bearbeitet von Dr. Heinz Preiß. Nürnberg, 1938.

[5] Цит. по: *Корнев Н.* Третья империя в лицах. М., 1937. С. 449. См. также: Streichers Mission // Pariser Tageblatt. 1935. 17. August. S. 1.

[6] Verhandlungen des Bayerischen Landtags. I. Tagung 1924. II. Tagung 1924/25. Stenographische Berichte. Nr. 1 bis 34. I. Band. S. 706–711.

[7] Ibid. III. Tagung 1929/30. Stenographische Berichte. Nr. 53 bis 77. III. Band. S. 828.

[8] *Weininger O.* Geschlecht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung. 9. Aufl. Wien, 1907. S. 411.

[9] Verhandlungen des Bayerischen Landtags. III. Tagung 1929/30. Stenographische Berichte. Nr. 53 bis 77. III. Band. S. 832.

[10] Verhandlungen des Bayerischen Landtags. IV. Tagung 1926/27. Stenographische Berichte. Nr. 130 bis 162. VI. Band. S. 758.

[11] См.: Verhandlungen des Bayerischen Landtags. I. Tagung 1924. II. Tagung 1924/25. Stenographische Berichte. Nr. 1 bis 34. I. Band. S. 548; Ibid. IV. Tagung 1926/27. Stenographische Berichte. Nr. 130 bis 162. IV. Band. S. 562; Ibid. III. Tagung 1929/30. Stenographische Berichte. Nr. 53 bis 77. III. Band. S. 832.

[12] Besuch in der Redaktion des "Stürmer" // Aufbau. 1945. 13. Juli. S. 2.

[13] См.: *Feder G.* Das Programm der NSDAP und seine weltanschaulichen Grundgedanken. 166–169. Aufl. München, 1935.

[14] *Barth Chr.* Goebbels und die Juden. Paderborn, 2003. S. 59–60.

[15] См.: *Goebbels J., Mjoelnir.* Das Buch Isidor. Ein Zeitbild voll Lachen und Hass. 5. Aufl. München, 1931.

[16] *Фест И.* Гитлер: Биография. Т. 2. Пермь, 1993. С. 11.

[17] *Streicher J.* Kampf dem Weltfeind. Reden aus der Kampfzeit gesammelt und bearbeitet von Dr. Heinz Preiß. Nürnberg, 1938. S. 102.

[18] Verhandlungen des Bayerischen Landtags. III. Tagung 1925/1926. Stenographische Berichte. Nr. 106 bis 129. V. Band. S. 323.

[19] Reichsgesetzbaltt. 1871. Teil I. S. 167–168; Ibid. 1926. Teil I. S. 239.

[20] Verhandlungen des Bayerischen Landtags. I. Tagung 1928. II. Tagung 1928/1929. Stenographische Berichte. Nr. 1 bis 35. I. Band. S. 822.

Александр Круглов
(Харьков)

УЧАСТИЕ НЕМЦЕВ В СПАСЕНИИ ЕВРЕЕВ В УКРАИНЕ В 1941–1944 гг.

24 355 человек, в том числе 510 немцев получили — по состоянию на 1 января 2012 г. — присужденное Институтом Яд Вашем звание «Праведник народов мира»[1]. В действительности же немцев, которые помогали евреям или спасали их от уничтожения, было гораздо больше. Так, к 2004 г. банк данных по теме «Спасение евреев в национал-социалистической Германии 1933–1945 г.», созданный Центром по изучению антисемитизма при Техническом университете в Берлине (руководитель — проф. В. Бенц), содержал сведения о более чем 3000 немцев, которые тем или иным способом, в той или иной форме помогали евреям или спасали их[2]. Среди этих немцев были как гражданские лица, так и те, кто носил военную форму, причем форму не только вермахта, но также полиции и СС, или являлся сотрудником гражданской администрации в оккупированных странах, в том числе в Украине.

Мотивы у спасателей и помощников были разными. Одни руководствовались религиозными побуждениями, другие действовали, исходя из осознания преступности нацистского режима и готовности противодействовать ему доступными средствами, третьих побуждали принципы порядочности и гуманизма.

Из более чем 500 немцев-праведников это звание за спасение евреев в Украине получили семь человек — Вилли Арем, Герман Фридрих Грэбе, Йозеф Мейер, Эберхард Хелмрих — в 1965 г.; Фриц Фидлер (1966 г.), Конрад Швезер (1967 г.) и Бертольд Бейтц (1973 г.).

Среди них наиболее известным в мире является Бертольд Бейтц (Berthold Beitz). В 1941–1944 г. он занимал должность коммерческого директора нефтедобывающей компании в Бориславе (Karpathen-Öl AG) и спас сотни евреев, работавших на его предприятии, от депортации в лагерь уничтожения, представляя их в качестве незаменимых для предприятия, имеющего военное значение. Многие евреи, которых защищал Бейтц, бежали в окрестные леса и смогли дожить до освобождения. В декабре 1942 г. на Бейца поступил донос в гестапо, однако благодаря вмешательству его друга юности Бендта, который занимал крупный пост в СД, доносу не был дан ход. В качестве благодарности Бейц после войны взял Бендта к себе в концерн Круппа. Хотя Бейтца упрекали в том, что он спасал от неминуемой смерти только работоспособных евреев, которые были ему необходимы для бесперебойной добычи сырой нефти, Яд Вашем счел эти упреки необоснованными и в 1973 г. присвоил Бейтцу звание «праведника народов мира»[3].

Дипломированный фермер Эберхард Хелмрих (Eberhard Helmrich) с августа 1941 г. был гебитсландвиртом (областным руководителем сельского хозяйства) в Дрогобыче. Используя свое служебное положение, он смог спасти несколько десятков еврейских женщин, выдав им фальшивые удостоверения личности с польскими и украинскими фамилиями и отправив их в Берлин в качестве домашних работниц; в Берлине его жена Доната осуществляла их трудоустройство в немецких семьях, которым, естественно, ничего не сообщалось об истинном происхождении женщин. В 1965 г. по решению Яд Вашем Хелмриху было присвоено звание «праведника народов мира»; его жене это звание было присвоено в 1986 г.[4]

Герман Фридрих Грэбе (Herrmann Friedrich Graebe) с сентября 1941 г. до января 1944 г. был управляющим и главным инженером центрального бюро немецкой строительной фирмы “Josef Jung” (Solingen) в Здолбунове (Ровненская область) с филиалами в разных городах Волыни, в том числе в Ровно. Во время ликвидации гетто в Ровно 13–14.7.1942 г. у начальника штаба ровненского гебитскомиссара орденсюнкера Бека он добился выдачи документа, в котором указывалось, что еврейские рабочие (100 человек) фирмы “Josef Jung” не подпадают под акцию, и в течение ночи защищал дом, в котором находились еврейские рабочие, от вторжения украинской полиции и СС; после завершения акции он отправил еврейских рабочих в Здолбунов. Когда в октябре 1942 г. было ликвидировано гетто в Здолбунове, Грэбе снабдил 25 еврейских рабочих фальшивыми «арийскими» удостоверения и на своей машине перевез их в «филиал» фирмы в Полтаве. Фактически филиала как такового не существовало. Так называемый филиал Грэбе создал и содержал за счет собственных средств только с целью иметь надежное убежище для своих еврейских рабочих. Когда фронт приблизился к Полтаве, эти евреи смогли перейти на сторону Красной Армии. В 1944 г. Грэбе со своими еврейскими служащими сначала выехал в Варшаву, а оттуда — в Германию (Рейнланд). В сентябре 1944 г. он примерно с 20 своими подопечными бежал к американцам[5].

Гауптман д-р Фриц Фидлер (Fritz Fiedler) с лета 1941 г. до мая 1942 г. был ортскомендантом в Городенке (Ивано-Франковская область). 3 декабря 1941 г. он послал подчиненного ему фельдфебеля Гуске в гетто с приказом вывести оттуда еврейские семьи Кауфман и Шнайдер и на время предстоящей акции укрыть их в погребе своего дома. Всех еврейских рабочих комендатуры Фидлер собрал на ее территории, приказав своим людям в случае необходимости преградить доступ туда полицейским с помощью оружия. Никаких серьёзных последствий для Фидлера его защита евреев не имела: он лишь получил другое назначение, поближе к фронту[6].

Йозеф Мейер (Josef Meyer) был руководителем отдела продовольствия и сельского хозяйства в ведомстве крейсгауптмана (начальника

района) в Золочеве (Львовская область). До ноября 1942 г. он не верил, что евреев уничтожают в газовых камерах (а что их просто расстреливали он знал?). Когда же он в этом убедился, он стал помогать им в рамках своих возможностей — устраивал на работу, снабжал продовольствием, предоставлял укрытие. В связи с этим он в январе 1943 г. даже был на несколько дней арестован гестапо[7].

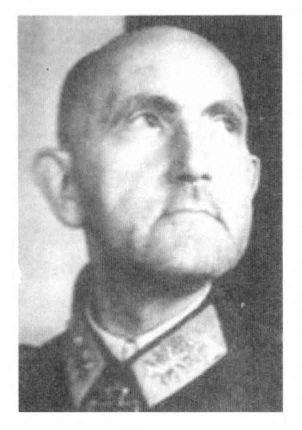
Вилли Арем (Willi Ahrem) с сентября 1941 г. до мая 1943 г. был гаупттруппфюрером ОТ (военизированной дорожно-строительной «Организации Тодт») в Немирове (Винницкая область). Во время акции в городе 23 ноябре 1941 г. благодаря его вмешательству были спасены 20 еврейских специалистов. Когда в июне 1942 г. он узнал о новой акции, он принял решение спасти по крайней мере несколько евреев, которых он хорошо знал. Он спрятал четверых евреев в подвале своего дома и затем переправил их в гетто Джурина (располагавшееся в зоне румынской оккупации — Транснистрии), снабжал их продовольствием и всем необходимым. В 1943 г. он за свою деятельность был обвинен в покровительстве евреям, переведен в Германию, где использовался как переводчик в вермахте[8].

Конрад Швезер (Konrad Schweser) с апреля 1942 г. до конца 1943 г. был гаупттруппфюрером ОТ в Теплике (Винницкая область). Будучи противником нацистского режима и руководствуясь гуманными соображениями, он оказывал всяческую помощь евреям, находившимся в тамошнем лагере принудительного труда: предупреждал их об акциях, помогал прятаться, обеспечивал больных лекарствами, содействовал бегству евреев в Транснистрию[9].

Подобно Арему и Швезеру вели себя и их коллеги, Вилли Фоллмер (Willi Vollmer) и Фриц Мюль (Fritz Mühl). Фоллмер, который с весны 1942 г. до лета 1943 г. был служащим ОТ в Браславе (Винницкая область) от фирмы «Horst und Jüssen», старался, насколько это было в его силах, облегчить жизнь узникам тамошнего лагеря принудительного труда, предупреждал их об акциях и даже сорвал одну акцию: когда однажды в 1943 г. в Брацлав приехали эсэсовцы для расстрела нетрудоспособных заключенных, Фоллмер их напоил, погрузил в их машину в качестве подарка сало, масло, мыло и уговорил отправиться обратно[10].

Мюль с мая 1942 г. до апреля 1943 г. был руководителем опорного пункта ОТ в Брацлаве и с 25.11.1942 г. до 10.1.1943 г. временно исполнял обязанности коменданта лагеря принудительного труда, принадлежащего фирме «Dohrmann/Schütte»[11]. Согласно свидетельству Рахель и Мордехай Ронес, он предупредил евреев об акции 5.2.1943 г., посоветовав им ни в коем случае не оставаться в лагере, и лично отправил на рабочее место одну еврейку, чтобы спасти ей жизнь[12]. С апреля 1943 г. Мюль был руководителем опорного пункт ОТ в селе Тарасовка (Гайсинский район Винницкой области). Во время ликвидации СД еврейского лагеря в Тарасовке 10.12.1943 г. он с карабином в руках попытался вмешаться в события, чтобы спасти хотя бы немного евреев, однако его товарищи силой увели его подальше от места расстрела. После окончания акции он подошел к яме, в которой лежали жертвы, увидел мучения еще живых и, чтобы прекратить их страдания, будто бы произвел несколько «выстрелов милосердия»[13]. В конце 1943 – начале 1944 г. Мюль вновь находился в Брацлаве. Когда при приближении фронта эсэсовцы решили расстрелять всех заключенных лагеря принудительного труда, он помог большинству из них бежать[14].

Ни Фоллмер, ни Мюль не были удостоены звания праведника, возможно, из-за отсутствия у Яд Вашем соответствующей информации. Не были удостоены звания праведника и некоторые другие немцы, спасавшие евреев. К ним можно отнести Гельмута Гроскурта и Отто Корфеса, Роберта Квекке и Эрнста Першке, Эмануэля Хирша и Готлиба Бека, Якоба Нюсселера и Николауса Пигера и многих других.

С именами Гроскурта и Корфеса связан первый случай вмешательства немцев с целью прекращения убийств евреев. Этот случай имел место в городе Золочев (Львовская область) в начале июля 1941 г. Город был захвачен немецкими войсками 1 июля 1941 г. Уже через несколько часов после вступления в город немецких войск солдаты дивизии СС «Викинг» и украинские националисты-антисемиты устроили охоту на евреев: мужчин на улицах и в домах подвергали истязаниям, забивали до смерти или расстреливали, другие

были угнаны в крепость, где тем временем были обнаружены массовые могилы с трупами 649 заключенных, расстрелянных НКВД. 2 июля украинская «милиция» расклеила по городу объявления с требованием к евреям собраться на следующий день в 8 часов утра на площади у ратуши. Тех, кто не явился добровольно, украинская «милиция» и эсэсовцы вытаскивали, избивая, из домов и гнали в крепость. В крепости евреи должны были доставать трупы из могил и укладывать их рядами. При этом их беспощадно избивали охранявшие их украинские «милиционеры» и эсэсовцы; и тех и других было по десять человек. Под вечер эсэсовцы установили пулеметы и из них открыли огонь по евреям. Узнав о массовых убийствах, начальник оперативного отдела 295-й пехотной дивизии подполковник Гельмут Гроскурт (Helmuth Groscurth), убежденный противник нацистского режима, предпринял попытку их прекратить. По его инициативе комендант города вызвал к себе командира 518-го пехотного полка 295-й пехотной дивизии, полковника Отто Корфеса (Otto Korfes), и поручил ему восстановить в городе порядок. Корфес, в свою очередь уполномочил заняться этим своего подчиненного, командира 1-го батальона, подполковника Эйтель-Фридриха Патцваля (Eitel-Friedrich Patzwahl). Патцваль довольствовался тем, что по его распоряжению из крепости были отпущены женщины и дети, в то время как убийства мужчин продолжались; расстрелы были прекращены из-за дождя и наступления темноты. С утра 4 июля убийства в крепости возобновились. Когда Корфес узнал об этом от офицера для поручений, он поехал туда со своим адъютантом. В крепости он обнаружил много солдат, ров, на краю которого стояли сотни евреев, а также вооруженных лопатами, топорами, кирками и ручными гранатами около дюжины украинцев в штатском, которых возглавляли эсэсовцы. Во рву стояли 60–80 человек, мужчин, женщин и детей. Многие другие были уже убиты ручными гранатами или ранены. Корфес приказал прекратить убийства, отослал из крепости солдат и велел закрыть доступ в крепость. Своего адъютанта и Патцваля он отправил в город за врачом. В то время как его солдаты заботились о выживших, Корфес информировал командира 295-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Герберта Гейтнера (Herbert Geitner), который в середине дня для ознакомления с обстановкой и принятия необходимых мер также приехал в крепость в сопровождении Гроскурта и адъютанта дивизии, майора Герхарда Бехли[15]. Вмешательство, по настоянию Гроскурта, руководства дивизии в события в Золочеве не

позволило погрому развиться дальше и сохранило жизнь части евреев города.

Спустя полтора месяца, когда 295-я пехотная дивизия дислоцировалась в городе Белая Церковь (Киевская область), Гроскурт попытался сохранить жизнь нескольким десяткам еврейских детей. 20 августа 1941 г. от дивизионных священников он узнал, что в одном доме в городе без пищи и воды заперты около 90 еврейских детей, чьи родители уже расстреляны. О дальнейшем развитии событий мы узнаем из объяснительной записки самого Гроскурта от 21.8.1941 г. «В связи с этим сообщением, — писал Гроскурт, — я в 16.30 с офицером для поручений обер-лейтенантом Шпёрхазе, дивизионным священником д-ром Ройссом и переводчиком зондерфюрером Тишуком отправился в дом, который находится в переулке, примерно в 50 м от улицы. Дом был виден с улицы, слышался плач детей. Во дворе стояли около 20 унтерофицеров и рядовых. Часового перед домом не было. По двору слонялись несколько вооруженных украинцев. Дети лежали на подоконниках, окна не были открыты. В вестибюле первого этажа стоял украинский часовой, который немедленно открыл дверь в комнаты, в которых находились дети. В 3 соединенных между собой помещениях находился еще один украинский часовой. Помещения были заполнены около 90 детьми и несколькими женщинами. В самой задней комнате, в которой лежали почти исключительно младенцы, женщина производила уборку. В остальных комнатах царила неописуемая грязь. Вокруг лежали тряпки, пеленки, нечистоты. Бесчисленные мухи покрывали частично голых детей. Почти все дети плакали или стонали. Вонь была невыносимой. Одна говорящая по-немецки женщина утверждала, что она совершенно невиновна, никогда не интересовалась политикой и не является еврейкой. Тем временем пришел обершарфюрер СД, которого я спросил, что будет с детьми. Он сказал, что родственники детей расстреляны, и что дети также должны быть устранены. Не высказывая своего мнения, я отправился в ортскомендатуру и потребовал от коменданта объяснений. Он объявил себя некомпетентным, на известные ему мероприятия СД он не имеет никакого влияния, он предложил обсудить дело с фельдкомендантом, подполковником Ридлем. Я отпра-

вился к нему в сопровождении ортскоменданта и 01[16]. Фельдкомендант сказал, что начальник зондеркоманды у него был, информировал его о своем задании, и оно выполняется с ведома фельдкоменданта. На распоряжения оберштурмфюрера он не имеет никакого влияния. Я спросил фельдкоменданта, считает ли он, что оберштурмфюрер имеет приказ высшего ведомства устранить также детей, мне об этом ничего не известно. Фельдкомендант возразил, что он убежден в правильности и необходимости этого приказа. Тогда я потребовал оцепить дом так, чтобы войска не имели возможности наблюдать эти события, которые уже вызвали сильную критику среди частей, так как расквартированные поблизости солдаты всю ночь слышали плач детей. Далее я потребовал, чтобы вывоз на расстрел был произведен незаметно. Я заявил, что готов предоставить в распоряжение части дивизии, если караула фельдкомендатуры будет недостаточно. Далее я заявил, что немедленно информирую группу армий для получения решения, следует ли продолжать расстрел детей. (Некоторое количество детей по сведениям фельдкоменданта уже было устранено днем ранее и притом украинской милицией по распоряжению СД). Фельдкомендант согласился с этим урегулированием и подчеркнул, что командир дивизии является старшим гарнизонным начальником и может отдавать все необходимые распоряжения. Пока не будет иметься решения группы армий, он «задержит» выполнение дальнейших мероприятий, но потребовал срочно письменный приказ. У меня было намерение прервать мероприятия, так как я считал, что вывоз детей состоится лишь в вечерние часы, а к этому времени будет иметься решение группы армий. Мне было ясно, что остановка мероприятий приведет к осложнениям с политическими ведомствами, и я хотел этого по-возможности избежать. Но фельдкомендант заявил, что вывоз детей состоится очень скоро. Тогда я распорядился, чтобы фельдкомендант сообщил начальнику зондеркоманды, что он должен отложить вывоз до решения группы армий. Сам я не хотел идти к начальнику зондеркоманды, чтобы как можно быстрее связаться с группой армий. Я полагал, что, учитывая принципиальное значение этого вопроса, группа армий должна быть немедленно информирована и сама дивизия не может принять решение. Ia[17] группы армий, с которым я немедленно связался, заявил, что делом должна заниматься АОК 6. С тамошним Ia долгое время нельзя было связаться. Решение г-на командующего он смог получить только вечером. Тем временем ко мне явился оберштурмфюрер Хэф-

нер, начальник зондеркоманды, и потребовал подтверждения переданного ему приказа дивизии. Он выпрашивал письменный приказ. В этом я ему отказал, заметив, что окончательное решение ожидается в скором времени. Он заявил менее воинственным тоном, что об этом распоряжении должен доложить своему начальнику. Он имеет ясный приказ осуществить мероприятие. На это я заявил, что настаиваю на своем распоряжении и в случае необходимости силой добьюсь его выполнения. Я еще раз категорически заявил, что мне известны указания политических ведомств, но в интересах поддержания воинской дисциплины я должен требовать осуществления мероприятий в подходящей форме. Решение армии ожидается. В 19.00 я доложил г-ну командиру дивизии об инциденте и принятых до сих пор мерах, которые он одобрил. Около 20.00 поступило решение армии отложить дальнейшее выполнение. Тем временем под вечер один грузовик уже был загружен детьми и стоял у дома. Фельдкомендант был немедленно информирован 01, оберштурмфюрер был вызван 01 в штаб дивизии, где я передал ему указание армии. Офицер штаба дивизии проконтролировал выполнение и предписанное тем временем фельдкомендантом оцепление. В это оцепление частично были назначены украинцы с винтовками без удостоверений. Это оцепление украинцами было заменено немецкими солдатами. Фельдкомендант тем временем позаботился о воде и хлебе для детей. 21.8. около 11.00 появился гауптман Люляй (офицер абвера, АОК 6) со штандартенфюрером Блобелем и оберштурмфюрером Хэфнером для предписанного армией совещания. Оно состоялось у фельдкоменданта. Гауптман Люляй перед прибытием в дивизию осмотрел местность, но в дом и место размещения детей не входил. Я изложил требование дивизии и категорически указал на то, что вмешательство дивизии было вызвано исключительно способом выполнения. Штандартенфюрер и оберштурмфюрер признали технические недостатки и заявили, что теперь положение вещей приводит к тому, чтобы найти форму быстрого окончания. Он собственно теперь не в состоянии осуществить задуманный расстрел. Фельдкомендант заявил, что первое сообщение сделали дивизионные священники. На это гауптман Люляй заметил, что хотя он евангелический христианин, однако считает, что священникам лучше заботиться о душах солдат. Из формы и способа высказываний как фельдкоменданта, так и гауптмана Люляя следовало, что они, во-первых, ставят под сомнение правдивость дивизионных священников, во-вторых, что дело они рассматривают как

«вынюхивание, чтобы что-нибудь найти». Они считают сообщение преувеличением и следствием любопытного вмешательства дивизионных священников. Штандартенфюрер на это ничего не сказал. Я вместе с 01 отбросил это неслыханное подозрение, так как дивизионные священники сначала сочли, что речь идет о самоуправстве украинцев, которые однажды в Золочеве заставили дивизию вмешаться. Затем в ходе совещания фельдкомендант попытался перевести дело в идеологическую область и устроить дискуссию по принципиальным вопросам. Он заявил, что уничтожение еврейских женщин и детей считает крайне необходимым, все равно, в какой форме оно проводится. Он несколько раз подчеркнул, что меры дивизии без нужды задержали устранение детей на 24 часа. К этому мнению присоединился штандартенфюрер и добавил, что будет лучше, если подразделение, которое пронюхало, само произведет расстрелы, и чтобы командиры, которые задержали мероприятия, сами возглавили это подразделение. Я в спокойной форме отверг этот замысел, не высказав своего мнения, так как хотел избежать личной резкости. При обсуждении мер, которые следовало предпринять, штандартенфюрер заявил, что командующий признает необходимость устранения детей и хочет его осуществить, поскольку в данном случае эти мероприятия уже начаты. Правильность этого мнения командующего мне уже подтвердил Ic[18] АОК 6. Затем обсуждались подробности осуществления расстрелов. Они должны быть произведены до вечера 22.8. Я в этом обсуждении не участвовал. Требуемые мною меры по *обереганию* войск будут осуществлены»[19]. Оценивая эту объяснительную записку, следует иметь в виду, что речь идет об официальном документе на имя командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, и поэтому Гроскурт составил ее в таких выражениях и в такой форме, которые не могли бы навредить ему лично.

Попытки Гроскурта противодействовать политике истребления не имели для него каких-либо негативных последствий. Более того, в 1942 г. он был произведен в полковники и повышен в должности — назначен начальником штаба 11-го армейского корпуса. Попав в плен в Сталинграде, Гроскурт умер 7.4.1943 г. от тифа в лагере военнопленных. Иной была судьба Отто Корфеса. Он также был повышен в звании и должности и даже награжден Рыцарским Крестом. Как и Гроскурт, он был взят в плен в Сталинграде, в плену вступил в антинацистский Союз немецких офицеров, действовавший под советским кон-

тролем. Вернувшись из плена, занимал различные государственные и общественные должности в тогдашней ГДР, умер в 1964 г.

Ни Гроскурт, ни тем более Корфес, который после войны выдавал себя за спасителя золочевских евреев, не были удостоены звания «Праведник народов мира», очевидно, потому, что их действия не отвечали полностью тем критериям, на основании которых это звание присваивается. В частности, Гроскурт рисковал только своей карьерой (Корфес фактически не рисковал даже карьерой), а не собственной жизнью, да и сама его карьера совершенно не пострадала. Нет однозначного ответа и на вопрос, что им конкретно двигало. Вероятно, он руководствовался соображениями гуманности, однако абсолютно точно определить мотивы его действий практически невозможно.

Неоднозначно можно оценивать и действия д-ра Альберта Ульриха (Albert Ullrich), который в 1941–1943 г. был директором полиции во Львове. В марте 1942 г. на него были возложены организация, осуществление и руководство выселением части евреев города в «рабочий лагерь». В состав комиссии по отбору для выселения входили два его подчиненных, а также по одному чиновнику биржи труда и хозяйственного отдела городского комиссариата. Ульриху помогали советами председатель еврейского совета д-р Ландесберг и начальник еврейского переселенческого управления, д-р Яффе. По их ходатайству во многих случаях Ульрих давал распоряжение об освобождении от выселения — депортации в лагерь уничтожения Белжец. Освобождение производилось, даже если предъявлялись иные по форме рабочие удостоверения, например, справки фирм и т.п. Фюрер СС и полиции во Львове бригадефюрер СС Кацман расценил действия Ульриха как саботаж и уже на третий день акции заменил Ульриха и членов его комиссии своими людьми[20]. Объективно действия Ульриха спасли тогда жизнь некоторому числу евреев, можно также предположить, что им двигали гуманные соображения, он не преследовал корыстных целей[21], но, с другой стороны, жизнью не рисковал и в силу занимаемой должности, которая входила в систему карательных органов, не мог не быть, по крайней мере косвенно, непричастным к политике истребления во Львове.

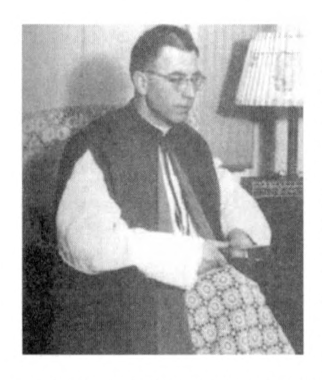
Подобную оценке действий Ульриха оценку можно дать и действиям немецкого консула в городе Черновцы, Фридриха Гебхарда Шеллхорна (Friedrich Gebhard Schellhorn), который в середине октября

1941 г. вмешался в процесс депортации евреев города в Транснистрию и настоял на том, чтобы депортация «экономически полезных» евреев была отложена. В своих мемуарах Шеллхорн утверждал, что причиной таких его действий были гуманистические убеждения и отвращение к издевательствам над людьми, однако доказательства этого из других источников отсутствуют[22].

Возможно, из-за сомнений в мотивах его действий, а, скорее всего, из-за отсутствия соответствующей информации в Яд Вашем, не получил звания праведника и инженер из Мюнхена Роберт Квекке (Robert Quecke), который в 1941–1942 г. руководил строительной фирмой в Стрелках близ Самбора (Львовская область). Во время первой «транспортной» акции в Самборе 4 августа 1942 г. некоторые немцы, среди них — секретарь крейсгауптмана (начальника района) и Квекке — безуспешно пытались освободить «своих» евреев. Ничего не добившись, Квекке вернулся в свою строительную фирму в Стрелки. Он и руководитель лесопильного завода Эрнст Першке (Ernst Perschke) из Ульма смогли там все же освободить уже арестованных украинской полицией евреев-рабочих. Своего еврейского бухгалтера Квекке лично провел через цепь часовых. Команда полиции безопасности поехала в Стрелки, чтобы арестовать Квекке за покровительство евреям. Аресту помешал, позвонив крейсгауптману Цинзеру, его друг Першке. 17–18 и 22 октября 1942 г. в Самборе были проведены новые «транспортные акции». В ходе этих акций евреев собирали в тюрьме, куда также доставляли евреев из окрестных населенных пунктов. Квекке вновь попытался освободить своих евреев-рабочих, но его попытки оказались безуспешными: руководитель комиссариата уголовной полиции в Самборе даже пригрозил ему расстрелом, вынудив Квекке спасаться бегством[23].

Шофером в фирме Квекке с февраля 1943 г. работал Якоб Нюсселер (Jakob Nüsseler) из Ульма. Когда в июне 1943 г. было окончательно ликвидировано гетто в Самборе, он забрал из гетто еврейскую девушку Тему Майерович и укрывал ее до конца июля 1944 г. на чердаке одного дома, затем помог ей добраться до Ульма, где она несколько дней жила у его жены под видом польки Ядвиги Недзведз[24]. Нюсселер также не получил звание праведника, возможно, потому, что о нем как о спасателе у Яд Вашем не имеется никакой информации.

Угроза расстрела, которой пугали Квекке, фактически была пустой угрозой. По приказу Главного имперского управления безопасности (РСХА) от 24 октября 1941 г. немцы за помощь евреям подлежали в воспитательных целях «превентивному аресту»; в «тяжких случаях» их могли отправить в концлагерь на срок до трех месяцев. Военнослужащий за подобное «преступление» мог предстать перед военно-полевым судом. На практике же за «покровительство евреям» смертная казнь к немцам никогда не применялась[25].

Заслуживает внимания деятельность еще одного немца — Николауса Пигера (Nikolaus Pieger), который с 1932 г. был духовником немцев-католиков в Румынии. В октябре 1941 г. он создал в Одессе католическую миссию с целью оказания духовной помощи немцам, проживающим в Транснистрии. В 1942 г. к нему обратились родственники, друзья и знакомые евреев, депортированных в Транснистрию, с просьбой помочь этим евреям. Такая же просьба была направлена католическому архиепископу в Бухаресте и папскому нунцию Андреа Кассуло. Последний информировал Рим, и после этого католическая церковь организовала оказание регулярной помощи депортированным евреям. В качестве уполномоченного папского нунция Пигер доставлял продовольствие, медикаменты и пр. в Одессу, откуда его священники развозили это продовольствие и медикаменты по лагерям и гетто. 21 марта 1943 г. румынская полиция задержала двух священников, которые этим занимались. Они показали, что только выполняют задание Пигера. Против Пигера было начато следствие, которое сначала вели СС, но затем по распоряжению Антонеску, к которому с соответствующей просьбой обратился папский нунций, дело Пигера было передано румынскому военному суду в Одессе, который фактически замял дело. Тогда СС, чтобы удалить Пигера из Транснистрии, решили призвать его в армию. Однако соответствующий приказ из Берлина положил под сукно сотрудник немецкого посольства в Бухаресте, д-р Штельцер[26].

Наконец, нельзя не отметить и действия отдельных немцев, направленные на спасение евреев во время массовых расстрелов в Киеве

в конце сентября 1941 г. К таким немцам, которые не остались равнодушными к судьбе евреев, старались как-то помочь беззащитным жертвам, относились Пауль Вёрцбергер (Paul Wörzberger) и Йоганн Коллер (Johann Koller). В сентябре 1941 г. первый был связным-мотоциклистом 2-й роты 45-го резервного полицейского батальона, а второй — личным шофером командира 2-й роты Кройцера. 29 сентября 1941 г. Вёрцбергер приехал на своем мотоцикле к Бабьему Яру с донесением Кройцеру. «Близ сложенной одежды у оврага, — вспоминал он после войны, — были две женщины, которые были отделены от остальных. Когда я проходил мимо них, они сказали, что они украинки, и я должен их спасти. Они буквально привязались ко мне. Близ этого места стоял мой товарищ Коллер, который был шофером Кройцера. Я пошел с обеими женщинами к Коллеру, и мы оба стали обсуждать, как мы можем спасти обеих женщин. Были ли женщины еврейками, или речь шла действительно об украинках, я сказать не могу. Мы договорились, что Коллер на своей машине увезет обеих женщин из опасной зоны. Мы оба осознавали, что нас ожидает, если этот акт спасения раскроется. Однако мы испытывали сострадание к обеим женщинам, которые сильно плакали. Так как я знал, что Кройцер был в овраге, то эта поездка для Коллера была рискованной. Я сам остался на месте, что прикрыть Коллера, если его будут спрашивать»[27]. В изложении Коллера эта история несколько отличается от рассказа Вёрцбергера. «Во время акции против евреев, — вспоминал после войны Коллер, — я должен был отвезти Кройцера на местность. Во время этой поездки евреи уже были угнаны. Приехав на местность, Кройцер покинул машину и пошел в направлении холма. Из направления, в котором пошел Кройцер, я услышал выстрелы. На этом моя задача была выполнена. Когда я там стоял, ко мне подошел связной-мотоциклист Ганс Вюрцбергер [правильно: Пауль Вёрцбергер. — *А.К.*] из Виттенберга (близ Дрездена). Рядом с ним шла женщина. Вюрцбергер попросил меня отвезти эту женщину в город. Женщина плакала. Некоторое время я размышлял, так как было очень рискованно кого-то вывезти, и к тому же мы должны были ехать назад мимо всей охраняемой колонны. Но все же я уступил. Вюрцбергер сел рядом со мной, а женщину мы посадили на заднее сиденье. Так мы поехали в город. Здесь мы высадили женщину, которую Вюрцбегер явно до этого никогда не видел. Женщина убежала, мы были рады, что все прошло хорошо»[28]. Возможно, некоторое несоответствие деталей объясняется тем, что

Вёрцбергер и Коллер рассказали об этом случае спасения только спустя 27 лет после происшедшего, вследствие чего некоторые детали они просто могли уже не помнить. Что касается спасенных, то, по всей видимости, ими были 17-летняя Г. Баташева и 14-летняя М. Пальти. В изложении Г. Баташевой ее спасение с подругой произошло следующим образом. 29 сентября 1941 г. ее вместе с другими евреями пригнали на большую ровную площадку близ самого оврага. «На этой площадке гитлеровцы, — вспоминала Г. Баташева, — срывали с людей одежду и полураздетых гнали к месту казни. Люди метались с одного места на другое как обезумевшие, в сплошной гул сливались крики обреченных и автоматные очереди. Я не совсем понимала, что со мной происходит, и где растеряла свою мать, сестру и брата. В этой суматохе я встретила 14-летнюю девочку с нашего двора Маню Пальти, с которой взялись за руки и стали вместе искать спасение. Мы подошли к одному из палачей и стали объяснять ему, что мы не евреи и в Бабий Яр попали чисто случайно из любопытства. Он подвел нас к офицерам, которые стояли возле легковой автомашины, и стал им что-то объяснять. Вскоре один из гитлеровцев жестом указал нам, что можно сесть в автомашину, что мы и сделали. Шофер прикрыл нас какой-то одеждой и поехал по направлению к центру города. Шофер вывез нас на улицу Мельника и отпустил»[29]. Как мы видим, свидетельства Вёрцбергера и Баташевой в основном совпадают. От их свидетельств несколько отличается свидетельство Коллера. Коллер мог забыть многие детали потому, что он просто помогал Вёрцбергеру. Вёрцбергер и Баташева лучше запомнили это событие, так как первый был инициатором спасения, а для Баташевой речь вообще шла о ее жизни.

К немцам-спасателям можно, хотя и с определенными оговорками, отнести и Рихарда Керля (Richard Kerl). В мае 1941 г. криминал-ассистент в гестапо Хильдесхейм Рихард Керль был откомандирован в Дюбен, получил форму со знаками различия обершарфюрера СС и позднее включен в состав зондеркоманды 4а. Из-за ранения колена он использовался в команде в качестве второго повара при полевой кухне. В конце сентября 1941 г. Керль был назначен в оцепление на окраине Киева. Находясь в оцеплении, он, согласно его послевоенным показаниям, будто бы спас от расстрела одну еврейскую семью. Произошло это при следующих обстоятельствах. «Я не могу сказать, — вспоминал Керль, — сколько дней мы находились в Киеве, когда од-

нажды вечером в канцелярию пришел чиновник и сказал мне, что завтра начнется большая акция, в которой должен участвовать также повар. Он сказал дословно: "Главный повар останется здесь, а ты пойдешь со мной"... На следующий день рано утром было произведено построение, во время которого команда была распределена. Кто произвел распределение, я уже сказать не могу. Я считаю, что при этом присутствовали все офицеры. Я припоминаю, что часть была назначена шоферами, часть в оцепление и часть стрелками. Затем назначенные отряды уехали на выделенных машинах. Я точно знаю, что мы в качестве заградительного поста для шлюзования евреев были оставлены на самой окраине города рядом с улицей... Хочу еще отметить, что между постовыми, стоявшими слева и справа был промежуток примерно в 50–60 метров. Постовые были в форме и имели при себе служебный пистолет калибра 7,65. Когда колонны проходили мимо нас, евреи были еще одеты... Я полтора дня находился в оцеплении в описанном месте». Во время несения им этой службы к нему подошла мать с двумя взрослыми дочерями и стала умолять об освобождении. «Она попросила меня взять себе одну из ее дочерей и вечерами посещать семью в их квартире. Я взял этот риск на себя, и мать с дочерями через находившийся за мной открытый дощатый забор отпустил на свободу. Совершенно ясно, что я не мог это делать в каждом случае, так как вышестоящие члены команды контролировали нашу деятельность»[30]. Соответствуют ли эти показания Керля действительности или нет, сказать трудно. Во всяком случае, нельзя полностью исключить предположение, что он вполне мог из сострадания спасти еврейскую семью.

Чувством сострадания руководствовался, вероятно, и советник военной администрации, Бухман (Buchmann), руководитель отдела сельского хозяйства в хозяйственной команде в Сумах, когда в марте 1943 г. в поселке Бурынь (Сумская область), куда команда была переведена, обратился к начальнику хозяйственной команды Отто Бюрингу (Otto Bühring) с просьбой помочь спасти арестованного СД еврейского бухгалтера. Бюринг и Бухман отправились к командиру отряда СД и добились того, что еврейский бухгалтер был освобожден, хотя остальные арестованные СД евреи на следующий день были расстреляны[31].

Это же чувство двигало и служащим штаба командующего вермахтом в Украине Густавом Крюгером (Gustav Krüger). Во время массово-

го расстрела евреев Ровно 7 ноября 1941 г. в урочище Сосенки он буквально у могилы забрал 26-летнюю Батю (Басю) Залускую (раньше — Фукс Маркус), которая работала у него прислугой. Благодаря Крюгеру, Бася и ее дочь (и не только они, Крюгер помогал и другим евреям) смогли пережить войну. После войны Бася предприняла поиски своего спасителя (ей было известно, что он был из Берлина), но смогла лишь установить, что Густав Крюгер умер в Берлине 22.8.1957 г.[32] Звание «праведник народов мира» Крюгер также не получил.

Среди спасателей были не только «имперские немцы», но и так называемые «фольксдойче» (Volksdeutsche) — этнические немцы, проживавшие на оккупированных территориях. Одним из таких «фольксдойче» был Эмануэль Хирш (Emanuel Hirsch), уроженец поселка Андреево-Ивановка (Черново) Одесской области. После оккупации поселка он как «фольксдойче» и пострадавший от Советской власти (Хирш в 1938–1939 г. 14 с половиной месяцев просидел в одесской тюрьме по подозрению в антисоветской деятельности) был назначен районным обербургомистром. Однажды в конце августа или в начале сентября 1941 г. к нему явились два члена дислоцировавшегося в поселке отряда СД из состава оперативной команды 12 и предложили составить списки всех евреев поселка с целью их последующего уничтожения. Хирш хорошо знал всех евреев, несколько лет работал вместе с ними и поэтому наотрез отказался такие списки составлять, заявив, что «плохие» евреи ушли с большевиками, а к оставшимся никаких претензий нет. Более того, когда у места расквартирования отряда СД он увидел подводу с сидевшими на ней 5–6 евреями-беженцами, которых отряд СД намеревался расстрелять, он этих евреев отправил домой и даже выдал им пропуск для передвижения по оккупированной территории. Эти действия Хирша имели следствием только неприятный разговор с членами отряда СД, которые ему заявили, что если он и дальше будет так поступать, то может сложиться впечатление, что он «друг евреев»[33].

Не имело серьёзных последствий и длительное укрывательство бургомистром поселка Цебриково Одесской области «фольксдойче» Готлибом Беком (Gottlieb Beck) еврея Молдавского. После того как Молдавский из-за предательства был выслежен, он был расстрелян, а Бек был лишь снят с должности бургомистра[34].

Приведенные факты помощи евреям со стороны немцев, спасения или попыток спасения евреев именно немцами, несомненно, не являются полными. Поэтому с учетом значимости темы спасателей, особенно спасателей-немцев, дальнейшая разработка этой темы является весьма актуальной. В условиях, когда в ряде стран расизм и антисемитизм — обычное явление[35], апелляция к примерам спасателей может послужить одним из средств воспитания толерантности и политического просвещения в сфере противодействия ксенофобии и антисемитизму.

Примечания

[1] http://www1.yadvashem.org/yv/en/righteous/statistics.asp

[2] *Kosmala B.* Verbotene Hilfe. Rettung für Juden in Deutschland 1941–1945. Bonn, 2004. S. 7.

[3] *Schmalhausen B.* Berthold Beitz im Dritten Reich. Mensch in unmenschlicher Zeit. Essen, 1991; *Sandkühler Th.* “Endlösung” in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. Bonn, 1996. S. 290–405. С 1953 г. Бейц занимал руководящую должность в концерне Круппа, в частности, с 1970 г. он являлся председателем наблюдательного совета концерна, с 1990 г. — почетным председателем и с 1999 г. имеет такой же статус в компании «Тиссен-Крупп АГ». В 1970–1980-х гг. Бейтц также был председателем опекунского совета благотворительного фонда имени Альфреда Круппа. Он является почетным гражданином городов Киль, Бохум и Эссен, его именем названа улица в Эссене. В 1972–1988 г. он являлся членом Международного олимпийского комитета, в том числе в 1984–1988 г. — его вице-президентом. В 2010 г. его имя было присвоено Центру по России и Евразии при Германском совете по внешней политике, который возглавляет немецкий журналист-международник и политолог Александр Рар.

[4] *Schmalz-Jacobsen* C. Donata und Eberhard Helmrich, zwei Helfer ohne Eigennutz // Überleben im Dritten Reich. Juden im Untergrund und ihre Helfer / Hrsg. von W. Benz. München, 2003. S. 67–82.

[5] См. подробнее: *Huneke D.* The Moses of Rovno: The Stirring Story of Fritz Graebe, a German Christian Who Risked His Life to Lead Hundreds of Jews to Safety During the Holocaust. New York, 1985; Lexikon der Gerechten unter den Völkern. Deutsche und Österreicher. Göttingen, 2005. S. 124–126.

[6] *Rohdenburger F.* Hauptmann Dr Fritz Fiedler, Ortskommandant. Der gute Mann von Horodenka, in: Retter in Uniform. Handlungsspielräume in Vernichtungskrieg der Wehrmacht. Hrsg. von W. Wette. Frankfurt/Main, 2002, S. 149; Lexikon der Gerechten unter den Völkern. Deutsche und Österreicher / Hg. von I. Gutman unter Mitarbeit von S. Bender. Göttingen, 2005, S. 110–111.

[7] *Paldiel M.* The Path of the Righteous: Gentile Rescuers of Jews During the Holocaust. Hoboken, NJ, 1993. P. 163–166.

[8] *Kosmala B.* Revital Ludewig-Kedmi: Verbotene Hilfe. Deutsche Retterinnen und Retter während des Holocaust. Auer-Verlag u. a., Donauwörth u. a., 2003. S. 80–85; *Wette W.* Willi Ahrem, Haupttruppführer der Organisation Todt. Der Judenmord in Nemirow und seine Rettungsaktion // Zivilcourage. Empörte, Helfer und Retter aus Wehrmacht, Polizei und SS / Hrsg. W. Wette. Frankfurt/Main, 2004. S. 145–159.

[9] Свидетельство Регины Левин, урожд. Ландау, от июля 1959 г. // Barch B 162/2321, Bl. 72-81; Lexikon der Gerechten unter den Völkern. Deutsche und Österreicher. S. 256–257.

[10] Свидетельство Юлиуса Кроненфельда от июня 1959 г. // Barch B 162/2321, Bl. 52–53.

[11] Abschlussverfügung StA Itzehoe v. 26.5.1970 in der Sache gegen Friese u. a. // Barch B 162/6168, Bl. 3028.

[12] Abschlussverfügung StA Itzehoe v. 26.5.1970 in der Sache gegen Friese u. a. // Barch B 162/6168, Bl. 3052–3055.

[13] Abschlussverfügung StA Itzehoe v. 26.5.1970 in der Sache gegen Friese u. a. // Barch B 162/6169, Bl. 3118–3119.

[14] Vorläufiger Abschlussbericht ZSt Ludwigsburg v. 29.8.1963 in der Sache gegen Franz Christoffel und andere wegen Ermordung von Juden im Bauabschnitt Gaisin an der Durchgangstrasse (Dg) IV // Barch B 162/1815, Bl. 700.

[15] *Boll B.* Zloczow, July 1941: The Wehrmacht and the Beginning of the Holocaust in Galicia: From a Criticism of Photographs to a Revision of the Past // Crimes of War. Guilt and Denial in the Twentieth Century / Eds. O. Bartov, A. Grossmann, M. Nolan. N. Y., 2002. P. 61–99.

[16] Обозначение офицера для поручений в штабах немецкой армии.

[17] Обозначение начальника оперативного одела в штабах немецкой армии.

[18] Обозначение начальника разведотдела в штабах немецкой армии.

[19] *Groscurth H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940. Stuttgart, 1970, S. 534–537.

[20] См. приговор суда присяжных при земельном суде в Штутгарте от 29.4.1968 г. по делу Рудольфа Рёдера и 14 других, частично опубликованный в: Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах / Сост. А. Круглов. Киев, 2002. С. 341–342.

[21] Заменивший Ульриха адъютант Кацмана унтерштурмфюрер СС Инкварт также освободил от депортации в Белжец несколько человек, но в обмен на ценные подарки (золотой держатель для авторучки, бриллиантовое кольцо) от д-ра Яффе (см. приговор суда присяжных при земельном суде в Штутгарте от 29.4.1968 г. по делу Рудольфа Рёдера и 14 других, частично опубликованный в: Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах. С. 342–343).

[22] См. подробно: *Солонарь В.* Ставлення до євреїв Буковини з боку радянської та румунської адміністрацій у 1940–1944 рр. // Голокост та сучасність. № 2 (8). 2010. С. 138–140.

[23] *Sandkühler Th.* “Endlösung” in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. S. 334–336, 349, 353.

[24] См. заявление под присягой Т. Лессинг, урожд. Майерович, от 30.3.1958 г. // Barch B 162/588, Bl. 37–40.

[25] *Мадиевский С.А.* Другие немцы. Сопротивление спасателей в Третьем рейхе. М., 2006. С. 87–89.

[26] См. показания Николауса Пигера 13.11.1961 г. (Barch B 162/2289b, Bl. 74–79) и 30.10.1969 г. (Barch B 162/1066, Bl. 3988–3995); *Reinhardt E.* Auf abenteuerlicher Mission bei den Russlanddeutschen // Heimatbuch 2001/2002. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. Stuttgart, S. 118–121.

[27] Из показаний 16.9.1968 г. бывшего связного-мотоциклиста 2-й роты 45-го резервного полицейского батальона Пауля Вёрцбергера (Barch B 162/6666, Bl. 1000).

[28] Из показаний 26.4.1968 г. бывшего шофера командира 2-й роты 45-го резервного полицейского батальона Йоганна Коллера (Barch B 162/6664, Bl. 643–644).

[29] Из протокола допроса 15.7.1980 г. в КГБ УССР в качестве свидетеля Г. Баташевой (Бабий Яр: человек, власть, история. Документы и материалы в 5 книгах. Кн. 1. Историческая топография. Хронология событий / Сост. Т. Евстафьева, В. Нахманович. Киев, 2004. С. 322).

[30] Показания Рихарда Керля 14.12.1961 г. (Barch B 162/5642, Bl. 364–365). Эту же историю Керль повторил на судебном процессе в Дармштадте по делу бывших членов зондеркоманды 4а 28.11.1967 г. (Barch B 162/17910, Bl. 665).

[31] Показания Отто Бюринга 21.2.1967 (Barch B 162/19201, Bl. 139), 31.3.1967 г. (Barch B 162/19201, Bl. 141, 144–145).

[32] Свидетельство Бати (Баси) Залуской (Хайфа, Израиль) от 11.10.1962 г. (Barch B 162/2921, Bl. 8620–8622).

[33] LKA/NRW, Dez. 15, z. Zt. Lemgo, den 29.12.1961: протокол допроса в качестве свидетеля Э. Хирша // Barch B 162/2290, Bl. 144–147.

[34] LKA/NRW, Dez. 15, z. Zt. Ludwigsburg, den 22.5.1965: протокол допроса уроженца Цебрикова «фольксдойче» Августа Фихтнера // Barch B 162/2305, Bl. 132. Согласно показаниям бывшего члена Bereichskommando XIX Хоффнунгсталь (Цебриково) Александра Лерхе, Бек был снят за то, что притеснял (преследовал) вдов в селе (LKA/NW, Dez. 15, z. Zt. Aalen, den 11.4.1967 // Barch B 162/2307, Bl. 463).

[35] См., например: Борьба с преступлениями на почве ненависти в регионе ОБСЕ. Обзор статистики, законодательства и национальных инициатив. ОБСЕ/БДИПЧ 2006; *Лихачев В.* Ксенофобия в Украине: доклад за 2009 г. // http://www.eajc.org/page18/news16652.html; *Лихачев В.* Антисемитизм на постсоветском пространстве: обзор (2009–2010 г.) // http://eajc.org/page18/news20230.html.

Арон Шнеер
(Иерусалим)

«ЗА УБИЙСТВО ЕВРЕЕВ НИКАКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ...» ПОРТРЕТ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТА

В советские годы исследования темы коллаборационизма были запрещены. Иначе открылись бы реальные масштабы военного, полицейско-карательного, административного, хозяйственного, культурно-идеологического, политического и церковного сотрудничества с немецкими властями советских граждан независимо от их национальности и территории проживания.

После 1990 г. появились работы историков на русском языке о коллаборационизме в СССР[1]. Особенно глубоко и детально этим вопросом занимается Борис Ковалев. В своих работах он затронул очень многие аспекты. Однако по-прежнему нет отдельных исследований об особенностях коллаборационизма представителей различных национальностей, социальных групп: крестьянства, рабочих, бывшей советской сельской и городской администрации, интеллигенции, работников культуры, учителей, учащейся молодежи, преступной среды, об особенностях мужского и женского коллаборационизма, о коллаборационизме разных возрастных групп[2]. За исключением работ М. Шкаровского[3] о православной церкви в годы войны, нет работ о коллаборационизме других религиозных конфессий и групп. Нет работ о коллаборационизме с нацистами членов различных партий на территориях, ставших советскими в 1939–1940 гг. и, конечно, комсомольцев и коммунистов.

О сотрудничестве многих европейских коммунистов с нацистами говорилось давно. Известно, что Гитлер отдал распоряжение принимать бывших немецких коммунистов в нацистскую партию[4]. Он гово-

рил, что «национал-социалисты никогда не выходят из социал-демократов и профсоюзных деятелей, но превосходно выходят из коммунистов»[5].Так члены руководства компартии Франции Поль Мерион и Жак Дорио стали организаторами и руководителями французских «Ваффен СС». Тысячи французов, среди которых вполне вероятно могли быть и бывшие коммунисты, участвовали в составе Вермахта и СС в войне против СССР[6].

Это в полной мере относится и к советским коммунистам-коллаборационистам, среди которых были не только секретари горкомов и райкомов, но даже Первый секретарь ЦК КП Эстонии Карл Сяре и управляющий делами Совнаркома БССР Кандыбович, о котором в сообщении разведки говорится, что он «слишком предан немцам»[7]. Мне кажется, могут быть очень интересными компаративные исследования на эту тему.

Многие западноевропейские политики и историки и сегодня неохотно признают, что подавляющее большинство жителей оккупированных нацистами стран Центральной Европы эффективно трудились на нацистскую Германию и в различной форме сотрудничали с ней. Сожжение деревни Лидице в Чехословакии и уничтожение части ее жителей, а также тотальное уничтожение деревни Орадур Сюр-глан во Франции — исключения, подтверждающие сказанное. На оккупированных территориях СССР были сожжены тысячи деревень. Десятки населенных пунктов были уничтожены в Польше и Югославии. Конечно, оккупационная политика нацистов в Центральной Европе и Прибалтике, была иной, чем в Польше и Югославии (особенно в Сербии), и тем более в СССР. Историю пишут победители. Поэтому после войны была столь преувеличена роль Европейского Сопротивления, которое, конечно, существовало в оккупированных западноевропейских странах, однако было слабо и малоэффективно, кроме уже упомянутых Югославии и Польши. Именно эти две страны имели больше оснований принимать капитуляцию нацистской Германии, чем Франция.

Говоря о коллаборационизме в Европе, необходимо признать, что наибольшее число коллаборантов, участвовавших в преступлениях против человека, было на оккупированной территории СССР. Это можно объяснить особенностями социально-политического развития СССР в предвоенные годы и особой жесткостью нацистского режима на советских территориях на протяжении всей оккупации.

Что приводило людей к поддержке нацистов? Для ответа на этот вопрос необходимо изучить комплекс различных социально-политических причин, исторических реалий, военных обстоятельств места и времени, а также индивидуально-психологических черт, культурных и моральных ценностей, стечения различных жизненных обстоятельств как отдельных коллаборантов, так и целых групп населения.

Порой коллаборационист и патриот — понятия совпадающие, если речь идет о территориях ставших советскими в 1939–1940 гг. Можно назвать эти территории, «возвращенными», «аннексированными», «инкорпорированными», «добровольно присоединившимися» к СССР. Однако факт, что они стали советскими не в результате внутренних естественных общественно-политических процессов, а только после появления там частей Красной Армии. Исходя из этого, правомерно говорить о термине «коллаборационизм-патриотизм». Тем более что многих руководителей и идеологов коллаборантов питала надежда о восстановлении независимости с помощью Германии.

Однако у территорий, ставших советскими в 1939–1940 гг., были свои особенности. Так, в прибалтийском коллаборационизме, в отличие от украинского, на всех этапах войны полностью отсутствовало вооруженное сопротивление нацистской оккупации. Таким образом, коллаборационное движение во многом зависело от исторических коллизий и политических ценностей и приоритетов руководителей данных движений. Однако моральная оценка коллаборационизма зависит от форм, средств и методов, которые избираются ею для своей борьбы. Поэтому важно отметить: не все коллаборанты были убийцами, и порой не всегда предполагали последствия своей деятельности.

Причины коллаборационизма на территории СССР надо искать, прежде всего, во внутренней политике Советского Союза, характерными чертами которой были политико-социальные и национальные репрессии, насильно внедряемая моноидеология, коллективизация, секуляризация, сопровождавшаяся разгромом и уничтожением официальных религиозных институтов всех направлений. Это послужило важнейшим фактором, толкнувшим граждан СССР к коллаборационизму с нацистским режимом.

Отчеты НКВД о настроении населения в первые месяцы войны отметили не только патриотические высказывания, но и ожидание прихода немцев даже в глубоком тылу. Например, в Николаевской области: «Когда придут немцы, мы все заберем у тех, кто нас раскулачивал, особенно с ними рассчитаются семьи репрессированных»[8].

В Ленинграде в августе 1941 г. отмечены высказывания: «Что же Гитлер? Хуже, чем есть, не будет, а хоть церкви-то разрешат иметь и Богу молиться. ...Наконец-то идет избавление и власть мошенников будет убрана... главное — покончить с большевиками»[9].

Некоторые верующие, не вдаваясь в нацистскую идеологию, обратили внимание на то, что «если у большевиков символом была красная звезда (в христианстве пентаграмма — знак антимессии), то у немцев — Крест», поэтому немцы символически принимались за защитников христианства[10].

На присоединенных территориях отношение к советской власти было еще более негативным. С началом войны резко усилились национально-освободительные, антисоветские и антирусские настроения там, где население испытывало ощущение утраты национальной независимости.

Многие призывники присоединенных территорий скрывались от мобилизации, а мобилизованные при первой возможности дезертировали или перебегали к немцам.

Польское население западно-украинских и белорусских областей видело в советской власти и в Красной Армии завоевателей, поделивших Польшу вместе с немцами, однако предпочитало немецкую власть, видя в ней освободителей от советского режима.

Вооруженные группы поляков обстреливали отступающие части Красной Армии в большинстве районов Западной Белоруссии[11], а также при отступлении из Вильнюса. В районах Украинского Полесья против Красной Армии действовали тогда отряды украинских националистов[12].

Советские реалии привели к разочарованию многих из тех, кто симпатизировал новой власти в 1939–1940 гг. Разве могли поддерживать советскую власть, тем более воевать за нее родственники десятков тысяч арестованных и депортированных органами НКГБ за неделю до начала войны?[13]

Репрессии, особенно эти предвоенные депортации, явились главным катализатором вооруженной борьбы местных жителей против советской власти летом 1941 г. Характерно массовое дезертирство из территориальных корпусов, сформированных на базе бывших армий независимых Балтийских государств, и участие этих бойцов в боевых действиях против Красной Армии[14]. С первого дня войны против Красной Армии в Латвии действовало около 6–8 тыс. местных жите-

лей[15]. В антисоветском восстании в Литве приняло участие около 100 тыс. литовцев[16].

Во всех Балтийских республиках, а также на территории Западной Украины «пятая колонна» составит основную часть коллаборантов, участвовавших в преступлениях нацистского режима. Почти для всех оккупированных нацистами территорий СССР характерна высокая степень добровольного участия местного населения в нацистском терроре вообще и, конечно, в первую очередь в антиеврейских акциях.

Вопреки утверждениям советской пропаганды, большинство участников преступлений не были выходцами из «эксплуататорских и буржуазных слоев», у них не было уголовного или антисоветского прошлого. Среди них были горожане и сельские жители, гражданские и военнослужащие, милиционеры, коммунисты и комсомольцы. Возраст сознательных участников преступлений погромщиков и убийц — от 14 до 70 лет. Местные жители участвовали в погромах и издевательствах над евреями, в создании гетто, составлении списков узников гетто, списков имущества, распределяли его, отправляли на склады, участвовали в ограблении, готовили могилы, перевозили евреев к месту убийства, хоронили убитых, занимались мародерством. Из местных жителей создавалась вспомогательная полиция, она собирала и охраняла евреев, а главное — привлекалась к расстрелам. Таким образом, повсюду уничтожение осуществлялось с прямым и косвенным участием местного населения. Без этой помощи нацисты не смогли бы столь быстро уничтожать евреев. Во многих местах уничтожение происходило вообще без участия немцев. В Акнисте (Латвия) местные пособники нацистов расстреляли евреев в течение одного дня. Главными зачинщиками были учитель Вальдман и Розитис — портной, бывший социал-демократ[17].

Вместе с тем причины коллаборационизма заключались не только во внутренней и внешней политике советского государства. Причины кроются также в психологии, нравственности, культурных и политических традициях того или иного общества, даже семейного воспитания, особенно в тех случаях, когда речь идет об участниках преступлений против личности. Таким образом, надо говорить о социальной психологии личности коллаборанта, сформировавшейся в процессе социального общения и под воздействием окружения.

Человек в своих поступках руководствуется определенными убеждениями: политическими и религиозными (или атеистическими). Они

определяют отношение к происходящим событиям: безразличное, одобрительное, экстремистское. Многие шли от одобрения мероприятий, осуществляемых немцами, к готовности участвовать в них.

Часть людей пришла к коллаборационизму в результате смены нескольких политических режимов в течение одного года. Эти события привели к безразличному восприятию происходящего, готовности плыть по течению, мимикрии и стремлению выжить любой ценой.

Немецкая оккупация открыла для нееврейского населения новые возможности реализации материальных и административных амбиций.

Кого-то вел к коллаборационизму страх за себя и своих близких. Кто-то из коллаборантов ранее сотрудничал с советской властью, а теперь активной поддержкой немецкого порядка стремился искупить прежнюю «вину».

Другие в немецкой оккупации увидели возможность свести личные счеты, как со своими конкретными обидчиками, так и с самой советской властью. Месть, зависть, неприязнь — слились воедино и реализовались в желании навредить, вплоть до уничтожения объекта неприязни.

Самый тяжелый, криминальный вид коллаборационизма — участие в убийствах мирных граждан. Это самая трудная сфера изучения, потому что она связана с психологией личности коллаборанта-убийцы. «Психические явления органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности людей. Будучи обусловлены внешним воздействием, психические процессы обуславливают поведение, опосредуя зависимость поведения людей от объективных условий»[18].

Конечно, человек сам делал свой выбор: самому стать палачом, остаться в стороне или, напротив, помогать преследуемым[19]. Этот выбор определяли особенности прежней, довоенной жизни, индивидуально-психологические характеристики конкретного человека, например, такие как: мстительность, агрессивность, жестокость, цинизм, патологически-садистские черты, особенно проявлявшиеся во время акций. Таким образом, человек с преобладанием социально-отрицательных черт характера в определенной ситуации более склонен к совершению преступлений.

Евреи подвергались уничтожению на всех оккупированных территориях. Я попытался классифицировать, кроме расстрелов, методы

убийств, совершенных коллаборационистами в разных местах, чтобы понять степень жестокости совершаемых преступлений. В результате пришел к выводу об исключительной жестокости и садизме убийц в Литве, Украине, особенно Западной, и Бессарабии. Здесь совершены жесточайшие погромы и многочисленные убийства холодным оружием (топорами, ломами, лопатами, вилами, косами, серпами, пилами, ножами, кинжалами, саблями), а также палками, дубинами и камнями[20]. Характерно следующее: чем примитивней оружие, тем большая жестокость по отношению к жертве. Типы убийств: нанесение ударов, закалывание, расчленение заживо, закапывание живыми, удушение, утопление различного вида, сожжение, зверские изнасилования.

Для убийц и насильников характерно участие в коллективных действиях, сопровождаемых жестокостью и садизмом.

Находила выход неудовлетворенная сексуальная агрессия в отношении тех женщин, которые никогда не стали бы доступными по собственной воле. Почти все убийства сопровождались циничными унижениями, издевательствами и насилием над женщинами. Вероятно, надо говорить о патологических чертах личности, способной убивать[21]. «Лишение жизни — это ничего, но наших детей мучили. 8-летние девочки были взяты для половых сношений... и мать должна была смотреть... отрезали нам пальцы на руках и ногах...»[22]. Далее я не имею права читать вслух описание издевательств над детьми, матерями и мужчинами, но цитирую слова мучителей-убийц: «убить — это не фокус, надо замучить, чтобы им жить не хотелось и Сталина видеть»[23]. Приказов убивать именно так никто никогда не отдавал. Это инициатива самих убийц.

В западной криминологии есть направление, связанное с исследованием биологических и психических свойств личности преступников. В основу положен тезис, что свойства и особенности человека, в том числе и генетически обусловленные, приводят его к совершению преступления. Российская современная криминология указывает на то, что «человек не рождается, а становится преступником при стечении неблагоприятных условий формирования его личности»[24]. Вместе с тем подчеркивается, что для преступника, для насильственного типа личности «характерна деформация представлений о ценности человеческой личности, жизни и здоровья человека, общественной безопасности»[25].

К сожалению, подобная «деформация» в годы войны оказалась характерной не для единиц и даже сотен, а для многих тысяч людей, определенных групп, связанных национальными, политическими, корпоративными, интересами, добровольно принимавших участие в убийствах. Причем на оккупированных территориях заметно выделяются зоны, для которых характерно совершение преступлений с особой жестокостью.

«Ночью начался погром. Буйствовали местные жители. Подожгли синагогу и начали убивать... утром увидели гору трупов, убитых вилами и топорами»[26]. Среди них были дети от двух до десяти лет.

Это — свидетельство о погроме в еврейском поселении Домбровены в Бессарабии, июнь 1941 г. Вспомним свидетельства, фото и кинохронику погромов в июле 1941 г. во Львове, Злочеве... Почему такие преступления происходили именно на территориях, ставших советскими в два предвоенных года? Вероятно, надо искать ответ не только в сочетании двух вышеприведенных направлениях криминологии, но, вероятно, необходимо учесть то, что эти территории были ареной кровавых этнических конфликтов на протяжении многих веков, что выработало патологическую жестокость, пренебрежение к ценности человеческой жизни, морали. Необходимо учесть и трагедию Гражданской войны, в ходе которой жестокость всех воюющих сторон вновь стала повседневной действительностью. Тем более что было живо поколение, принимавшее участие в этих событиях, либо бывшее их свидетелем, а порой и жертвой. Все это не могло не сказаться на новом витке кровавой истории 1941–1944 гг.

Американский историк Тимоти Снайдер[27] назвал эти территории «кровавыми землями», где насилие стало привычным в XX веке.

Я убежден, что кроме историков поисками ответов на поставленные вопросы должны заниматься криминологи и этнопсихологи.

Важным фактором, способствовавшим участию в убийствах, была безнаказанность преступников. На вопрос следователя: «Зачем Вы расстреляли этих женщин и детей?» убийца отвечает: «Зная, что за убийство евреев никакой ответственности нести не буду, я расстрелял двух женщин и двух детей без всякого сожаления к ним»[28]. Это универсальный ответ, ключ к пониманию того, что происходило на оккупированной территории СССР. Предоставленное, поощряемое нацистским режимом право на убийство евреев привело к тотальным расправам над ними и активному участию в этом местного населения, независимо от географии.

Убийцы мирных граждан в большинстве своем были далеки от всякой идеологии: «Мне человека убить, что на охоту пойти», — говорит один из убийц в Латвии[29]. Как определить убеждения и уровень сознания человека, который на вопрос следователя: «Грабил ли людей?» Наивно, убежденно отвечает: «Нет, но жидив...»[30]

Сколько было непосредственных участников убийств на оккупированной территории СССР? Например, литовский историк Арунас Бубнис говорит о тысяче, примерно 5% литовских полицейских[31]. Но проблема в другом. Документы подтверждают, что в Латвии, Литве, Украине, Бессарабии были тысячи других неучтенных убийц, не служивших в полиции. Это были обычные граждане, которые после разового (например, в Каунасе литовка-прислуга убила свою хозяйку Финайте Полину[32]) или после неоднократного участия в погромах, лично совершенных убийств и издевательств вернулись к повседневной деятельности: крестьянина, рабочего, электрика, студента, учителя, фельдшера, счетовода, шофера[33].

Сегодня некоторые ученые, пресса, политики в Прибалтике, в Украине пытаются замалчивать или, хуже того, оправдать деятельность участников преступлений. Уголовные деяния нацистских пособников представляют как «национально-освободительное движение». С этим невозможно согласиться. Мне кажется, что к национально-освободительному движению можно отнести только:

1. Легальную и подпольную организационно-пропагандистскую деятельность, включающую создание боевых групп.

2. Диверсионные и боевые действия этих групп против военнослужащих, нападения на государственные и партийные учреждения, хозяйственные объекты.

3. Акции, направленные против функционеров и активистов власти, но не против их семей.

Никак не вписываются в эту борьбу погромы, единичные, а чаще массовые убийства мирных граждан, осуществленные местными жителями.

Вместе с тем стремление к взвешенной неполитизированной оценке всех форм коллаборационизма поможет разобраться в его причинах, не отменяя моральных принципов.

Примечания

[1] *Семиряга Е.М.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. *Дробязко С.И.* Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе Германских Вооружённых Сил 1941–1945 гг., М., 2004. *Ковалёв Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. Серия: Военно-Историческая библиотека. М., 2004. *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. П. Станкерас. Литовские полицейские батальоны. 1941–1945 годы. М., 2009. *Жуков Д., Ковтун И.* Русские эсэсовцы в бою. Солдаты или каратели? М., 2009. *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русская полиция. М., 2010 и др.

[2] Например, Б. Ковалев ввел термин детская и половая коллаборация. См.: *Ковалев Б.Н* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. Типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 308, 348.

[3] *Шкаровский М.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. СПб., 2005.

[4] *Раушнинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 107.

[5] Там же.

[6] *Littlejohn D.* The Patriotik Traitors. London, Heinemann, 1972. P. 249. *Shield J.G.* 'Charlemagne's Crusaders: French Collaboration in Arms, 1941–1945 // French Cultural Studies, 2007. № 18. P. 93. *Буле В.* «Мы пришли, чтобы помочь раздавить чудовище»: французский фашизм от теории до практики на примере Легиона французских добровольцев против большевизма // Война на уничтожение.Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года.) М., 2010. С. 223–224. (Легион французских добровольцев — 638 полк в составе 7-й пехотной дивизии Вермахта. В июне 1943 г. прибыло 10 748 добровольцев, из них было принято 6429 человек).

[7] *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 71.

[8] Справка Николаевского обкома партии от 15 июля 1941 г. «О политико-моральном состоянии населения». Архив Яд Вашем. М-37/269. Л. 2–5.

[9] *Криптон К.* Осада Ленинграда. Нью-Йорк, 1952. С. 65.

[10] *Амвросий (фон Сиверс).* Истинно Православные Христиане и война 1941–1945 гг. http://www.katakomb.ru/2/War41_45.html

[11] *Ермолович В.И., Жумарь С.В.* Огнем и мечом. Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.). Минск, 1994. С. 20–21.

[12] Архив Яд Вашем. М-53/179. Л.2.

[13] Докладная записка НКГБ СССР № 2288/М в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об итогах операции по изъятию антисоветского, уголовного и социально опасного элемента в Литве, Латвии и Эстонии. 17 июня 1941 г. — Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том I. Накануне: книга вторая (1 января – 21 июня 1941 г.). М., 1995. С. 247.

[14] Например, из 7 тыс. военнослужащих эстонского территориального корпуса в августе-октябре 1941 г. на сторону немецкой армии перешло более 5 тыс. человек. Из 16–18 тысяч литовцев из состава 29-го территориального не более 2 тыс. присоединились к частям Красной Армией. См.: НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сб. документов. М., 2008. С. 54. Первые дни войны 5-ой танковой дивизии. http://webcache.googleusercontent.com/

[15] Latvia otraja pasaules kara (1939–1945) / Jumava. 2008. lap. 249. Всего 129 вооруженных групп. История Латвии. С. 250

[16] НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). С. 59.

[17] Яд Вашем. Зал имен. Приложение к листу свидетельских показаний на Юдл Эльтерман. Идентификационный номер: 2015466.

[18] *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 122.

[19] Дина Байтлер и Мордехай Зайдель, рассказывая о собственном расстреле в Понарах, подчеркивают: «В нас стреляют литовцы». Однако после того, когда Байтлер и Зайдель, раненые, ночью выбрались из-под трупов, их три года спасают, рискуя жизнью, тоже литовцы, сделавшие свой выбор между добром и злом.

[20] Так убивали в Салака, Бугримонисе, Слободке (в Каунасе), Мариямполе, Рокишкис, Жаренай, Домбровены (Бессарабия), Златополе (Кировоградская обл. Украина), Львове, Злочеве.

[21] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 157.

[22] Архив Яд Вашем. 082/25. Л. 99–100. Из письма, найденного в Литве в июле 1944 г.

[23] Там же. Аврахам Суцкевер в книге «Из Виленского гетто», изданной первый раз в 1946 г. в Москве, в издательстве «Дэр эмес» на идиш, не осмелился привести это письмо полностью, убрав описания самых страшных и циничных издевательств. В книге, переведенной на русский язык, изданной в 2008 г. в России Центром и фондом «Холокост», письмо также приведено с купюрами (С. 183–184).

[24] Криминология: Учебник. Под ред. И.И. Карпеца, В.Е. Эминова. М., 1992. С. 69.

[25] Криминология: Учебник. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 132–133.

[26] Зал имен. Яд Вашем. Письмо Анны Ройф-Сойфер. Приложение к листу свидетельских показаний № 98105. 15.07.2003.

[27] *Snyder T.* Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. N.Y., 2010.

[28] Архив Яд Вашем. TR-18/84. Л. 16. Такое объяснение дал некий Г. Прит в Рокитно Ровенской области в Украине.

[29] *Шнеер А.* Гибель евреев Лудзы: документально-пристрастное повествование // Холокост в Латгалии. Даугавпилс, 2001. С. 51. А. Шнеер. Могильщики, или как это было // Евреи в Даугавпилсе. Исторические очерки. Книга четвертая. Даугавпилс, 2005. С. 215–259.

[30] Архив Яд Вашем. М-37/959. Л. 7–8.

[31] *Станкерас П.* Литовские полицейские батальоны 1941–1945 годы. М., 2009. С. 179.

[32] Зал Имен. Яд Вашем. Лист свидетельских показаний №160288. заполнен Мацкявичене Юдит 9.13.2011

[33] *Шнеер А.* Гибель евреев Лудзы: документально-пристрастное повествование // Холокост в Латгалии. Даугавпилс, 2001. С. 41, 44, 50; *Рочко И.* Жертвы, спасенные и спасатели // Там же. С. 114; *Славинас А.* Гибель Помпеи. Тель-Авив, 1997. С. 326; *Волкович Б., Олехнович Д., Рочко И., Сташевский М., Шнеер А., Штейман И.* Холокост в Латгалии.

Михаил Шкаровский
(Санкт-Петербург)

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К ХОЛОКОСТУ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одной из самых ярких форм антинацистской деятельности православного духовенства и мирян было спасение евреев во время Холокоста. Эта тема до настоящего времени мало привлекала внимание историков, между тем как христианские конфессии и, прежде всего, Русская Православная Церковь, оказались в центре событий Второй мировой войны и были вынуждены самым непосредственным образом, так или иначе, реагировать на Холокост.

Целью статьи является определение отношения Русской Православной Церкви к Холокосту в годы Второй мировой войны. При этом ставились следующие задачи для решения существующих в историографии проблем:

1. Определение сходства и различия позиций по отношению к преследованию евреев среди различных юрисдикций и течений Православной Церкви на территории СССР;
2. Установление факторов, влиявших на церковную позицию в этом вопросе;
3. Выявление преобладающей тенденции среди духовенства и мирян Русской Православной Церкви;
4. Сравнение позиции Русской Церкви с отношением к Холокосту других Православных Поместных Церквей;
5. Обсуждение проблемы праведников народов мира среди православного духовенства и мирян и определение причин и форм спасения ими евреев.

Историография темы очень невелика. В отличие от соответствующей научной литературы в отношении католиков, протестантов и греко-католиков на Украине, отношения Русской Православной Церкви к Холокосту изучено лишь в небольшой степени. Следует отметить, что до начала 1990-х гг. изучение данной темы в СССР было невозможно, а зарубежные исследователи проявляли к ней мало интереса. В определенной степени эта традиция замалчивания существует и в настоящее время, и отношение Русской Православной Церкви к Холокосту остается для части церковных историков запретной темой.

Специальных монографий по данной теме до сих пор не существует. Среди немногих имеющихся публикаций присутствуют или статьи и небольшие книги, посвященные отдельным православным священнослужителям и мирянам, спасавшим евреев: священнику Димитрию Клепинину, монахине Марии (Е.Ю. Кузьминой-Караваевой), священнику Алексию Глаголеву и некоторым другим, или маленькие разделы общих монографий и статей о религиозной ситуации в тех или иных регионах СССР, содержащие факты отношения православных священнослужителей к Холокосту. При этом вне зоны внимания историков остаются, помимо указанных выше общих проблем, и некоторые более частные вопросы:

1. Степень распространения коллаборационизма среди православного духовенства в том или ином регионе;
2. Причины антисемитизма в церковной среде;
3. Степень воздействия антисемитской пропаганды нацистов на православное население оккупированной части СССР;
4. Богословские основы участия духовенства в спасении евреев и др.

Одной их причин небольшого количества исследовательских работ заключается в отрывочности и скудности источниковой базы. Практически все участники и свидетели описываемых событий уже ушли из жизни, оставив чрезвычайно мало нарративных источников. В доступных для исследователей архивных фондах соответствующую информацию приходится искать «по крупицам» в большом массиве документов различных организаций периода Второй мировой войны. Кроме того, часть документов до сих пор засекречена — в российских, белорусских и украинских государственных и ведомственных архивах (архивы Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Ко-

митета государственной безопасности Белоруссии, Службы безопасности Украины, Министерства обороны Российской Федерации и т.д.).

В своей работе автор использовал, прежде всего, документы семи государственных российских и трех немецких архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива социально-политической истории (все три в Москве), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центра документации новейшей истории Томской области, Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области, Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Федерального архива (Bundesarchiv) в Берлине, Политического архива Министерства иностранных дел в Бонне (Politisches Archiv des Auswärtigen Amt Bonn), Архива Института современной истории в Мюнхене (Institut für Zeitgeschichte München), а также материалы Синодального архива Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке и Архива научно-информационного центра «Холокост» в Москве. Кроме того, были использованы различные нарративные источники (дневники, воспоминания, мемуары, интервью, письма и т.д.), а также выходившая на оккупированной территории СССР пресса и русские эмигрантские церковные периодические издания военных лет: газета «Православная Русь», журналы «Церковный вестник», «Церковное обозрение» и т.д.

На наш взгляд, на церковную позицию по отношению к Холокосту влияли следующие факторы:

1. Вовлеченность страны, на территории которой действовала та или иная часть Русской Церкви, в войну с нацистской Германией;
2. Активность движения Сопротивления в данной стране;
3. Степень распространения националистических идей в церковной юрисдикции;
4. Наличие заметного количества крещеных евреев среди духовенства и мирян;
5. Политическая ангажированность церковного руководства;
6. Степень коллаборационизма среди прихожан.

Основные причины помощи евреям со стороны православных священнослужителей и мирян заключались в следующем:

1. Личная религиозная мотивация (восприятие спасения евреев, как своего христианского долга);
2. Влияние позиции священноначалия и духовника;
3. Участие в движении Сопротивления;
4. Идейная оппозиционность нацистскому режиму;
5. Стремление обратить евреев в христианство;
6. Общие гуманистические идеалы;
7. Дружеские личные связи с евреями.

При этом нередко сложно разграничить побудительные мотивы оказания помощи, на поступок верующего могло повлиять сразу несколько причин.

Формы же спасения евреев были очень разнообразными:

1. Крещение еврейских детей (а зачастую и взрослых) в православных храмах;
2. Предоставление убежища в религиозных учреждениях и домах священников;
3. Обеспечение евреям возможности выдать себя за представителя другой национальности (в том числе выдача фиктивного свидетельства о крещении);
4. Помощь в осуществлении бегства в безопасное место;
5. Временное усыновление (удочерение) еврейских детей;
6. Заступничество перед нападавшими на евреев, в том числе обращения иерархов в органы государственной власти;
7. Принятие на службу в храм или церковную организацию;
8. Помощь предметами первой необходимости;
9. Публичное проявление сочувствия, в том числе демонстративное ношение некоторыми православными священнослужителями на облачении «звезды Давида».

Несмотря на идеологические и политические различия среди различных течений и юрисдикций Русской Православной Церкви, в целом существовало неприятие Холокоста как явления, основанного на расистском подходе, хотя и без публичного высказывания священноначалием этой позиции. Из Православных Поместных Церквей наиболее заметную роль в противостоянии Холокосту сыграла Болгарская Церковь, но и Русская Церковь сделала многое для спасения евреев. Именно ее духовенство, помогая евреям, больше всего пострадало от рук нацистов.

Относительно статистики участия православного духовенства и мирян в спасении евреев и количества спасенных пока рано делать окончательные выводы. Автору удалось установить имена 12 священно- и церковнослужителей Русской Православной Церкви, погибших, спасая евреев. Четверо из них: священник Димитрий Клепинин, архимандрит Георгий (Перадзе), монахиня Мария (Кузьмина-Караваева) и псаломщик Юрий Скобцов уже причислены к лику святых. Но активно помогавших евреям священнослужителей (не говоря уже о мирянах) было, как минимум, в четыре-пять раз больше, в том числе два архиерея; архиепископ Минский Филофей (Нарко) и епископ Таганрогский (позднее митрополит) Иосиф (Чернов). При этом большинство фактов спасения до сих пор остаются неизвестными. Количество же спасенных духовенством и мирянами Русской Православной Церкви составило по нескольку сот в Белоруссии, Франции, Украине и России.

Несомненно, тема требует дальнейшего углубленного изучения. При этом проблему отношения православных священнослужителей и мирян к Холокосту следует рассматривать как неотъемлемую часть истории Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны.

Несмотря на ожесточенные репрессии, проводившиеся против Московского Патриархата в 1930-е гг., его священноначалие, с первого же дня Великой Отечественной войны, выступило в поддержку государства. Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) уже 22 июня 1941 г. написал послание к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором осудил нападение нацистов на Советский Союз и их политику варварского обращения с гражданским населением.[1] Это пастырское послание было разослано по всем приходам страны и уже вскоре читалось после богослужений. Так началось активное участие Русской Православной Церкви в патриотической борьбе с нацизмом.

Таким образом, Московская Патриархия заняла ярко выраженную антинацистскую позицию, и в первую очередь в отношении зверств, совершаемых гитлеровцами против мирных жителей страны. В целом ряде своих проповедей и выступлений в печати митрополит Сергий осуждал злодеяния оккупантов «над безоружным населением». В январе 1942 г. в специальном обращении к православным людям на временно оккупированной немцами территории Патриарший Местоблюститель напомнил, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали, что они — русские, и сознательно или по недомыслию не оказались

предателями своей Родины. Одновременно митрополит Сергий призывал содействовать партизанскому движению[2]. Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все основные события в военной жизни страны.

Занимая антинацистскую позицию, Московская Патриархия осуждала и преследование евреев, однако позиция властей не позволяла делать это официально, как и дистанцироваться публично от начинавшего проявляться советского антисемитизма. Владыка Сергий (Страгородский) ни разу не говорил открыто об уничтожении евреев. Митрополит Киевский Николай (Ярушевич), назначенный 2 ноября 1942 г. одним из 10 членов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, имел исчерпывающую информацию о преступлениях оккупантов на захваченной территории, но он также не упоминал советских евреев как отдельную категорию жертв. С церковного амвона осуждались все акты террора и насилия, совершенные оккупантами, однако о том, кого нацисты истребляли в первую очередь, Московская Патриархия была вынуждена молчать (хотя в Русской Православной Церкви традиционно имелась группа священников-евреев).

В результате, как справедливо отметил в своем докладе на II международной конференции «Богословие после Освенцима и Гулага» (1998) протоиерей Сергий Гаккель, многие возможности сбора информации об участии православных священнослужителей и мирян в спасении евреев в годы Великой Отечественной войны были упущены: «Так, например... Иосиф Сталин назначил представителя Русской Православной Церкви митрополита Николая Ярушевича членом государственной комиссии по расследованию преступлений, совершенных нацистами на оккупированных территориях Советского Союза. Митрополиту Николаю разрешено было ужасаться зверствами фашистов, но почти исключительно антиправославным. Так требовала советская политика того времени. Говорить о массовых уничтожениях евреев на той же территории и в то же время ему не полагалось. Даже этот свидетель был лишен возможности обратить внимание общественности на праведников из языков».[3]

Поэтому сейчас, более чем через 65 лет после окончания войны, бывает так сложно установить имена многих русских, белорусов, украинцев — священнослужителей и мирян Московского Патриархата,

спасавших евреев от уничтожения. Эти сведения приходится собирать по архивным документам, искать в воспоминаниях очевидцев событий, публикациях периодической печати. Об одном из таких случаев автору статьи рассказал петербургский профессор И. Левин[4]. В годы оккупации он проживал в г. Печоры Псковской области. Сын диакона местной православной церкви был застрелен нацистским солдатом, так как мальчик внешне походил на еврея. После этого священник в храме произнес резкую проповедь против действий оккупантов. Сам И. Левин, как и некоторые другие евреи Печор, остался жив при содействии православного духовенства.

В целом на Северо-Западе России, где в период оккупации действовала Псковская Православная Духовная Миссия, антисемитская агитация со стороны священнослужителей, несмотря на несомненное давление нацистов, почти не велась. Хотя оккупанты, несомненно, пытались использовать повышение статуса Церкви и религиозной системы ценностей для пропаганды элементов христианского антииудаизма. Например, в выходившей в оккупированном Пскове газете «За Родину» утверждалось: «Страдание русского народа подобно страданию на Голгофе...». Между тем в литературе описаны случаи, когда жители Северо-Запада России прятали в своих семьях еврейских детей. Так жительница д. Коканогово Псковской области Пелагея Григорьева весь период оккупации укрывала пятилетнего мальчика Ефима Турбина, проживавшая в д. Загромотье той же области семья Артемьевых спасла трехлетнего Марка Фельдмана (жители деревень знали об этом, но никто из них не донес нацистам) и т.д.[5]

Медсестра больницы в поселке Колмово вблизи Новгорода Екатерина Королькова, при участии православного священника, спасла восьмилетнюю дочь бывшей соседки Фриду Рабинович. Сначала раненная осколком гранаты девочка лечилась в больнице (причем никто из медицинского персонала не выдал ее немцам), а затем Е. Королькова забрала Фриду домой, и местный священник (по всей видимости, новгородский протоиерей Василий Николаевский) крестил девочку, выписав ей, задним числом, свидетельство о крещении на имя Любы Корольковой. В 1999 г. Е. Королькова была удостоена звания Праведника народов мира.[6]

Помогали евреям и другие православные священники. Так, например, настоятель Павловского собора г. Гатчина Ленинградской области протоиерей Александр Петров был 3 августа 1942 г. арестован гестапо

за связь с городским подпольем, однако он, по всей видимости, также помогал местным евреям. Всех схваченных участников подполья нацисты повесили в гатчинском парке Сильвия, а о. Александра вместе с группой евреев отвезли в район новгородской станции Батецкая и там, в конце августа, расстреляли.[7]

На юге России, в Ростовской епархии активную помощь евреям оказывал епископ Таганрогский Иосиф (Чернов). Он дважды: в сентябре 1942 г. в Ростове-на-Доне и в ноябре 1943 г. в Умани подвергался арестам со стороны гестапо, даже был приговорен нацистами к смерти и чудом остался жив. Позднее Владыка Иосиф писал: «Немецкие власти меня дважды сажали под арест: В Ростове — 3 суток, в Умани — 66 суток, требуя от меня, как старожила Дона, выдавать им: евреев, комсомольцев и др., чего я не мог сделать, и готов был за это в Умани смерть принять... Что касается евреев, то я некоторым помог спастись от фашистов, а партизанам давал белье, деньги и завтраком кормил, ибо приходили рано-рано утром, и сам своими руками мыл им голову в своем кабинете, и ноги. Клянусь, что это правда, как перед самим Богом!»[8]

В Курске семья Дудиных, при помощи местного православного священника, спасла еврейскую девочку Инну Ларенц, дочь их знакомой. Позднее Изабелла Дудина-Образцова вспоминала: «Инна прибежала к нам ночью, во время облавы. Я положила ее в свою кровать, а наутро папа позвал священника. Он окрестил Инну, отец вписал ее в паспорт, как свою племянницу, и она стала Ниной Васильевной Лариной... А после войны Инночку нашел ее папа». В 1998 г. семье Дудиных присвоили звание Праведников народов мира.[9]

На территории Смоленской епархии, входившей в период оккупации в состав Белорусской Православной Церкви (фактически автономной в составе Московского Патриархата), антисемитская агитация со стороны части священнослужителей, если судить по местной прессе, наоборот, была довольно выраженной. Порой она была даже сильнее антисоветской агитации. И тон здесь задавали православные священники, приехавшие из Западной Белоруссии и настроенные националистически, прежде всего настоятель Смоленского кафедрального собора и председатель Епархиального совета протоиерей Николай Шидловский. Так, например, после обнаружсния немцами в Катынском лесу весной 1943 г. останков расстрелянных органами НКВД пленных польских офицеров, Шидловский опубликовал в местной га-

зете «За Родину» резкую антисемитскую статью «Непримиримые враги христианства». Для Шидловского были характерны и другие пронацистские заявления и поступки. Но подавляющее большинство верующих жителей Смоленска, по воспоминаниям очевидцев, негативно относилось и лично к протоиерею, и к его проповедям и статьям.

В целом же националистические взгляды были характерны для меньшей части священнослужителей Белорусской Православной Церкви. Именно в оккупированной Белоруссии произошла большая часть известных к настоящему времени случаев спасения евреев православными священниками и мирянами. Бежавших из гетто еврейских подростков скрывали православные священнослужители под Брестом и в г. Борисове. В г. Пинске православный священник отдал свой золотой крест, чтобы узники гетто смогли выплатить наложенную на них контрибуцию. Заслуживающее особенного внимания упоминание можно встретить в статье церковного журнала, посвященной кончине архиепископа Филофея (Нарко). В годы войны Владыка управлял Могилевской, Смоленской и Минской епархиями, а в июне 1942 — апреле 1943 гг. по поручению арестованного в этот период нацистами митрополита Минского Пантелеимона даже фактически управлял всей Белорусской Церковью. В статье подчеркивается: «Особенная заслуга его — спасение тысяч еврейских детей, которых он крещением сберегает от смерти в гитлеровских газовых камерах».[10] Правда, число спасенных детей в этой публикации, по всей видимости, преувеличено.

В судьбе белорусских евреев участие приняли и другие православные священнослужители и миряне, некоторые из которых погибли от рук нацистов за оказываемую помощь. Одни руководствовались при этом религиозными убеждениями, другие проявляли человеческое участие. Так, например, священник Иван Строк в г. Борисове взял в свою семью и этим спас еврейского мальчика Толю Шахвалова.[11] Священник Игнатий Ермолюк был арестован нацистами за крещение евреев и выдачу им метрик, пастыря отправили в концлагерь, откуда он уже не вернулся.[12]

72-летний протоиерей Павел Сосновский был зверски замучен нацистами за помощь евреям вместе с 11-летним мальчиком.[13] Священника Петра Бацяна, служившего настоятелем в церкви деревни Кобыльники Мядельского района Минской области за помощь в спасении евреев арестовали агенты СД. Над 60-летним иереем жестоко издевались в Минской тюрьме: запрягали в плуг, заставляя пахать тю-

ремный огород, травили собаками до тех пор, пока отец Петр не умер.[14] Евреев — детей и взрослых — также спасали православные верующие: Мария Семенович в Минске, семья Марченковых в д. Старый Шклов, монахиня Чубак и послушница Кевюрская в Пружанах и т.д.[15]

В 2011 г. были обнаружены интересные материалы в фонде актера театра С. Михоэлса, а затем командира танкового экипажа Виктора Соломоновича Цейтлина в Центре документации новейшей истории Томской области. Его сына Эдика Цейтлина, ныне живущего в Петербурге, три года спасала в оккупированном г. Белостоке (входившем в 1939–1941 годах в состав Белорусской ССР) няня Александра Александровна Леонович. В этом ей помог настоятель Свято-Николаевского собора г. Белостока протопресвитер Петр Петрович Гуткевич.[16] Отец Петр воспользовался своими полномочиями и выдал А.А. Леонович на бланке епархии фиктивное метрическое удостоверение о том, что Эдик — ее сын Валентин Леонович, крещеный 31 июля 1941 г. В настоящее время собираются материалы для присвоения спасителям мальчика звания «Праведник народов мира».[17]

Следует отметить, что на оккупированной территории республики все официальные структуры — государство, подполье, партизанское руководство, Церковь по разным причинам не пытались влиять на ситуацию, не призывали население оказывать помощь евреям, и спасатели руководствовались собственными представлениями о морально-нравственном долге и совести. В справочнике «Праведники народов мира Беларуси» из 508 приведенных случаев спасения евреев в 135 изложены мотивы спасателей, и из них 13 действовали по религиозным убеждениям (православные, католики и баптисты).[18]

Конечно, от рук нацистов в Белоруссии погибали и православные священнослужители — евреи по национальности. Так в братии Жировицкого монастыря Гродненской епархии к лету 1941 г. состояло 6 монахов еврейского происхождения. Когда в конце июня 1941 г. пос. Жировицы заняли немецкие войска, монастырь был окружен, всем его насельникам приказали выстроиться, и из них отобрали евреев. Несмотря на протесты находившегося в монастыре митрополита Пантелеимона (Рожновского), нацисты расстреляли 6 монахов-евреев на месте.[19]

Следует отметить, что именно в Белоруссии православные священнослужители особенно активно участвовали в партизанском движении[20].

Вместе с тем, были священнослужители Московского Патриархата, которые на оккупированной территории, так или иначе, сотрудничали с нацистами и участвовали в их пропагандистских мероприятиях антисемитского характера. Так, экзарх Латвии и Эстонии, митрополит Литовский и Виленский Сергий (Воскресенский) с самого начала немецкой оккупации Прибалтики занял активную антикоммунистическую позицию. Он ни разу не осудил еврейские погромы и массовые расстрелы, проведенные в крае полицией и частями СС, и неоднократно выступал с проповедью о поддержке немецкой армии в борьбе с «жидо-большевизмом». Проповеди митрополита Сергия, произнесенные в Рижском кафедральном соборе, публиковались на страницах печатных органов коллаборационистов, где, как правило, размещались антисемитские статьи. При этом позиция митрополита Сергия в отношении оккупационных властей была все же неоднозначной — известно его высказывание: «Не таких обманывали! С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно».[21]

К Холокосту владыка, судя по имеющимся документам, никак причастен не был. Следует упомянуть, что митрополит Сергий (Воскресенский) был убит 29 апреля 1944 г. в 40 км от Каунаса, при невыясненных до конца обстоятельствах, но, скорее всего, агентами СД по заданию Главного управления имперской безопасности за нежелание осудить избрание Московского патриарха Сергия и выйти из его юрисдикции.[22]

С лета 1942 г. в оккупированных областях Центральной России немцы стали в отдельных случаях допускать священников в лагеря для советских военнопленных. После молебнов священники иногда выступали с проповедями, в которых говорилось о том, что война послана Богом за грехи большевиков; пленных красноармейцев призывали молиться «за скорейшее окончание войны», «разгром жидо-большевизма» и «скорейшее возвращение домой». На подобных проповедях обязательно присутствовали представители лагерной администрации.[23]

После прихода советских войск священнослужители Московского Патриархата, помогавшие партизанам и подпольщикам вести борьбу с нацистами, нередко входили в состав комиссий по расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками, и порой сами давали свидетельские показания, помогавшие выявлять участников преступлений среди коллаборационистов. В некоторых из этих показаний говорилось и о Холокосте.

Ситуация, подобная той, что существовала в Московском Патриархате, была в обновленческой Православной Церкви на территории СССР, которую возглавлял еврей по происхождению митрополит Александр Введенский. Доля священников-евреев в ней была выше, а на оккупированной территории нацисты преследовали обновленцев особенно активно. Например, был арестован обновленческий священник в г. Житомире на Украине, начавший служить после прихода германских войск. Кубань и Северный Кавказ являлись единственным регионом, где деятельность обновленцев хоть в каком-то виде допускалась оккупационными властями[24].

Наиболее неоднозначным отношение Православной Церкви к Холокосту было на Украине, где проживала большая часть евреев СССР. Здесь в период оккупации существовали две Украинские Православные Церкви — автокефальная и автономная в составе Московского Патриархата. Автономная Украинская Церковь однозначно осуждала уничтожение евреев. Многие ее священнослужители пытались различными способами спасти их.

В ряде случаев клирики и простые миряне открыто и подчас небезуспешно протестовали против уничтожения евреев. Так в местечке Товта на Западной Украине подобная массовая казнь была остановлена священником Извольским. Ряд православных священников и члены их семей с риском для жизни прятали евреев. Скрывавшимся доставали поддельные документы; если это было невозможно — отдавали свои. Так, например, во Фроловском монастыре Киева настоятельница обители игумения Флавия укрывала еврейскую девочку Лиду Фельдман и других еврейских детей. В г. Симферополе православный священник также прятал в своем доме еврейских детей и т.д.[25]

Нацистские органы власти на Украине старались решительно пресекать попытки отдельных священнослужителей спасать евреев путем выдачи им свидетельств о крещении. 29 октября 1941 г. оккупационные власти разослали циркуляр, который обязывал священников отказывать евреям в крещении. Но это не подействовало. Так, в Кировоградской области священники православных храмов массово крестили евреев, предупреждая их об угрозе уничтожения. По некоторым данным, в какой-то период в день крестилось по 70 человек. В г. Кременчуге протоиерей Романский крестил евреев и давал им общехристианские или русские имена. Видимо, это происходило повсеместно, поскольку в распоряжениях местных оккупационных властей неодно-

кратно подчеркивалось, что не только запрещено крещение евреев, но и всех ранее крещенных и полукровок следует считать евреями «наряду с некрещенными».[26]

Наиболее известен пример подвига священника Алексия Глаголева служившего настоятелем храма св. Иоанна Воина при Покровской церкви на Подоле в оккупированном нацистами Киеве. В период оккупации города, продолжавшейся до ноября 1943 г., он и вся его семья никогда не отказывали в помощи евреям, обращавшихся к ним, и прилагали много усилий для спасения преследуемых. Однажды жена священника Татьяна Павловна Глаголева отдала одной женщине-еврейке свой паспорт, чтобы та скрылась в селе, и сама едва не погибла в очередной облаве.

С опасностью для жизни всей семьи Глаголевы спасли от гибели в Бабьем Яру Изабеллу Наумовну Миркину с ее 10-летней дочерью, Полину Давыдовну Шевелеву с ее престарелой матерью Евгенией Абрамовной, журналиста Либермана, Веру Владимировну Виленскую. Однажды к ним за помощью обратилась жена подполковника Красной армии А.А. Дьячкова, она с 6 дочерьми проживала в Печерском районе, и когда на нее донесли немцам, вынуждена была срочно бежать со своими девочками и нашла убежище в семье священника. Были спасены и многие другие евреи. Дом № 7 на Покровской улице, где проживала семья о. Алексея, и дома № 6 и № 3 по той же улице, где жил Дмитрий Лукич Пасечный, были надежным пристанищем для гонимых. С целью спасения людей использовались и помещения храмов, несмотря на то, что напротив Покровской церкви был размещен штаб оккупационных войск.[27]

В нескольких домах, относившихся к храму, под видом церковных служащих также скрывалось много русских и евреев, которым о. Алексий выдавал свидетельства о крещении. Священнику активно помогал управитель церковных зданий Александр Горбовский, который не только скрывал здесь евреев, но и доставал им метрики умерших, хлебные карточки. В октябре 1943 г. нацисты жестоко избили о. Алексия, приняв его за еврея, но за священника вступились монахини Покровского монастыря, и это спасло ему жизнь.[28]

После окончания войны протоиерей А. Глаголев служил в разных храмах Киева и скончался 23 января 1972 г. Отец Алексий был одним из героев «Черной книги» Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. В 1992 г. все члены семьи Глаголевых: о. Алексий, Татьяна Павловна

и их дети — Магдалина, Мария и Николай были удостоены звания Праведников народов мира. В начале 2000-х гг. в музее мемориальной синагоги на Поклонной горе в Москве появилась небольшая экспозиция, посвященная подвигу о. А. Глаголева и его семьи.

Хотя о. Алексию в течение нескольких лет удавалось спасать от гибели многие десятки людей, он, к счастью, остался жив. Однако несколько священников и мирян на Украине были убиты нацистами за попытки спасти евреев. Так, в донесениях полиции безопасности и СД от 16 января и 6 марта 1942 г. сообщалось о расстреле бургомистра г. Кременчуга Полтавской области Синицы-Верховского за то, что он с сентября 1941 г. с помощью местного священника крестил евреев, давал им христианские имена и таким образом спасал их от уничтожения: «Только при допросе чиновниками оперативной команды было установлено, что он умышленно воспользовался фальшивыми анкетными данными, и решение еврейской проблемы саботировал тем, что уполномочил главного священника протоиерея Романского крестить указанных им самим евреев и давать им христианские или русские имена. Немедленный арест помешал большому числу евреев уйти из-под немецкого контроля. Сеница был казнен». Как был наказан священник, в донесениях СД не сообщалось, но, скорее всего, его также расстреляли.[29]

А в докладе крымского протоиерея А. Архангельского митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому) от 13 июля 1944 г. говорилось, что во время оккупации протоиерей кладбищенской церкви г. Симферополя Николай Швец зачитал прихожанам антифашистское воззвание митрополита Сергия (Страгородского), распространять которое среди верующих помогал диакон Александр Бондаренко. «Их патриотический подвиг поддержал старец Викентий, бывший обновленческий епископ ... Все они были расстреляны немецким гестапо... о. Н. Швеца обвиняли еще в том, что он крестил евреев»[30]. В других источниках говорится, что в спасении евреев участвовали все трое погибших священнослужителя: протоиерей Николай Швец, диакон Александр Бондаренко и епископ Викентий (Никипорчук).[31]

При этом часть украинских националистов участвовала в уничтожении евреев. Они относились как к Греко-Католической Церкви, так и к автокефальной Украинской Православной Церкви, действовавшей главным образом на Правобережной Украине. Уже с первых месяцев оккупации немецкие власти искали поддержку антиеврейских меро-

приятий со стороны части украинского духовенства. И в ряде регионов, особенно на первом этапе антиеврейских мер, им удалось этого добиться. Так, в отчете 2-го кавалерийского полка СС об уничтожении евреев от 12 августа 1941 г. говорилось: «Украинское духовенство проявило готовность сотрудничать с нами и принимать участие во всех акциях». В послании главы автокефальной Украинской Православной Церкви архиепископа Луцкого Поликарпа (Сикорского) от 19 июля 1941 г. также приветствовалась нацистская политика. В начальный период войны руководство автокефальной Украинской Церкви и часть духовенства было настроено крайне антисемитски. Так, например, в воскресной проповеди священника в храме г. Ковеля в мае 1942 г. говорилось: «Когда последний еврей исчезнет с лица земли, мы выиграем войну». Месяц спустя священник этой церкви Иоанн Губа благословил отряд украинской полиции перед уничтожением нескольких тысяч евреев Ковеля.[32]

Именно о пастве автокефальной Украинской Православной Церкви идет речь и в донесении оперативной команды СС № 5 осенью 1941 г. В нем говорится об уничтожении 229 евреев в г. Хмельнике, а также о том, что население города с таким энтузиазмом восприняло весть об избавлении от них, что отслужили благодарственный молебен.[33]

Для нацистской антисемитской пропаганды на территории Западной Украины, в отличие от других регионов республики, была характерна спекуляция на религиозных чувствах населения, так как в галицийских местечках священник являлся главным авторитетом. Публикации такого рода делились на две части: в первой использовались некоторые устойчивые антиеврейские стереотипы — распятие Христа, истории мучеников, предательство Иуды и т.д., а во второй рассказывалось о попрании христианских ценностей советской системой образования, при этом еврейство объединяли с коммунистической властью. Подобные публикации, например, вышедшее 25 января 1942 г. в газете «Бережанськи висти» стихотворение «Кузня характерив» (о том, как еврейка-комсомолка учила в школе безбожию еврейских детей), были призваны произвести впечатление на верующего человека и вызвать гнев по отношению к «врагам».[34]

Следует отметить, что Московская Патриархия резко негативно отнеслась ко всей деятельности автокефальной Украинской Церкви. 28 марта 1942 г. с посланием к «архипастырям, пастырям и пасомым в областях Украины, пока еще занятых гитлеровскими войсками», об-

ратился Патриарший местоблюститель митрополит Сергий. В нем говорилось о запрещении епископа Поликарпа в священнослужении. Собор архиереев Московского Патриархата, состоявшийся 28 марта 1942 г. в Ульяновске, своим «Определением» признал решение Патриаршего Местоблюстителя канонически правильным и утвердил его.[35]

Подводя итоги, можно сделать вывод, что, в условиях войны занимая ярко выраженную антинацистскую позицию, Московская Патриархия осуждала и преследования евреев, хотя не делала это публично, и не дистанцировалась от начинавшегося советского антисемитизма. Многие возможности сбора информации об участии православных священнослужителей и мирян в спасении евреев в годы войны были упущены, и сейчас очень сложно установить имена этих людей.

Наиболее неоднозначным отношение Русской Церкви к Холокосту было на территории Украины. Автономная Православная Церковь однозначно осуждала уничтожение евреев, и многие ее священники пытались спасти их. Часть же украинских националистов добровольно и активно участвовала в уничтожении евреев. Они относились как к автокефальной Украинской Православной, так и к Греко-Католической Церквам. Ситуация в разных течениях Православной Церкви на территории СССР была различной, но в целом Русская Церковь в 1941–1945 гг. негативно относилась к уничтожению евреев, хотя об открытых проявлениях этой позиции почти не известно.

В настоящее время теоретическое осмысление проблем христианства в связи с Холокостом происходит по нескольким направлениям. Одно из них — признание морально-политической ответственности христианских Церквей за Холокост. Другое направление критического анализа христианской истории — это исследование церковного антииудаизма как одного из источников расистского антисемитизма в XX веке. Лишь критическое осмысление христианами Холокоста доказало, что христианство и антисемитизм несовместимы.

В историческом плане тема «Русская Православная Церковь и Холокост», несомненно, требует дальнейшего изучения, в ней имеется еще много белых пятен. И, прежде всего надо установить имена православных праведников, которые на оккупированной территории СССР и других европейских стран, рискуя своей жизнью, спасали евреев. Большинство из них по-прежнему остается неизвестным. Важным является и содействие со стороны Русской Церкви реализации мемориального проекта «Вернуть достоинство», направленного на

поиск, восстановление и поддержание в порядке мест захоронений евреев — жертв Второй мировой войны на территории бывшего Советского Союза.

Примечания

[1] Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М., 1943. С. 50.

[2] Там же. С. 12.

[3] *Гаккель С.* Западное богословие после Освенцима и Русская православная церковь // Страницы. Москва. 1998. Т. 3. Вып. 3. С. 403.

[4] Устное свидетельство автору 25 января 1998 г. в Санкт-Петербурге.

[5] *Альтман И.А., Полтарак Д.И.* Праведники Народов Мира. Россия. 1941–1945. Учебное пособие. 9–11 классы. М., 2011. С. 14–15об; *Васильева А.* Пропаганда антисемитизма в псковской оккупационной прессе как одно из средств формирования позиции местного населения по отношению к Холокосту // Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Вып. 8. С. 40–42; Архив научно-информационного центра «Холокост» в Москве.

[6] *Альтман И.А., Полтарак Д.И.* Указ. соч. С. 13–13об; Архив научно-информационного центра «Холокост» в Москве.

[7] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Псковской области, ф. архивно-следственных дел, д. А-10676, т. 1, л. 116; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ф. арх.-след. дел, д. П-25530, л. 3-4.

[8] *Королева В.В.* Таганрогский период служения митрополита Иосифа (Чернова) // XXI ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. Т. 1. М., 2011. С. 422–426.

[9] *Альтман И.А., Полтарак Д.И.* Указ. соч. С. 31–32; Архив научно-информационного центра «Холокост» в Москве.

[10] Со Святыми Упокой... Кончина архиепископа Филофея // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. Мюнхен. 1986. № 5. С. 9–11.

[11] *Гай Д.* Десятый круг. М., 1991. С. 196, 199.

[12] *Силова С.В.* Крестный путь. Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. Минск, 2005. С. 49.

[13] *Рлина П.* За Веру и Отечество. Л., 1990. С. 57.

[14] *Силова С.В.* Указ. соч. С. 53.

[15] *Смиловицкий Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив, 2000. С. 54–55; Еврейский камертон. 1998. 9 января.

[16] *Альтман И.А., Полтарак Д.И.* Указ. соч. С. 17–17об.

[17] Центр документации новейшей истории Томской области, ф. 5791, оп. 1, д. 8, л. 1, 3, 4, 7; Архив научно-информационного центра «Холокост» в Москве.

[18] См.: Праведники Народов Мира Беларуси / Сост. И.П. Герасимова, А.Л. Шульман. Минск, 2004; *Розенблат Е.* Спасение евреев Беларуси в годы Холокоста: праведники и праведные // Холокост: новые исследования и материалы. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 4. М., 2011. С. 85, 87.

[19] *Силова С.В.* Указ. соч. С. 53.

[20] См. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2003.

[21] *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. Нью-Йорк–Москва–Париж. 1982. № 17. С. 133.

[22] Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946. С. 131.

[23] *Ковтун И.И.* Русская Православная Церковь Московского Патриархата // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 881.

[24] Государственный архив Российской Федерации, ф. 6991, оп. 1, д. 6, л. 25; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1982. № 18. С. 117–119.

[25] *Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 881–882.

[26] Там же; *Рогова А.* Отношение к урокам Холокоста в православии, католицизме и протестантизме: прошлое, настоящее, будущее // Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Вып. 8. С. 127.

[27] См. сайт: http://www.ekaterina.org.ua/pages/glagoleva.html

[28] См.: Книга Праведников. М., 2004.

[29] *Рогова А.* Указ. соч. С. 127.

[30] Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) / Публ. М.И. Одинцова // Отечественные архивы. Москва. 1995. № 3. С. 55; *Алексеев В.И., Ставру Ф.Г.* Указ. соч. // Русское Возрождение. 1982. № 17. С. 106.

[31] *Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 881–883.

[32] *Рогова А.* Указ. соч. С. 127; *Ковтун И.И., Бубнис А.* Церкви // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С. 1043–1045.

[33] См.: *Headtand R.* Messages of Murder: A Study of the Reports of the Einsatzgruppen of the Security Police and the Security Service. 1941–1943. London and Toronto, 1992. P. 114.

[34] *Смилянская Ю.* Оккупационная пресса на территории Украины (1941–1944) // Холокост: новые исследования и материалы. С. 58–59; Бережаньски висти. Бережани. № 6 (49). 1942. 25 января. С. 1.

[35] *Цыпин В.* История Русской Православной Церкви 1917–1990. М., 1991. С. 118–119.

Илья Альтман
(Москва)

КРАСНАЯ АРМИЯ И ХОЛОКОСТ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

Борьба Красной Армии с нацистской Германией сыграла решающую роль в спасении еврейского народа от полного уничтожения в годы Второй мировой войны. Этот факт признан международным сообществом. Международный День памяти Холокоста, установленный Генеральной Ассамблеей ООН в 2005 г., приурочен к дате освобождения лагеря смерти Аушвиц (Освенцим) 27 января 1945 г. советскими войсками. Солдаты и офицеры Красной Армии первыми вошли в Майданек и Треблинку, узнали об ужасах Собибора. Но еще ранее, в 1941–1943 гг., они стали участниками спасения отдельных евреев и целых общин на территории СССР. Именно в результате наступления Красной Армии под Москвой в конце 1941 — начале 1942 г. были освобождены первые гетто в Европе (Калуга в Тульской обл. и Ильино в Калининской обл.). Освобождение Ростова-на-Дону в ноябре 1941 и Нальчика в январе 1943 гг. спасло крупные еврейские общины этих городов (во время второго наступления вермахта на Ростов-на-Дону летом 1942 г., приведшего ко второй оккупации города, часть еврейского населения смогла бежать или эвакуироваться). Оборона Москвы и Ленинграда спасла десятки тысяч евреев — жителей этих городов. Победы советских войск вынудили Румынию приостановить уничтожение советских евреев на оккупированных ею территориях. Освобождение Транснистрии весной 1944 г. позволило выжить нескольким десяткам тысяч евреев Украины и Молдавии. После освобождения советскими войсками лагеря смерти Майданек (июль 1944 г.) мир узнал о нацистской машине истребления евреев. Благодаря командова-

нию 1-го Украинского фронта 27 января 1945 г. было предотвращено уничтожение нескольких тысяч последних узников Аушвица (Освенцим), в т.ч. и нескольких сот евреев, включая отца Анны Франк. Советские военнослужащие, прежде всего медики, спасли жизнь уцелевшим узникам. Они предотвратили эпидемию тифа в концлагере Терезиенштадт (Терезин), куда в конце войны были согнаны несколько десятков тысяч евреев. Взятие Красной Армией Будапешта в январе 1945 г. и освобождение Венгрии от нацистов спасло жизни более 260 тыс. венгерских евреев[2].

Военнослужащие Красной Армии (в первую очередь, политработники, военные юристы и медики) стали также первыми летописцами преступлений нацистов против еврейского населения на оккупированных территориях СССР.

В советской историографии тема спасения евреев Красной Армией рассматривалась в рамках спасения всего гражданского населения от ужасов нацизма в годы Великой Отечественной войны. В многочисленных исследованиях, посвященных роли Красной Армии в победе над нацизмом, весьма слабо отражена тема спасения евреев Европы и освобождения нацистских лагерей смерти. В постсоветский период этот вопрос был впервые затронут видным российским исследователем Федором Свердловым, опубликовавшим свои работы в центре «Холокост»[3]. В работах историков Германии, США, Израиля и Великобритании рассматривается преимущественно уничтожение евреев из числа солдат Красной Армии, оказавшихся в немецком плену. Но и в этих работах отсутствует комплексный анализ проблемы вклада Красной Армии в спасение евреев в годы Великой Отечественной войны; остаются не изучены региональные и временные особенности этой стороны деятельности советских войск.

Ни в нашей стране, ни за рубежом еще не проводилось комплексного анализа делопроизводственных документов о роли Красной Армии в спасении евреев СССР и Европы. Это было обусловлено, прежде всего, недоступностью основных архивных комплексов по теме, хранящихся в Центральном архиве министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ) в Подольске.

Задача данной статьи — показать информационный потенциал документов ЦАМО о Холокосте. Наш анализ основан, прежде всего, на рассекреченных в 2010–2012 гг. документах Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУР РККА), сформированных в дела

«Акты о зверствах фашистских захватчиков». Они сосредоточены в ф. 32 (ГлавПур), оп. 11302 и насчитывают свыше 200 дел в объеме 4 000 листов.

Выявленные нами документы можно разделить на несколько тематических групп как по происхождению, так и по видам источников. Среди них — документальная фиксация политорганами преступлений оккупантов как на территории СССР, так и в Европе (политдонесения и акты); пропагандистские материалы Красной Армии, включавшие сведения о Холокосте и анализ причин гитлеровского антисемитизма; личные документы (письма и дневники евреев с оккупированных территорий), найденные после освобождения; свидетельства бежавших из плена советских солдат и офицеров о казни их товарищей-евреев; трофейные документы и показания военнопленных (военнослужащих как вермахта, так и румынской армии); трофейные фотографии немецких военнослужащих.

Самый массовый вид источников, которые отложились в ЦАМО — это акты о преступлениях оккупантов. Они носят характерное для эпохи военного времени делопроизводственное название: «о зверствах» немецко-фашистских захватчиков[4]. Уже в первые недели войны на имя начальника ГлавПУРа РККА Л.З. Мехлиса стали поступать донесения о расстрелах евреев, основанные на свидетельствах бежавших из плена советских солдат и офицеров, а также письмах и дневниках убитых военнослужащих вермахта. Первые донесения и Акты были составлены низовыми армейскими подразделениями (полк, дивизия) и отправлены в Москву летом — осенью 1941 г. руководителями политотделов корпусов и армий.

Единообразное построение Актов, четкая регламентация их копирования и пересылки «по инстанциям» (причем с первых недель войны) отражают несомненную унификацию работы по фиксации нацистских преступлений. Естественно, что Холокост был далеко не единственным и даже не главным объектом этих документов. Судьба военнопленных и насилие оккупантов над женщинами — эти две темы были центральными в Актах с лета 1941 г. Тем не менее события Холокоста занимают в них весьма видное место.

Ценность данной группы источников состоит в том, что они появились непосредственно в период начала Холокоста и зафиксировали первые преступления оккупантов практически в режиме «реального времени». Особую ценность среди них имели сведения от непосредст-

венных очевидцев и жертв Холокоста, полученные в период рейдов советских разведчиков в тыл противника. Так, 2 августа 1941 г. разведгруппа 193 стрелковой дивизии 31 стрелкового корпуса разгромила украинскую «милицию», освободила 70 узников тюрьмы и вывела из украинского города Володарск-Волынский в расположение советских войск в районе Коростеня свыше 800 жителей. Можно предположить, что подавляющее большинство из них составляли евреи. В донесении отмечались следующие факты их преследований (сохранен язык документа): «Для евреев установлены особые условия; до 7 часов вечера ходить по улице, обязательно носить отличительный знак — белую повязку на рукаве с голубой шестиконечной звездой, а лиц, поддерживающих малейшее общение с евреями карать смертью. ... Бандиты-националисты предупреждали, что на днях начнется «очистка» украинской земли от «еврейской нечести». А поэтому, кто даст евреям покушать или приютит его — будет расстрелян. ... Несмотря на строжайший надзор, русское население Володарска предупредило евреев против готовящейся против их расправе». В заключение донесения приводится благодарственное письмо жителей местечка со словами «Вы спасли нашу жизнь — она принадлежит Родине. ... Мы призываем вас к священной мести».

Эти сведения достаточно наглядно показывают особую политику оккупантов и их пособников в отношении евреев. Любопытно, что все авторы свидетельств, упомянутых в документе (он датирован 5 августа 1941 г.) — евреи (Эля Булах, Анкель Менакер, Израиль Гальперин, Моисей Могилевский)[5].

Первые аналогичные акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) появились спустя год и 9 месяцев после начала войны (в марте 1943 г.). Кроме того, армейские политработники и военные юристы имели возможность опросить тех очевидцев, которые уже не проживали в данном населенном пункте в 1943–1944 гг., когда здесь же создавались Акты ЧГК.

Написанные в сложнейших условиях, сразу же после или накануне следующего боя, данные документы поражают своей скрупулезностью. Они указывают точное место казни, дают ссылку на имена свидетелей и очевидцев, содержат подробные цитаты из этих свидетельств. Несомненный интерес представляют сопроводительные письма к таким Актам в процессе их пересылки по инстанциям (пометы, резолюции и т.д.). Особенно это касаетсядонесений и актов, связанных с освобо-

ждением узников главных «фабрик смерти» — Освенцима (Аушвица) и Майданека. Эмоциональная реакция советских военнослужащих на преступления нацистов находит отклик даже в бесстрастных делопроизводственных документах.

Особого внимания заслуживает отражение темы Холокоста на страницах армейской периодической печати и непериодических пропагандистских изданий, которые выпускались с первых месяцев войны. Показательно включение в них пространного письма Саломеи Окс, узницы гетто Тернополя, адресованного ее родным в Палестину. Оно было написано весной 1943 г., накануне казни узников гетто, и также содержало призыв к мести. Письмо было сохранено, переведено с польского, оригинал отправлен родным по указанному адресу в Тель-Авив, а перевод опубликован в сборнике пропагандистских материалов Красной Армии в 1944г.[6]

Трофейные документы также нередко цитируются в Актах. В письмах и дневниках немецких солдат и офицеров (в донесениях советских политорганов они даны в переводе на русский язык) нередко звучат откровенно антисемитские мотивы, открыто пишется о массовых казнях евреев и личном участии в них. В конце 1942 г. Главпур составил обзор таких писем:

> «Важнейшая цель нашей борьбы против еврейско-большевистской системы состоит в полном разгроме государственности и искоренении азиатского влияния на европейское культурное общество.
>
> ...В Ровно я сам мог наблюдать, как наши СС укокошивали евреев...
>
> ...Никакого сострадания мы не ощущали, а только колоссальную волю к уничтожению, так как мир населен почти исключительно евреями. Этот еврейский сброд!... У меня руки чесались пострелять моим пистолетом по толпе.
>
> ...Вчера наш батальон расстрелял 65 евреев! Им пощады нет.
>
> ...Мы обыскали еврейский квартал. Человек 70 евреев были загнаны в подвал и затем взорваны на воздух. В общей сложности первый взвод уложил 150 евреев.
>
> ...Гражданское население и евреи в специальных бараках состояли под надзором бойцов внутренней охраны.
>
> ...Евреи расстреливались в другом месте, вблизи лагеря. Они должны сами рыть себе могилу и потом их убивали выстрелом в за-

тылок. В возмездие за убийство партизанами в Киеве немецких солдат и офицеров в лагере были расстреляны из пулемета несколько тысяч евреев»[7].

В показаниях же попавших в плен немецких военнослужащих эти же свидетельства приводятся от лиц не участников, а лишь очевидцев зверств. Во многих из них указаны конкретные имена палачей. Однако эти показания и свидетельства были даны спустя 2-3 года после описываемых событий, поэтому они весьма отрывочны и далеко не всегда точно отражают географию событий (если они происходили не в крупных населенных пунктах).

Среди тех, кто фиксировал и подписывал Акты о нацистских зверствах, достаточно часто встречаются еврейские фамилии. По отдельным воспоминаниям и дневникам можно предположить, что участие в подготовке этих документов производило на них сильнейшее эмоциональное впечатление, заставляло вспомнить о судьбах своей семьи. Так, Моисей Лойфер, встретивший войну под Брестом, осенью 1943 г. участвовал в расследовании преступлений нацистов в Смоленской области. Он вспоминал: «Освободив Духовщину, мы обнаружили в яру между Духовщиной и Монастырщиной в картофельном хранилище сожженных заживо людей. В хранилище были собраны семьи партизан и еврейские семьи. Я участвовал в составлении акта госкомиссии по установлению ущерба на оккупированной территории. Подписал акт, о чем писали фронтовые газеты. Будучи комсоргом, я использовал такие факты для антифашистского и патриотического воспитания воинов»[8].

Анализ выявленных документов по теме «Красная Армия и Холокост» позволяет сделать ряд важных выводов об их ценности как исторического источника. Во-первых, они свидетельствуют о том, что практически все военнослужащие Красной Армии, сражавшиеся против немецких и румынских оккупантов, а также участвовавшие в освобождении лагерей смерти, знали о преступлениях нацистов против евреев, в том числе — советских военнопленных. Во-вторых, эти преступления нацистов и их пособников с первых же недель войны стали предметом специального фиксирования в актах и политдонесениях, включая сбор, перевод и анализ трофейных немецких и румынских документов (письма, дневники, фотографии).

Именно политорганы Красной Армии первыми в Европы стали систематически собирать и публиковать данные о Холокосте и других

преступлениях оккупантов. Этот опыт был в дальнейшем использован и развит ЧГК. Но и после начала работы ЧГК армейские политотделы всех уровней продолжали фиксировать преступления оккупантов буквально в первые же часы после освобождения населенных пунктов. Сотрудники местных комиссий содействия ЧГК зачастую приступали к работе здесь спустя несколько месяцев, когда ряда свидетелей (особенно мужчин призывного возраста) на месте уже не было. В значительном числе случае именно акты политорганов Красной Армии были положены в основу Актов ЧГК.

Особую ценность имеет скрупулезное фиксирование места казни, расположения могил и опознавательных знаков рядом с ними, ориентировочные данные о месте расположения (указание расстояния от населенного пункта или дороги). Эти документы проходили все инстанции — от полка до Главного политического управления РККА, копировались, включались в служебные сводки и пропагандистские материалы, публиковались в армейской печати и специальных брошюрах-обзорах о нацистских зверствах.

Акты о преступлениях нацистов имеют не только огромное научное значение, вскрывая неизвестные факты, имена жертв и палачей, даты казней, но и служат важнейшей доказательной базой против отрицателей Холокоста. Особую ценность имеют написанные в период войны дневники и эпистолярные источники (как советские, так и немецкие), которые отражают психологию и эмоциональное состояние палачей и жертв, а также самих бойцов Красной Армии.

Зафиксированные в 1941/1942 гг. документы по расследованию преступлений оккупантов сыграли важную роль в документировании Холокоста в СССР и Европе и послужили основой для концепции наказания нацистских палачей.

Примечания

[1] Статья подготовлена в рамках проекта, осуществленного при поддержке РГНФ (грант № 11-03-00543а)

[2] Красная Армия. В кн. Энциклопедия «Холокост на территории СССР» // Под ред. И.А. Альтмана / 2-е испр. и доп. изд. М., 2011. С. 472–473.

[3] См. Холокост глазами Красной Армии / Сборник документов. /Под ред. Ф.Д. Свердлова. М., 1996.

[4] Отметим, что и созданная в ноябре 1942 г. Чрезвычайная Государственная Комиссия (ЧГК) по расследованию этих преступлений будет включать в свое

название термин «злодеяние», что отражало восприятие советскими людьми, как и воинами Красной Армии, жестоких репрессий нацистов и их пособников против мирного населения и военнопленных.

[5] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 83. Л. 353–356.

[6] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 544. Л. 361–366. См. «Маарив», 18 апреля 2012 г. С. 1 (иврит).

[7] Обзор о зверствах по отношению еврейскому населению СССР: из дневников и писем немецких солдат и офицеров [1941–1942]. ЦАМО РФ. Ф 32. Оп. 11302. Д. 104. Л. 567.

[8] *Лойфер М.* Нити времени. Тель-Авив, 2000. С. 95. Далее автор приводит подробную запись об этом из своего фронтового дневника (Там же. С. 108–109).

Сергей Шпагин
(Ростов-на-Дону)

ХОЛОКОСТ КАК ФЕНОМЕН ПОСТИСТОРИИ

Масштаб трагедии и последствий «окончательного решения еврейского вопроса» был таков, что их осознание проходило уже во время самой войны[1]. При этом в СССР предчувствие Холокоста воспринималось, прежде всего, как угроза евреям Европы[2], вызов странам Европы и в меньшей степени как событие, направленное против советских евреев[3] и руководства СССР. В условиях зыбкого баланса между антифашистским единством СССР с «буржуазным» Западом в годы войны и прежним «классовым» антагонизмом между ними, вступать в полемику с нацистской пропагандой, утверждавшей, что нападение на СССР преследует цель освобождение русских от «жидобольшевизма», было не выгодно советскому режиму. Признание факта, что на ранних стадиях советско-германской войны жертвы нацистов среди гражданского населения были преимущественно еврейскими, в какой-то мере означало бы подтверждение советским руководством основополагающего тезиса нацистской пропаганды об их борьбе против «жидобольшевизма».

По мере того, как уничтожение европейских евреев становилось все более массовым и жестоким, происходило осмысление происходящей Катастрофы, ее последствий для евреев и неевреев. Иными словами, осознание своей ответственности уже тогда в какой-то мере затронуло многих свидетелей происходящих событий, включая тех, кто сам участвовал в уничтожении евреев.

В короткий период между разгромом нацизма и началом Холодной войны происходили разнонаправленные процессы осмысления Холокоста, хотя еще не было достаточной временной дистанции, чтобы он

стал историей[4]. Это осмысление в значительной степени было ориентировано на прагматику послевоенного мироустройства, но одновременно оно заложило некую базу постистории. Прежде всего, этому служили судебные процессы по делам военных преступников, коллаборационистов и невольных соучастников повседневной деятельности оккупационных властей. Эти процессы над преступниками от Нюрнберга до провинциальных городов достаточно широко освещались в СМИ. В контексте поставленной проблемы смысл этих процессов состоял в том, что они способствовали превращению Холокоста из факта недавней истории в феномен постистории. Эти судебные процессы привели к актуализации проблем коллаборационизма, еврейского сопротивления, помощи со стороны гражданского нееврейского окружения или, наоборот, не оказание таковой, но одновременно выявили недостатки в действиях гражданских и военных властей. В первые послевоенные годы в СССР (да и в других странах в период Холодной войны) все эти темы оставались в тени общей идеологической конфронтации и были на периферии исторических исследований.

Под феноменом постистории в данном случае мы понимаем формирование нового дискурса, ориентированного не на собственно историю Холокоста, а на продолжение традиционного обвинения евреев на протяжении всей истории их существования и взаимоотношении с не евреями, в котором Холокост служит не целью исследования, а лишь средством, аргументом обвинения.

Смысл феномена постистории в данном случае заключается в том, что эти темы стали востребованными в другой новой парадигме уже за пределами проблемного поля самого Холокоста. Одновременно благодаря этому углубилось понимание Холокоста именно как исторического явления в общем контексте войны — его моральная, юридическая, экономическая, антропологическая, философская и прочие составляющие.

Указанные судебные процессы 40–60-х годов, а также международная полемика 1965 года по поводу срока давности преступлений периода Второй мировой войны, заложили основы для обсуждения и понимания роли неевреев в Холокосте. Собственно говоря, превращение тематики Холокоста в актуальное поле для обсуждений со стороны неевреев, включение как отдельных его сюжетов, так и явления в целом в дискуссии и практики исключительно неевреев и часто с антисемитской направленностью, означают повышение значения именно

контекста Холокоста в противовес самому Холокосту, и превращение его в феномен постистории.

Очередным рубежом на пути формирования постисторического аспекта Холокоста стали дискуссии историков ФРГ на тему наследия нацизма, отношения к нему и фактическая легитимация статуса Германии как правопреемницы преступлений Третьего рейха и нацизма. С одной стороны, государство, общество, нация признали свою ответственность за преступления нацизма и, в первую очередь, за ужасы Холокоста. С другой — в рамках этого явления начинается формирование направления отрицания и ревизии Холокоста.

Включение темы Холокоста как трагедии европейских евреев в рамках Ялтинской системы международных отношений и феномена «историографии победителей» в контекст всемирной истории было затруднительно по ряду причин. Тяжесть последствий Второй мировой войны воспринималась прежде всего в идеологических, а не этнических категориях. И даже не в понятиях морали или в этически-религиозных формах. Это и понятно, поскольку победители и побежденные сами пережили глубокие этнотравмы, были причастны к этнической перекройке послевоенной Европы, и акцентировать внимание на потери конкретно европейских евреев в рамках такой парадигмы смысла не имело.

Признанием права евреев на свое государство вне Европы победители в некотором смысле сняли проблему Холокоста с повестки дня европейской науки, политики, морали. Формирование еврейского государства, оказавшегося в очаге международной напряженности, способствовало появлению новых граней феномена Холокоста как постистории. Для нового государства и его арабских соседей и антисионистских кругов сформировался новый круг проблем, среди которых Холокост выглядел не как история, а как составная часть общего антиеврейского контекста. Трагедия народа без государства ранее не могла претендовать на факт всемирной истории.

Можно провести некоторые примеры не связанные с евреями: рабство, колониализм, или геноцид армянского населения в Османской империи. Однако в отличие от Холокоста, они вписывались в контекст истории того или иного государства, мировой политики и имели привязку к экономическим, религиозным или идеологическим сферам. Однако при всей трагичности отмеченных выше страниц всемирной истории, в ходе их развития не предполагалось тотальное уничтожение какого-либо народа, поскольку любые действия в этой сфере опреде-

лялись логикой целесообразности, а не «окончательного решения», то есть самого желания прекращения существования этого народа в принципе. Таким образом, в случае Холокоста человечество столкнулось с фактом «уничтожения ради уничтожения» — и это требовало, несомненно, переосмысления. Закономерно, что вначале речь шла об осмыслении в категориях философии, социологии или религии, но не в категориях собственно истории. Если исходить из понимания истории как формирования смыслов в ходе жизнедеятельности людей во времени и пространстве и, соответственно, их интерпретации, или смены интерпретаций, то применительно к Холокосту возникает вопрос: это история чего? Это интерпретация каких именно смыслов? Смена интерпретаций, то есть развитие исторического знания в каком направлении? Это детальный анализ методов уничтожения или отрицание фактов уничтожения?

Не удивительно, что интерпретация сути Холокоста шла не столько в отношении истории, сколько в отношении замалчивания, отрицания и ревизии Холокоста как феномена истории XX века. И доминируют в этом процессе отнюдь не историки. Как писал И.А. Альтман применительно к российской историографии: «Тема оказалась закрытой в первую очередь для официальной академической историографии... А ведь никакого формального цензурного запрета ...не было»[5]. Что касается сохранения исторической памяти о жертвах Холокоста в СССР, то большую активность в этой сфере проявляли не профессиональные историки, а писатели и общественные деятели. А среди академических историков заметен путь от молчания к мнению, что «полное осознание Холокоста лежит за пределами человеческого разума»[6].

В контексте поставленной проблемы важно отметить продолжение тенденции ухода академической исторической науки в нишу памяти как закрепление выдвинутого нами понимания Холокоста как феномена постистории. Литература, интерпретирующая Холокост с точки зрения мемориализации, обширна как в России, так и в Украине[7].

В принципе, данная тенденция в академической исторической науке касается общей проблемы превращения истории Второй мировой войны и признаваемой ее составной части — Великой Отечественной войны в фактор постистории[8]. С другой стороны, академическое изучение Холокоста актуализировало многие нееврейские аспекты мировой политики XX века, о которых в большинстве стран предпочли бы не вспоминать.

Для понимания феномена Холокоста как постистории важен также анализ эволюции осмысления Холокоста самими евреями. В этом процессе участвовали еврейское государство, всемирные еврейские организации, диаспора в США, Западной Европе, в СССР, в остальных странах Восточной Европы. Некий естественный тормоз для превращения Холокоста в феномен истории европейского еврейства, а после 1948 года и в часть всемирной истории, как абстрактного смыслового понятия или набора исключительно исторических фактов, можно объяснить глубиной этнотравмы еврейского народа и осознанием сопричастности к этой травме других народов.

В условиях нового послевоенного устройства мира погром в польском городке Кельце в 1946 г. фактически сформировал саму модель превращения Холокоста в постисторию. В данном случае произошел выход за хронологические рамки, заимствование методов обоснования и насилия против евреев у своих недавних врагов, последующее замалчивание событий при явном их неодобрении[9]. В те годы часть информации замалчивалась, другая превращалась в закономерное средство воспитания и формирования еврейской идентичности, как в еврейском государстве, так и в новой диаспоре, основанных на феномене перемещенных лиц, а не на «естественной» основе.

Переломным периодом в превращении Холокоста из факта истории и осмысления его в новых условиях как недавней истории, которая не должна повториться, стал процесс над Эйхманом в Иерусалиме и, в связи с этим, последующая актуализация темы Холокоста в науке, образовании и массовых общественно-политических действиях. Иными словами, история Холокоста обрела документальную, юридическую, просветительскую и иную функции и свою массовую аудиторию.

Специфика состояла в том, что страны-участницы Второй мировой войны сосредоточили свои практики осмысления на свойственных им военно-государственных аспектах войны, усложненных и искаженных послевоенной международной политикой. Сама инновация заключалась в том, что евреи, не имевшие своей государственности, но проживавшие в странах победителей, проигравших, нейтральных, уклонившихся, и которые были среди жертв, победителей, спасшихся, но не среди палачей и коллаборационистов, вдруг оказались на острие мировой политики. Постфактум в пределах постисторического подхода к проблеме евреи в рамках Холокоста остались теми, кто оказался в центре Второй мировой войны, всей мировой политики до, во время и после ее окончания.

Сам процесс актуализации темы Холокоста совпал с рядом новых факторов в истории XX века, заложившими основу для последующего превращения истории уничтожения европейских евреев в постисторический феномен Холокоста, как комплексного понятия. Одним из главных факторов было то, что тематика жертв гражданского населения и гуманитарных аспектов оставалась болезненной для СССР и Германии, а для США инструментальной с точки зрения обвинений тоталитарного режима в пренебрежении жизнями своих граждан как родового признака коммунизма. Кроме того, формирование имиджа Израиля как форпоста США и НАТО в мировой, а не только региональной политике, придавало негативный оттенок любым аспектам еврейской тематики, даже жертвам Холокоста. Это был период, когда США и их союзники были заинтересованы в использовании антикоммунистического потенциала ФРГ, включая нацистские кадры, в борьбе против СССР. Это приводило к снижению актуализации еврейских жертв нового союзника, в том числе финансировавшего компенсациями развитие экономики Израиля. И наконец, формирование израильской идентичности в условиях новых повседневных вызовов и угроз делал неактуальным проблемы истории евреев диаспоры, тем более на фоне столетий еврейских бед, ставших теперь в прямом смысле обшей традицией всех евреев — и сабров, и олим, и атеистов, и ультраортодоксов.

Как ни парадоксально, в некотором смысле превращение истории Холокоста в междисциплинарное и многофункциональное понятие происходит с момента появления первых работ ревизионистов, отрицавших Холокост как историю. А это уже ориентация в будущее, в постисторию, а не назад, не в осмысление, новое прочтение, и даже не в фальсификацию. Суть отрицания не в ревизии, не в новом прочтении истории, а в продолжении вневременного антисемитизма. Это формирование новой повестки дня о тотальном уничтожении евреев, вопроса, не решенного нацистами, с точки зрения «отрицателей», в годы Холокоста.

В известном смысле, активизация исследований истории и сущности Холокоста в 70–80-е годы XX века была во многом реакцией на предшествующие события: работы германских ревизионистов, молчание немцев в ГДР, проарабскую позицию западноевропейских «Новых левых» и формирование мифологемы Победы в СССР с 60-х годов.

В 90-е годы актуальными проблемами в академической среде исследователей Холокоста в СССР были:

— переход от преимущественно публицистики и эмоций к серьезным исследованиям;

— включение исследований Холокоста в общеисторический контекст;

— взаимодействие ученых Центральной и Восточной Европы с мировым академическим сообществом и включение истории Холокоста на оккупированных территориях СССР в общую историю евреев и Холокоста;

— формирование российской теоретической базы понимания Холокоста.

Отчасти эти проблемы по-прежнему актуальны. Дело в том, что распад СССР и другие процессы в мире способствовали окончательному формированию параллельно с историей Холокоста феномена Холокоста как постистории, то есть явления вне процесса изучения исторических фактов, процессов и закономерностей.

Парадокс, но именно актуализация тематики Холокоста, превращение ее в средство как индивидуальной самоидентификации, так и целенаправленной коллективной идентификации восточно-европейского еврейства, аргументацию для претензий к банкам, фирмам, странам и немаловажный аспект — демонстрация неевреям положительного эффекта применения Холокоста как инструмента реальной политики (например — желание Ющенко использовать опыт материальных претензий жертв Холокоста для украинского аналога — «Голодомора»), превратили Холокост в инструмент постистории в руках нееврейских политиков.

Этому способствовали изменения в мировой политике рубежа XX–XXI веков.

1. Рухнула идеологическая составляющая биполярности послевоенного мира.
2. Послевоенный мир, в котором статус победителя во Второй мировой войне можно было конвертировать в политические и идеологические преимущества, сменил мир постпослевоенный.

3. Актуальней стал статус жертвы, а не победителя. Феномен виктимности стал использоваться некоторыми странами, участвовавшими во Второй мировой войне, для оправдания своих действий или бездействий — Польша, Румыния, Венгрия и др.
4. Перенос понятия еврейской катастрофы и термина Холокост на любые трагедии и геноцид, будь то армяно-азербайджанский конфликт или голод на территории советской Украины 1932–1933 годов.
5. Актуальными стали вторичные последствия Холокоста — травмированные послевоенные поколения, феномен «V Интернационала» — взросление и осмысление судеб детей нацистов и детей, рожденных в результате насилия и экспериментов нацистов и их пособников.
6. Актуализация гуманитарных аспектов войны и ее последствий — демографические потери, военнопленные, инвалиды войны, перемещенные ценности, реституция, захоронения времен Второй мировой на территориях других стран и т.д.
7. Смена поколений и постепенный уход из жизни последних переживших, свидетелей и палачей.
8. Переход мира и человечества в цифровую эпоху и визуализация истории и окружающего мира.
9. Смещение понятий и ценностей, в т.ч., замена европейских ценностей и вытеснение европейского понимания «еврейского вопроса» альтернативными проблемами исламского мира.
10. Потеря для США и ЕС интереса к проблеме безопасности Израиля и еврейской диаспоры и, соответственно, снижение важности тематики исторического Холокоста, превращение его в универсальный инструмент ООН, следовательно, придание ему характера инструмента мультикультурализма.
11. Попытка сформировать новый облик антисемитизма, отодвинув концепцию антисионизма и заменив ее мягкой формой отрицания Холокоста в форме подмены этого феномена понятием «мирные граждане разных национальностей».

Холокост уже занял важное место в академической науке, образовании, общественной жизни и политических практиках. Он играет особую роль в этнической идентификации евреев и рефлексиях других народов — от усиления антисемитизма до признания этого явления

излишне уникальным, присущим не только евреям и распространяемым на любые этнотравмы.

На рубеже XX–XXI веков неакадемическое содержание понятия «Холокост» приобрело самодостаточный характер, превратившись из феномена всемирной истории XX века в феномен «постистории» века XXI.

Перед нами еще не завершенный процесс, сам характер которого и едва наметившиеся результаты могут признаваться и различно интерпретироваться или не признаваться вовсе. Но совершенно очевиден факт использования Холокоста как некоего феномена, относящегося уже не столько к всемирной истории или этнической идентификации, сколько к понятию «инструмент» моноэтнической политики. Иными словами, в мировые практики стало входить использование слова «холокост» как общего синонима своих этнотравм. Это относится и к новым ситуациям, связанным с этническими конфликтами на постсоветском пространстве, и к более ранним ситуациям, таким как русинская проблематика. Холокост выборочно рассматривается как послевоенный успешный инструмент давления на мировое сообщество с целью получения реальных преимуществ и компенсаций.

Таким образом, современное понимание феномена Холокоста несет в себе отчетливые черты постистории. В мировой политике и международных отношениях завершился «послевоенный период»: исчерпан ресурс статуса государств-победителей, гарантов ими же созданного миропорядка; память о войне слабеет и переписывается.

В этих условиях наличие еврейского государства и идентификация Израиля и евреев с теперь уже бывшими великими державами, победителями и авторами прошлого миропорядка, также лишает еврейское государство и еврейскую диаспору статуса победителя, включая специфический для победителей статус жертвы (сам факт существования Государства Израиль многими рассматривался как феномен «пост-Холокоста»[10]). Это актуализирует не столько историю Холокоста, сколько проблему интерпретации и сохранения памяти о нем. Сама мировая политика периода «после Холокоста» породила такое количество новых преступлений, трагедий и, соответственно, новых жертв, что понятие виктимность, как составная часть этнического самосознания, было воспринято вначале поляками, затем многими народами, придав Холокосту в глазах неевреев откровенно инструментальный характер. При этом новый миропорядок основан на противоречивых процессах глобализации, изменения роли суверенитета и отхода от

моноэтничности. В этих условиях постпослевоенное поколение совершенно иначе воспринимает события войны, Холокоста и этнотравмы. Процесс формирования постиндустриального мира, информационного общества, использующего визуальные практики, порождает новое отношение и новое восприятие трагедий. Универсализация «цифрового мира» ослабляет моноэтническую составляющую Холокоста, а формирование национальных пантеонов героев стран бывшей системы социализма выводит из тени истории антигероев Холокоста. Эти отмеченные или еще не осознанные процессы приводят к оформлению понятия «Холокост» в феномен, уже не всегда связанный с историей и традициями евреев.

Примечания

[1] В предисловии к своей книге доктор философии Стефан Сценде 31 марта 1944 года прямо указывал «Эта книга — первое подобное свидетельство очевидца об уничтожении почти пяти миллионов польских и других европейских евреев в германском генерал-губернаторстве (Польша). См.: *Сценде С.* Последний еврей из Польши. М., 2000.

[2] В этом смысле характерна постановка проблемы начала Холокоста. Уничтожение евреев во Львове силами не нацистов и не на основе нацистской расовой теории, а как фактор взаимоотношений евреев и украинцев Галиции. См.: *Хеер Х.* Прелюдия к Холокосту: Львов в июне-июле 1941-го // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2010. № 2–3. С. 417.

[3] См.: *Шпагин С.А.* Реакция на Холокост советских еврейских лидеров. На примере брошюры Ем. Ярославского «Что несет фашизм крестьянству» // Холокост: исследования и преподавание. — М., Сэфер. 2005.

[4] Связь осмысления сути Холокоста с одновременной политизацией показана в работах И.А. Альтмана. См.: *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 6–10. *Альтман И.А.* Холокост и европейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М., 2002. С.6.

[5] *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. С.5.

[6] Там же. С.12.

[7] Упомянем здесь только лишь выпуски Всеукраинского центра «Ткума» «Возрождение памяти: воспоминания свидетелей и жертв Холокоста», резонансную международную конференцию в Санкт-Петербурге, организованную Фондом и Центром «Холокост» в 2011 году, коммеморативные мероприятия Центра в Таганроге и других городах России и главное, реакцию на них. Типичная в этом смысле ситуация сложилась в Ростове-на-Дону в результате действий управления культуры города по снятию памятной доски с Мемориала «Змиевская балка».

[8] В этом смысле характерна статья: *Сенявский А., Сенявская Е.* Поле боя — историческая память. Военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 106–125.

[9] См.: Еврейский погром в Кельцах 4 июля 1946 г. (по материалам центрального архива ФСБ России) // 65 лет Великой Победы. Т. 4. Другое лицо войны. М., 2010. С. 63–91. Здесь примечательно все: многотомная серия посвящена Победе СССР в войне 1941–1945 гг., а события относятся к 1946 году на территории другого государства. Характерный подзаголовок — другое лицо войны. Иными словами, мы имеем дело с Холокостом как феноменом пост истории.

[10] См. реакцию на статью Натана Щаранского «Храмовая гора важнее мира», опубликованную в газете «Гаарец» «Храмовая гора — повод для международных переговоров». http://gazeta.rjews.net/gutina.shtml

Инесса Двужильная
(Гродно)

НЕЗВУЧАЩИЕ ПАРТИТУРЫ: ТЕМА ХОЛОКОСТА В ТВОРЧЕСТВЕ МЕЧИСЛАВА ВАЙНБЕРГА

Имя народного артиста РСФСР Мечислава Вайнберга (1919–1996), творческий путь которого продолжался более 40 лет, было хорошо известно во второй половине XX в. как искушенному знатоку, так и широкому слушателю. Сам Вайнберг почти не прилагал усилий к изданию и популяризации собственных сочинений, число которых исчисляется сотнями, ему повезло с исполнителями, включавшими их в концертный репертуар: М. Ростропович, Д. Ойстрах, Л. Коган, Э. Гилельс, Т. Докшицер, Р. Баршай, Е. Светланов, Г. Рождественский, К. Кондрашин, Квартет им. Бородина. Избранные произведения композитора были изданы, фирмой «Мелодия» была осуществлена запись отдельных камерно-инструментальных сочинений. Но всенародное признание и слава так и не пришли к Вайнбергу при жизни, в последние годы которой наступило забвение, продолжавшееся десятилетия.

В XXI в. возрождение музыки Вайнберга началось на западе. Фестивали, посвященные его творчеству, прошли в Ливерпуле и Рочестере (США), Брегенце (Швейцария). В последние годы выпуск серии дисков с музыкой М. Вайнберга осуществили крупные звукозаписывающие фирмы Великобритании («Олимпия»), России («Русский диск»), Польши. Полной записью вайнберговских струнных квартетов занимается брюссельский ансамбль «Danel», в нескольких исполнительских версиях записаны все камерные симфонии Вайнберга[1]. Издаются книги, посвященные жизненному и творческому пути компо-

зитора[2]. Западные критики уже назвали Вайнберга третьим выдающимся композитором советской эпохи, поставив его имя в один ряд с С. Прокофьевым и Д. Шостаковичем.

Вместе с тем более половины произведений Вайнберга не опубликовано даже в виде нотных изданий, не говоря об аудиозаписи, что затрудняет изучение наследия композитора — человека со сложной жизненной судьбой, явившего в своем творчестве особый симбиоз польской, еврейской и русской культур. Многие из сочинений в полной мере можно назвать автобиографическими; в этом ряду — произведения, в которых нашла отражение тема Холокоста — трагического события, кардинально изменившего жизнь Вайнберга. Именно эти произведения и будут в центре нашего внимания в данной статье.

Формирование музыканта началось в Варшаве, где он родился в семье скрипача и дирижера оркестра еврейского театра «Скала» Шмуэля (Самуила) Вайнберга (1883–1943) и актрисы Сони Вайнберг (в девичестве Сони Карл; 1888–1943), которая хорошо играла на фортепиано. В семье росли двое детей: Мечислав и Эстер (1921–1943); первенец был поистине ребенком-вундеркиндом. В свободное от работы время отец обучал мальчика игре на фортепиано, и в 10-летнем возрасте в оркестре еврейского театра появился новый пианист, уже давший ряд сольных концертов, а позже ставший музыкальным руководителем нескольких постановок. В 12 лет Мечислав поступил в Варшавскую консерваторию, где продолжил обучение у профессора Ю. Турчиньского. Не случайно именно рояль в последующих произведениях Вайнберга станет голосом композитора.

События сентября 1939 г., оккупация Варшавы немцами резко изменили судьбу пианиста-вундеркинда. Ему удалось бежать из оккупированного города, что помогло не разделить судьбу трех миллионов польских евреев, ставших жертвами Холокоста. В 1943 г. погибла и семья Мечислава: родители и младшая сестра. Сам Вайнберг никогда и никому, даже самым близким, не рассказывал о трагедии своей семьи, по словам соседей-варшавян, погибшей в концлагере «Травники».

Существует несколько версий смерти семьи Вайнберга. По одной из них, вся семья хотела уехать из занятой немцами Варшавы, но по дороге у сестры сломался каблук, и, задержавшись, они не успели на поезд, которым уехал Мечислав[3]. По другой версии, родители реши-

ли остаться в Варшаве и отправили в Советский Союз только детей. «На полпути к цели сестре пришлось вернуться обратно — у нее стоптались башмаки, до белорусской границы Мечислав добрался один. Видя в нем в первую очередь еврея, спасающегося от немцев, советский пограничник записал имя нового гражданина СССР: Моисей (наверно из своих скудных познаний имен из Ветхого Завета). Отсюда путаница с именами — как правило, близкие друзья называли Вайнберга Метэком»[4].

Вместе с тем работа с архивными документами, в частности, со статьей первого библиографа Вайнберга Д. Рабиновича[5] позволяет выявить другие факты. Согласно информации, Вайнберг дважды бежал из Варшавы, во второй раз — со всей семьей, которая два года проживала в маленьком полесском городке Лунинец (Беларусь, Брестская область), узниками гетто Лунинца они впоследствии и стали.

Исходя из всех вышеизложенных версий, учебный лагерь СС «Травники» (Übungslager SS Trawniki), находящийся в 30 км от города Люблина, мог стать последним пунктом пребывания семьи Вайнберга. С сентября 1941 г. по июль 1944 г., до конца немецкой оккупации, лагерь использовался не только как тренировочная база для охранников из советских коллаборационистов, но и как транзитный лагерь для евреев из польских гетто и тех гетто, которые находились в западной части Советского Союза, на пути в лагеря смерти Польши.

Память о своей семье Мечислав Вайнберг пронесет через всю свою долгую жизнь, наполненную счастливыми событиями и лишениями. Учеба в Белорусской государственной консерватории в классе профессора В. Золотарева (1939–1941) и получение диплома композитора 23 июня 1941 г., эвакуация в Ташкент и женитьба на старшей дочери Соломона Михоэлса, переезд в 1943 г. в Москву и теплые отношения с Шостаковичем, впоследствии перешедшие в дружбу, Б. Чайковским, В. Баснером, Ю. Левитиным — эти радостные события сменяются цепью трагических: страшные вести о гибели семьи и обвинение в феврале 1953 г. в разгар антисемитской кампании, в «еврейском буржуазном национализме» и в тесных связях с Еврейским антифашистским комитетом, три месяца заключения в Бутырской тюрьме. Сложившуюся ситуацию разрешила смерть Сталина в марте 1953 г., и Вайнберг вскоре был официально реабилитирован.

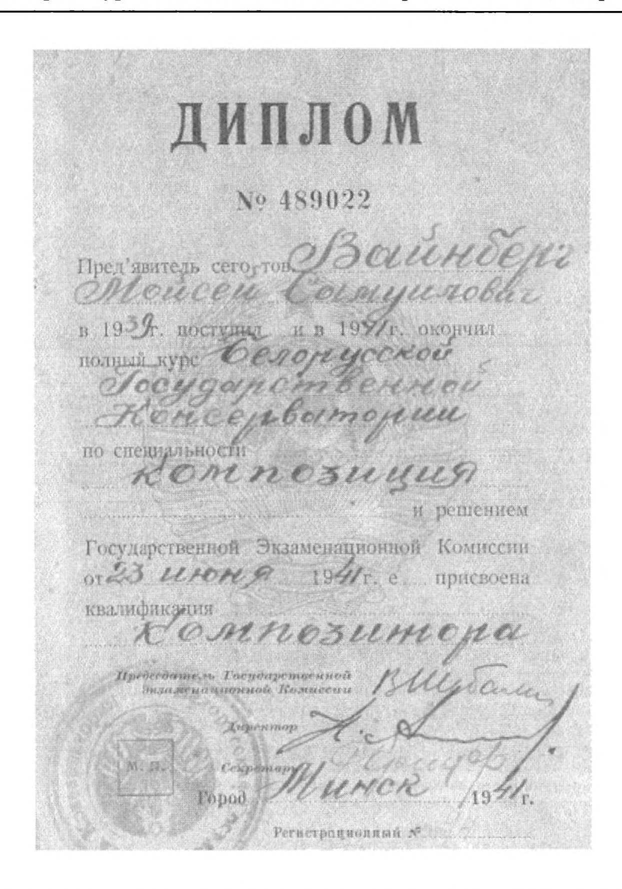
Фрагмент из статьи Д. Рабиновича:

~~Так началась короткая, но страшная полоса в жизни Вайнбе-~~ Моисея Вайнберга.
~~рга~~. Не успел он отойти и нескольких десятков километров от города, как среди [illegible] толпы беглецов разнесся слух: столица будет обороняться! И Вайнберг решил, ~~понял~~, что его место там, в Варшаве, среди молодежи, которая, вопреки трусам и предателям из польского командования, решила продолжать борьбу с гитлеровскими разбойниками. Но когда он пробрался обратно, город уже был занят немцами. Тут юноша на своем горьком опыте познал, что такое фашизм.

Он ежедневно и ежечасно находился под угрозой смерти, он перенес неслыханные унижения. Он был свидетелем ~~того, как~~ эсэсовские негодяи, раскроив ~~прикладом~~ голову 70-~~летнему~~ старику еврею, заставил другого - тоже 70-летнего - проглотить вытекший на мостовую человеческий мозг. Вайнберг видел это и запомнил навсегда.

Он вторично убежал из Варшавы (с семьей) и после долгих скитаний добрался до ~~границы~~ СССР. Здесь нашел он кров, пищу, друзей, возможность работать. Здесь обрел он свою вторую родину. Здесь открылись пути для его творчества. За два года он окончил композиторский факультет Белорусской консерватории. Одной из его последних работ был струнный квартет, обративший на себя внимание не только минской профессуры, но и [illegible] ~~представителей~~ московских музыкантов, заседавших в комиссии по государственным экзаменам. Это было в начале июня 1941 года.

Через десять дней война вновь настигла Вайнберга. На этот раз он потерял родителей и сестру, не успевших выбраться из маленького полесского городка Лунинец. Сам он ~~вместе с~~ группой музыкантов ~~был~~ эвакуировался в [illegible] Среднюю Азию, в

ДИПЛОМ

№ 489022

Пред'явитель сего тов. Вайнберг Мойсей Самуилович

в 1939 г. поступил и в 1941 г. окончил

полный курс Белорусской Государственной Консерватории

по специальности композиция

и решением

Государственной Экзаменационной Комиссии

от 23 июня 1941 г. е. присвоена

квалификация композитора

Председатель Государственной Экзаменационной Комиссии

Директор

Секретарь

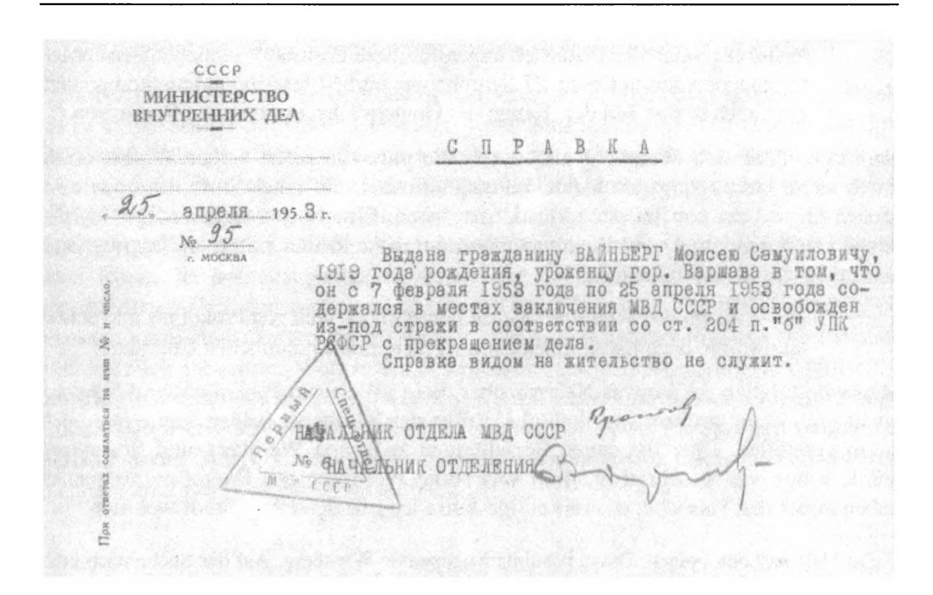
М. П.

Город Минск 1941 г.

Регистрационный №

Тем не менее после освобождения он передал весь архив своему другу, композитору и скрипачу Вениамину Баснеру, а трех месяцев пребывания в тюрьме хватило, чтобы полностью подорвать здоровье музыканта и наложить отпечаток горечи и боли на лучшие его сочинения.

Музыка была для него образом жизни, только она интересовала Вайнберга. Композитор работал сутками напролет. По этому поводу среди собратьев по цеху ходила шутка: «Вы слышали? У Вайнберга творческий кризис». — «У Вайнберга?!» — «Да, он не сочинял две недели, но вчера опять начал»[6]. Многие из сочинений Вайнберга автобиографичны; красной нитью проходит одна из ведущих тем — тема Холокоста.

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

СПРАВКА

25 апреля 1953 г.
№ 95
г. Москва

Выдана гражданину ВАЙНБЕРГ Моисею Самуиловичу, 1919 года рождения, уроженцу гор. Варшава в том, что он с 7 февраля 1953 года по 25 апреля 1953 года содержался в местах заключения МВД СССР и освобожден из-под стражи в соответствии со ст. 204 п."б" УПК РСФСР с прекращением дела.
Справка видом на жительство не служит.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МВД СССР
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ

При ответах ссылаться на наш № и число.

Образы самых близких ему людей запечатлены в посвящениях, предпосланных сочинениям. Памяти отца посвящена Третья соната соч. 126 для скрипки соло (Старая Руза — Москва, 01.09.1979 — 15.11.1979), исполненная еще при жизни композитора Виктором Пикайзеным.

Как часто игру отца, блестящего скрипача, наперекор родителям выбравшего профессию музыканта, слушал маленький Мечислав. Благодаря отцу, сын и сам состоялся как исполнитель и композитор. Как тяжела понесенная утрата: с кульминационной точки начинает звучать соната, экспрессивным тоном пронизывая весь первый раздел произведения, приближенный по характеру к страстной речи. Печально-нежная мелодия в высоком регистре и неторопливом темпе всплывает как страница прошлого: так начинается второй раздел сонаты (Molto espressivo), выполняющий роль медленной части цикла. В кантиленную мелодию вкрапливаются короткие танцевальные мотивы, которые станут основой тематизма третьего раздела произведения, выполняющего роль скерцо и построенного на двух контрастных темах. Блики задорных мелодий, напоминающих клезмерское музицирование, и полная томности выразительная тема станут его основой. Финальный раздел сонаты (Con fuoco), решенный в жанре токкаты, возвратит экс-

прессивный тон высказывания. А завершит произведение кода, в которой поочередно будет возвращаться основной тематизм произведения. Тихо, умиротворенно, на интонации вопроса остановится звучание сонаты, представляя открытую форму высказывания, лишенную заключительного каданса. Таким образом, одночастное произведение для скрипки, по сути, являет полномасштабный сонатный цикл, раскрывший все исполнительские ресурсы инструмента.

Памяти матери Мечислав Вайнберг посвятил два произведения. К сожалению, партитура одночастной Тринадцатой симфонии соч. 115, написанной композитором в 1976 г., отсутствует в его домашнем архиве; она, вероятно, была утеряна. Другим сочинением стала Шестая соната для скрипки и фортепиано соч. 136 (1982). Вайнберг вновь обращается к скрипке, инструменту, который в еврейской культуре стоял на особых позициях, был голосом человеческой души.

В диалог со скрипкой, олицетворяющей образ матери, вступит рояль; во многих сочинениях композитора именно этот инструмент звучал как личностное высказывание[7]. Шестая соната для скрипки и фортепиано необычна, во-первых, своим лирическим неконтрастным тематизмом. Во-вторых, фактурным решением партии рояля, нередко представленной одноголосной линией, мягко вплетающейся в канву повествования скрипки. И в-третьих — темповыми градациями, не выходящими за пределы умеренно-медленного звучания (Moderato — Adagio — Moderato).

Музыка воспринимается как хрупкая история из прошлого, пронесенная памятью через годы. Только в 2010 г. ноты произведения были изданы в Гамбурге (Peermusic Classical, Нью-Йорк — Гамбург), однако до настоящего времени еще не осуществлена аудиозапись этой сонаты.

Одним из центральных жанров в творческом наследии Вайнберга, наряду с симфонией, стал квартет. Первый из них написан еще в годы учебы в Варшаве (существует его более поздняя редакция), последний датирован 1986 годом. Каждый квартет — страница из жизни композитора, рассказ о его судьбе, поведанный перед расставанием.

Струнный квартет № 16 as-moll соч. 130, законченный 15 февраля 1981 г., посвящен сестре композитора Эстер. В 1981 г. ей исполнилось бы 60 лет. Для произведения Вайнбергом был выбран классический четырехчастный цикл. Первая часть (Allegro), написанная в сонатной форме, представляет две контрастные образные сферы. Главная партия отличается напористо-размашистым звучанием и близка к фольк-

лорным темам; партия каждого из инструментов квартета насыщена, построена на канонических имитациях. Побочная партия звучит в тихой динамике, приостанавливая движение и подчеркивая повторяющиеся секундовые интонации.

Вторая часть (Allegro. Andantino. Allegro) также построена на контрастных темах. Ее крайние части экспрессивны, словно звучание натянутых струн гитары, на которых энергичным движением повторяют жесткие аккорды. Средний раздел — грациозный вальс в размере 7/8 — безусловно, связан с образом Эстер. Динамизированная реприза подобна обнаженному плачу с неожиданным мажорным окончанием. Образцом вдохновеннейшей лирики выступает III часть квартета (Lento), представляющая бесконечно разворачивающуюся музыкальную ткань широкого дыхания.

Как неожиданен финал квартета (Moderato) — нежный вальс, сокровенный, скрытый от посторонних глаз. Безусловно, в этой части солирует скрипка на фоне нежного пиццикато остальных инструментов квартета. Изредка в диалог с нею включается альт — звучит как продолжение прерванного танца, пришедшего из второй части квартета. Однако средний раздел финала возвращает к настоящему, пронизанному болью утраты: заостренные интонации вопроса, настойчиво повторяющиеся «Почему?». Из этого вопроса пытается реконструироваться хрупкая тема вальса, хотя бы на некоторое время... В 2003 г. Струнный квартет был издан в Гамбурге (Peermusic Classical, Нью-Йорк — Гамбург), а спустя четыре года произведение исполнил квартет «Danel».

Тема Холокоста вошла в творчество Вайнберга задолго до произведений, посвященных памяти родных. Еще в 1943 г., буквально после переезда в Москву, малоизвестный композитор напишет вокальный цикл на стихи И.-Л. Переца «Детские песни» соч. 13 на идиш. Четырем беззаботным, игривым по характеру первым песням («Булочка», «Колыбельная», «Охотник», «На зеленой горочке»), раскрывающим жизнь ребенка в довоенное время, противостоит последняя («Горе»), где смерть воплощается через сиротство.

Был серый кот, был теплый дом,
С мамой жили мы вдвоем,
Нам было хорошо тогда,
Но с войной пришла в наш дом беда.

Мамы нету, дома нету,
Хлеба нету, что же это?
Мама больше не вернется,
Спит в могиле, не проснется.

Пепел, вот что с домом стало,
Котик бродит одичалый.
Мама, мама, где ты, мама!

Метель метет и ветер воет.
Нету крыши надо мною,
Подойду теперь и стану у порога,
Приютите, ради Бога…

Это произведение во многом предвосхитило вокальный цикл Шостаковича «Из еврейской народной поэзии»[8]. Впервые оно было исполнено на заседании комитета по Государственным премиям 24 декабря 1943 г., получив высокую оценку Н.Я. Мясковского, в дневниковых записях которого было отмечено: «Концерт М. Вайнберга — кое-что хорошо, песни — талантливо»[9]. Запись произведения осуществлена только в начале XXI в.: в русскоязычном варианте Ольгой Калугиной (партия фортепиано Дм. Коростелев), с текстом на идиш Софьей ван Лиэр (обработка для голоса и фортепианного трио Александра Оратовского, 2004).

Тема Холокоста и детей еще не раз будет находиться в центре внимания композитора. В 1960-е годы одно за другим появятся самые откровенные сочинения Вайнберга: две программные симфонии (6-я и 8-я) и кантата «Дневник любви».

Одновременно с Тринадцатой симфонией Д. Шостаковича «Бабий Яр» Вайнбергом создавалась Шестая симфония ля минор, соч. 79 для хора мальчиков и большого симфонического оркестра, на стихи Л. Квитко, С. Галкина, М. Луконина (1962–1963):

I. Adagio sostenuto (оркестр);

II. Allegretto. Я разломал коробочку… («Скрипочка»). Сл. Квитко, пер. с идиш М. Светлова (хор мальчиков и оркестр);

III. Allegro molto (оркестр);

IV. Largo. В красной глине вырыт ров… Сл. Галкина, пер. с идиш В. Потаповой (хор мальчиков и оркестр);

V. Andantino. Спите, люди, отдохните… Сл. Луконина (хор мальчиков и оркестр).

Вспоминая о жертвах Холокоста, Вайнберг рассказывает о трагедии еврейского народа в интимном, приглушенном тоне. Необыкновенно сильное впечатление производит хор мальчиков, поющий о маленьком скрипаче и о расстрелянных в Бабьем Яру детях. Премьера симфонии состоялась в Большом зале Московской консерватории 12 ноября 1963, годом позже Тринадцатой симфонии Шостаковича, дирижером стал Кирилл Кондрашин. Впоследствии симфония неоднократно исполнялась.

В 1964 г. Вайнберг написанл Восьмую симфонию «Цветы Польши», поэтическим текстом этой 10-частной симфонии стала одноимённая поэма Ю. Тувима:

I. Adagio. «Дуновение весны».
II. Allegro. «Дети окраины».
III. Andantino. «Перед старой хатой».
IV. Allegretto. «Был сад».
V. de Lento. «Сирень».
VI. Allegro. «Урок».
VII. Allegro molto. «Варшавские собаки».
VIII. Adagio. «Мать».
IX. Moderato. «Справедливость».
X. Adagio. «Воды Вислы».

Глубокий анализ произведения представлен в монографии Никитиной, отмечающей автобиографичность симфонии, ее интонационную цельность, мелодическую красоту[10]. Первые пять частей повествуют о социальных контрастах предвоенной Польши. Кульминационная часть симфонии — 6-я часть «Урок» — открывает череду повествований о зверствах фашизма, о свершившейся трагедии. Своеобразной репризой-эпилогом произведения выступает заключительная часть — «Воды Вислы», — возвращающая к поэтическим образам природы, ставшей невольной свидетельницей кровавых деяний человека. Она начинается стихами Ю. Тувима, которые могли бы стать эпиграфом симфонии:

О стих мой, выросший из боли,
Змей из убежища чужого!
Ты из цветов родился польских,
В цветы же обратишься снова.

Несмотря на очевидные достоинства, в России произведение прозвучало лишь один раз — в марте 1965 г. в Большом зале консерватории им. П.И. Чайковского, а затем на долгие годы было забыто современниками. Спустя 35 лет с Восьмой симфонией познакомилась и слушательская аудитория Польши: ее исполнил симфонический оркестр Варшавского радио под управлением Б. Хмуры.

Спутником Восьмой симфонии Вайнберга станет кантата «Дневник любви» соч. 87 на тексты С. Выготского, с посвящением «Детям Освенцима» (1965). Это было одно из первых сочинений, связанных с памятью жертв Аушвица. Сочинение осталось в рукописном варианте в архиве композитора, который услышал его лишь однажды, в феврале 1966 г. в Малом зале консерватории. Вместе с тем кантата оригинальна исполнительским составом (для тенора, хора мальчиков и оркестра, включающего группу струнных инструментов, две валторны и редко используемые инструменты — контральтовую флейту, два гобоя д'амур), глубока по тексту, интересна по драматургическому решению и музыкальному языку.

Записи в дневник, дневник любви, совершаются выжившим узником концлагеря (соло тенора). Четыре небольших послания тем, кто уже не вернется — матери, дочери, отцу, жене, запечатлены в четырех разделах кантаты и исполняются солистом тенором:

1-й раздел (Adagio). Матери:

Стану рифмы слагать о тебе я,
стану думой стремиться к тебе я.
А теперь тишину посвящаю,
что мне в детстве дала напевая.

Петь же песни тебе я не стану.
Я не умею, уже не могу я,
пусть лишь тихо склоняются клены
над Освенцимом глухо стеная.

Я лишь сумею с большим опозданьем
Плыть над тобою в тяжких рыданьях.
И на мгновенье стать твоим прахом,
Шорохом, лесом и мраком

2-й раздел (Allegretto). Дочери:

«Поезд огромный к станции прибыл,
Вот он стоит, задыхаясь от дыма»
Об этом читала крошка-девчонка в книжке Тувима.

Мчались вагоны в книжке Тувима
к морю и веткам магнолий.
В книжке волшебной,
В книжке зеленой как поле.

Вдруг услыхала свист паровоза, свист настоящий.
Поезд огромный к станции прибыл красивый, шипящий.

Вот уезжает крошка-девчонка в темном вагоне,
нету ни слова в книжке Тувима о ней.

Нет в этой книжке о трубах высоких как башни,
Как увозили крошку-девчонку в Освенцим страшный
Хор: в Освенцим страшный.

О том, как колеса замолкли,
о маме там нету ни строчки,
А девочка-крошка, что брошена в пламя — то моя дочка.

3-й раздел (Lento). Отцу:

Как в последний путь отец отправлялся,
Как отправлялся с матерью и сыновьями,
Был он наверно такой же суровый и строгий как вечно
Хор: вечно.

Но он не ведал, наверно, что я один уцелею,
Что мысли его о жизни и смерти миру поведать.
Чтобы поведать о боли и сердца немого страданьях.
О чем сказать не могу я, о чем не возможно.
Будто бы сам он велел мне сквозь камеры с газом, взывая:
Живи, молчи, страдай…

4-й раздел (Andante). Жене:

Нет, не читай мне о темном вагоне,
Нет, не читай мне о гибельном мраке.
Там ноги мерзнут, мерзнут ладони в бараке.

Нет, не читай мне. Пусть будет тихо.
Лучше замолкни и дай отдохнуть,
Еще тебя вижу, ведь сердце не сбито.
Долгий какой путь.

Лучше скажи мне о зелье снотворном,
Чтоб не проснуться ночью ненастной.
Если я вспыхну в пламени черном, быстро ль погасну?

Лучше скажи мне о дочери нашей.
Видишь, как душно в темном сарае.
Есть ли надежда, что не заплачет, сгорая.

Хор мальчиков констатирует адресата (матери, дочери, отцу, жене), подчеркивает отдельные фразы повествования («в Освенцим страшный»... «вечно»...). Его значимость вырастает в последнем, пятом разделе кантаты, где размышление переведено в настоящее время:

Хор: Будет та урна из глины жженой
Родины милой, родимой земли.
И в ней прах родителей жизнь продолжает
Тенор: дочери, брата, сестры и жены.

Хор: Будет та урна обычным кувшином
с маленькой крышкой, простая, как жбан,
чтоб в ней сохранилась густая мгла газа
Тенор: как ночи страданий и серый туман.
Хор: В ней прах родителей жизнь продолжает.

В творчестве композитора кантата «Дневник любви» сыграла значительную роль, подготовив появление оперы «Пассажирка», первой оперы композитора (1967–1968), премьеру которой М. Вайнберг так и не увидел. Опера, также посвященная памяти жертв Освенцима, получила высочайшую оценку Шостаковича. Был издан ее клавир, но до

2006 г. она не была поставлена ни одним театром России. Мировой премьерой назвали концертное исполнение «Пассажирки» 25 декабря 2006 г. в Светлановском зале Московского Международного Дома Музыки (в связи со 100-летием со дня рождения Д. Шостаковича), которое подготовили артисты музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко (дирижер Габриэль Хмура). 14 февраля 2010 г. опера Вайнберга прозвучала и в Новосибирском Государственном Академическом Театре оперы и балета (также в концертном варианте).

21 июля 2010 г. в Брегенце, в рамках фестиваля, посвященного М. Вайнбергу, прошла мировая премьера ее сценической версии (режиссер-постановщик Давид Паунти, дирижер Теодор Курентзис). Затем оперу увидела публика Варшавы (копродукция, успешно осуществленная совместно тремя театрами — Варшавской Национальной Оперой, Английской Национальной Оперой и мадридским Театром Реал): она открыла театральный сезон 2010 год и была названа дирекцией театра «настоящим „неизвестным“ шедевром XX в.».

Варшавская Опера представила «Пассажирку» в версии многоязыковой оперы с синхронным переводом (узники концлагеря пели на своих языках: польском, французском, русском; немцы — на немецком), что придало спектаклю еще больше реализма (либретто в оригинале написано на русском языке). Благодаря сложной многоплановой сценографии, постановка раскрыла новые возможности оперного искусства. Сцена была разделена на два горизонтальных уровня — два разных мира: нижний уровень — прошлое, концлагерь Аушвиц (1943), верхний уровень — настоящее (1958 год), палуба корабля. На нем в Бразилию плывут немецкий дипломат Вальтер Кречмер со своей супругой Лиз, бывшей надзирательницей концлагеря, и чудом выжившая узница Марта, ставшая после войны подданной Великобритании.

Многоплановость и простота сценографии в полной мере соответствовала музыке, главному рассказчику повествования. Так отразила свои впечатления от оперного спектакля В. Атаян: «Насыщенная яркой, тонкой и конкретной образностью, она производила сильное впечатление и погружала зрителей в эмоциональный, чувственный, психологический мир происходящего. Звучащие пласты как будто вырастали один из другого и органично вплетались в общую музыкальную ткань. Фрагменты, наполненные экспрессией и диссонансами, трансформировались и переходили в светлые и лирические моменты. Композитор использовал яркие образные, жанровые и стилевые контра-

сты — легкий джаз, банальный вальс, протяжная русская народная песня, а также фрагменты «Военного марша» Ф. Шуберта и известной скрипичной «Чаконы» И.С. Баха»[11]. Так, спустя 42 г., «Пассажирка» М. Вайнберга начала свою полную музыкальную жизнь, о которой так мечтал ее автор.

В 1965 г., по воспоминаниям родных, работая над кантатой «Дневник любви», Вайнберг задумал еще одно произведение, замысел которого осуществился в 1991 г. — Симфонию № 21 оп. 152 (1991) для сопрано и оркестра, памяти погибших узников Варшавского гетто. В нотографическом справочнике название произведения начертано рукой композитора с надписью «Каддиш». В 1947 г. А. Шенберг одним из первых в музыке объявил миру о страшных деяниях фашизма в кантате «Уцелевший из Варшавы». Спустя 44 г. об этой трагедии, которая переросла боль потери своей семьи, сможет рассказать Вайнберг, записывая страницу за страницей партитуры симфонии для большого симфонического оркестра (с расширенной группой ударных инструментов) и сопрано соло в своей московской квартире на Кутузовском проспекте.

Траурный марш (Largo) в плотном звучании струнной группы оркестра с постепенным подключением низких регистров духовых (кларнеты, валторны, тромбоны, тубы) открывает симфонию; как эхо его тема повторяется у солирующей скрипки.

Вступающий рояль, комментирующий голос автора, подводит ко второму разделу симфонии (Allegro molto), воскрешающему в звуках драматического скерцо те далекие события. Лирической кульминацией симфонии станет третий раздел (Largo): у солирующих фаготов, трубы с сурдиной, контрабаса, бас-кларнета, подобно цепи размышлений, пройдет новая тема лирико-философского характера. Она неожиданно сменится танцевальным напевом у кларнета, звучащим на фоне легкого аккомпанемента солирующих контрабаса и скрипки. Среди наплывших воспоминаний композитором воссоздается клезмерское музицирование еврейских музыкантов; звучит фрейлехс.

Этот напев дает импульс для стремительной, зажигательной темы четвертого раздела симфонии (Presto). Приостанавливается движение, затихает динамика, в партии солирующего ксилофона возобновляет звучание тема фрейлехса, которую повторяет солирующая скрипка с сурдиной. Так начинается пятый раздел одночастной симфонии (Andantino), построенный по принципу волнового развития. Постепенно уплотняется фактура, динамизируется звучание, часто меняются

темпы. Длительная кульминация приводит к скандированию всего оркестра.

После глубокой цезуры наступает кода-катарсис: дуэт кларнетов подготавливает появление вступающего с ним в диалог сопрано (исполнительница стоит за оркестром) (Meno mosso). В исполнении солистки звучит вокализ, в интонационной канве которого мы узнаем тему фрейлехса.

Застывшая педаль у виолончелей подобна колокольному звону, а выразительные фразы солистки на слог «ля» воспринимаются как оборвавшаяся мелодия песни.

Наигрывающая незатейливую вальсовую мелодию гармоника воспринимается как музыка из далекого детства. Этот наигрыш обрывается мощным вступлением оркестра, скандирующего на протяжении долгого времени аккорд. Настоящее врывается в мир прошлого, однако и его пульсирующий поток иссякает. На застывшей ноте «си» замирает одинокий голос виолончели. Так завершается одно из последних произведений М. Вайнберга, Симфония № 21 «Каддиш», до сегодняшнего дня существующая в рукописи и ожидающая своей мировой премьеры.

Сегодня ждут исполнения ряд музыкальных опусов Вайнберга, связанных с Холокостом, но ни на одном из них мы не найдем прямого упоминания об этой трагедии. Однако посвящения, предпосланные произведениям, литературные тексты вокальных сочинений и симфоний Вайнберга позволяют раскрыть их сокровенный смысл: Варшава, Аушвиц, Бабий Яр, лица родных, которые остались на чудом сохранившихся фотографиях и в памяти. Однако самым ярким проявлением памяти стала музыка Вайнберга, которая сегодня находит своего исполнителя и слушательскую аудиторию в разных странах мира.

Примечания

[1] Подробнее об изданных дисках с музыкой Вайнберга см. на интернет-сайте: http://home.wanadoo.nl/ovar/vainberg.htm

[2] Например: *Fanning D.* Mieczyslaw Weinberg. In search of Freedom. Berlin, 2010; сб. статей, посвященный творчеству Вайнберга: Die Macht der Musik. Mieczyslaw Weinberg Eine Chronik in Tonen // Ouseuropa. H. 7. Juli 2010; публикации шведского исследователя П. Сканса, рано ушедшего из жизни.

[3] Эта версия высказана одной из родственниц Вайнберга, его тетей Хаей, и подтверждена Натальей Соломоновной Михоэлс, первой женой Вайнберга. —

Вейнберг А. Моисей (Мечислав) Вайнберг: ко дню 90-летия. http://zhurnal.lib.ru/c/codikowa_a/codikowa852.shtml

[4] Музыковед М. Якубов в последние годы жизни Вайнберга интервьюировал композитора. Информация нашла отражение в статье: *Якубов М.* Мечислав Вайнберг: «Всю жизнь я жадно сочиняю музыку» // Утро России №7 (67) 16–22.02.1995.

[5] *Рабинович Д.* Творческий путь Моисея Вайнберга (машинопись с редакторской правкой). М., 1943 (Машинопись хранится в фонде Еврейского антифашистского комитета в Государственном архиве Российской федерации (ГАРФ) ф. 8114. Оп. 1. Д. 155. Л. 74–75). Статья предоставлена автору консультантом музыки музея Холокоста в Вашингтоне Бретом Уэбом.

[6] *Мокроусов А.* Континент Вайнберг // Лехаим. 2010. № 11. — http://www.lechaim.ru/ARHIV/223/mokrousov_vainberg.htm

[7] Вайнберг был блестящим пианистом, не случайно именно ему Шостакович доверял исполнение своих сочинений во время первых показов на заседаниях Союза композиторов. Вайнберг не раз выступал как пианист и на сцене Большого зала Московской консерватории. Например, 28 октября 1967 г. вместе с Давидом Ойстрахом и Мстиславом Ростроповичем он аккомпанировал Галине Вишневской на премьере «Семи песен» Шостаковича на стихи Блока.

[8] См. Подробнее: *Двужильная И.Ф.* Некоторые аспекты сотрудничества М. Вайнберга и Д. Шостаковича // Материалы 15 Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. Академ. сер.. Вып. 23. М., 2008. С. 503–512.

[9] *Ламм О.* Страницы творческой биографии Мясковского. М., 1989.

[10] *Никитина Л.* Симфонии М. Вайнберга. М., 1972. С. 116–127.

[11] *Атаян В.* Написанная «кровью сердца». «Пассажирка» Вайнберга в Варшаве. — http://www.operanews.ru/10112101.html

Ася Ковригина
(Париж)

ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА И РОМАН-ДОКУМЕНТ «БАБИЙ ЯР» А. КУЗНЕЦОВА

В сентябре 2011 г. издательство Laffont опубликовало новый французский перевод романа Кузнецова «Бабий Яр»[1]. До этого роман издавался во Франции дважды. В 1967 г., в цензурном варианте, он появился в издательстве Editeurs Français Réunis, которое было подконтрольно французской коммунистической партии[2]. Этот факт, по-видимому, явился причиной того, что, когда в 1970 г., сразу после публикации в Посеве, он был издан в полном варианте, аудитория, которой он предназначался, просто не пожелала обратить на него внимание[3]. К тому же издание было сделано некачественно, уже в оглавлении была не соблюдена игра шрифтами; издатель непозволительно сократил вступительную главу «К читателю», где Кузнецов объясняет о борьбе с цензурой — а значит, книга была вырвана из контекста. Именно так размышляла Анни Эпелбоэн, мой научный руководитель, и я вместе с ней, когда предложила к переизданию книгу Кузнецова, возвратив урезанную раннее главу и написав предисловие. На мою долю выпала расстановка шрифтов. На фоне недавно появившегося у французской публики интереса к Холокосту на территории СССР, который во Франции после работ и выставки, организованной Патриком Дебуа, обозначают не иначе как «Shoah par balles» («Шоа под пулями»), и интересу к литературе–свидетельству вообще, мы рассчитывали на абсолютный успех книги. Тогда издатель в погоне за этим успехом убирает с обложки непонятное французам определение, данное самим Кузнецовым, «роман-документ», и ставит: un grand oeuvre de témoignage sur la Shoah en URSS. (литературное свидетельство о Холокосте

в СССР). И вот, в третий раз роман Кузнецова не покоряет Париж. Почему? Именно на этот вопрос я постараюсь дать ответ, проанализировав новаторство романа Кузнецова с позиции советской литературы о Холокосте, и его несоответствие привычным рамкам западной модели литературного свидетельства.

XX век породил новый жанр литературы (или анти-литературы): литературное свидетельство — документальное свидетельство, имеющее литературный замысел и написанное в формате художественного произведения. Его возникновение было обусловлено необходимостью передать и сохранить в памяти события, которые явились и были восприняты не просто как исторические катаклизмы, но как переломные моменты в общем представлении о судьбе человечества. Литературное свидетельство стремится выразить кажущуюся невыразимой по степени жестокости и иррациональности ситуацию, озвучить ее, воспроизвести, укоренить в реальности.

Настоящим толчком в развитии этого жанра послужила депортация в нацистские лагеря и Катастрофа европейского еврейства. Так, во Франции только с 1945 г. по 1948 г. появилось свыше 100 воспоминаний бывших узников нацистских лагерей[4]. Большинство из них не являются художественной прозой и представляют собой скорее фактографические тексты. Но некоторые из выживших (А. Суцкевер, А. Аппельфельд, Р. Антельм, П. Леви) сразу же после освобождения почувствовали необходимость в создании литературных произведений, в которых художественный прием служил способом передачи свидетельского дискурса. В основе желания создать произведение о геноциде всегда лежит потребность свидетельствовать, а художественное осмысление лагерной реальности позволяет реализоваться свидетельскому замыслу.

Именно искусство в огромной степени заставило осознать геноцид. Чтобы оказаться включенным в осознаваемую действительность на уровне общества, геноцид должен был стать художественным произведением, литературой. Когда возник язык, посредством которого можно было описать геноцид, ужас геноцида стал более осязаемым.

Во Франции изначально литературоведение опиралось на корпус текстов, составлявших так называемую «концентрационную литературу». Это понятие использовалось после окончания войны применительно к рассказам Роберта Антельма, Давида Руссе и множеству других свидетельств о лагерях. Определение «текста-свидетельства» по-

является гораздо позже, одновременно с расширением корпуса этой литературы: отныне она включает как различные типы свидетельств (тексты-завещания, написанные исчезнувшими людьми, тексты непрямых свидетелей, свидетельства детей), так и тексты различной географии (о Гулаге, геноциде в Руанде, событиях в Боснии и Герцеговине). Литературное свидетельство развивается как жанр, осваивает новые эпистемологические формы. Изначальный свидетельский дискурс — хронологическое повествование от первого лица: «я пережил, я видел» — замещается, по мере исчезновения прямых свидетелей, текстами, написанными «наследниками». Последние, чудом избежавшие депортации или родившиеся некоторое время спустя, унаследовали геноцид как основную точку отсчета реальности. Появляются полифонические романы, романы-пэчворк, «литература следов». Таким образом, европейский роман окончательно открывается сюжету, считавшемуся первоначально нелитературным, в то время как русский роман вынужден был его избегать.

На пространстве бывшего СССР становление свидетельского дискурса в литературе происходит совсем иным образом, и мы говорим скорее об отсутствии или о практическом отсутствии литературы «после Бабьего Яра». Цензура подгоняет тексты под официальную версию истории, самоцензура и навязанный канон соцреализма коверкают и убивают в зачатке новый тип повествования. В СССР не происходит формирование ни фигуры свидетеля геноцида, ни свидетельского дискурса о Холокосте. Возвращая рукопись Маше Рольникайте, выжившей в Вильнюсском гетто и нацистских лагерях, цензор озвучивает приговор советской литературе-свидетельству о массовом уничтожении евреев. Он пишет на полях рукописи: «Необязательно писать о том, что автор помнит, можно и нужно писать о том, чего автор не помнит»[5]. Таким образом, происходит вынужденное нарушение негласного свидетельского пакта, обязательства. Текст-свидетельство ограничен в свободе вымысла самой реальностью, которую он транслирует, он стремится ее передать, воспроизвести, но ни в коем случае не исказить.

Симптоматично, что до сих пор русскоязычное литературоведение оперирует терминами «лагерная проза» и «лагерная тема», введенными Шаламовым. Свидетель в России возвращается не из Освенцима, не из Бабьего Яра, а с Колымы. Выживший в Холокосте вынужден был хранить молчание, его голос, неокрепший и несформированный в художественном плане, проявится в 90-е гг., но быстро умолкнет.

Итак, литературное свидетельство характеризуется не особой формой произведения (в этом плане оно может относиться к любому из существующих литературных жанров), но особым режимом повествования и собственным, неотъемлемым опытом автора, его степенью включенности в описываемое событие. Нарративная модель даже поздних свидетельских текстов восходит к юридической модели дачи показания. Это — адресованная аудитории и воспринимаемая как обязательная, неизбежная речь на некоем этическом суде. Переживший геноцид пишет чаще всего от первого лица, но его «я» постоянно срывается на «мы». Он говорит от себя, но также и от имени тех, кого не стало.

Советская литература после 1934 года избегает повествования от первого лица. Она подменяет его положительным героем, или собирательным «мы». Однако в произведениях о Холокосте это «я» все же появляется. Советский, зачастую официальный писатель берет на себя обязательство перед жертвами и перед историей и свидетельствует за тех, кто не может свидетельствовать, кто истреблен и кто лишен голоса. Военные корреспонденты донесут до читателя уже во время войны, с необходимыми для цензуры умолчаниями, факт о свершившимся геноциде. Их лирическое «я» может соответствовать свидетельскому режиму повествования, но от лица непрямого свидетеля (например, «Я видел сам» в поэме И. Сельвинского), однако чаще всего передает осознание принадлежности, зачастую запоздавшее, к истребляемому народу. Процитируем М. Алигер:

Потому что это нас с тобою
Гонят на Треблинку босиком,
Душат газом, в душегубках губят[6]

В первых вариантах поэмы это даже не «нас», а «меня»:

Не меня ли в душегубках губят,
И не я ли в пепле и золе?[7]

Удивительна литературная интуиция Гроссмана, который заявляет в 1944 году на одном из заседаний литературной комиссии по подготовке «Черной книги»: «нам необходимо взять на себя еще одну задачу — говорить от имени тех, кто лежит в земле и не может ничего сказать»[8]. Свой замысел он осуществит в «Жизни и судьбе», воссоздавая

письмо матери, переступая порог газовой камеры и пропуская через себя умирающее сознание. Но читатель получит эти сцены значительно позже, на исходе советской эпохи.

Итак, советская литература была лишена голоса прямых свидетелей Холокоста. Правда, на момент публикации в 1966 году романа «Бабий Яр» в журнале «Юность», читатель уже смог прочитать литературное свидетельство Маши Рольникайте, опубликованное годом раньше. Но сами пережившие расстрел в оврагах в русской литературе еще не свидетельствовали. И вот, Анатолий Кузнецов, будучи непрямым свидетелем геноцида, сталкивает в своем романе повествование от первого лица и воспроизводит, «не добавляя ничего»[9], рассказ Дины Проничевой и Владимира Давыдова. Таким образом, геноцид передан не только с различных позиций, но и на разных этапах: отрезок до Бабьего Яра, увиденный глазами автора-свидетеля, сам расстрел в Бабьем Яру, пересказанный Д. Проничевой, и функционирование группы заключенных из сырецкого лагеря, — уничтожение следов геноцида, описанное В. Давыдовым. Автор восполняет лакунарность своего знания, включая в пространство романа прямые свидетельства и документы.

Роман Кузнецова полностью выдержан в свидетельском дискурсе. Он написан от первого лица, это «я», которое рассказывает свою историю и, кроме того, дает возможность услышать полифонию голосов. Более того, автор сам подчеркивает значение свидетельства, выстраивая роман подобно псевдосудебной речи: «*Я* пишу так, словно даю под присягой юридическое показание на самом высоком честном суде»[10]. В абзацах, где он обращается к читателю, мы будто чувствуем телодвижение автора, это очень инстинктивное и нелитературное письмо, тип повествования, родившийся от абсолютной безысходности. Отсюда и навязчивое, постоянное ударение на достоверности, которой в советской литературе не было.

Жанровая принадлежность литературного свидетельства часто заявлена автором на пограничном уровне, текст создается на границе двух жанров, при этом один из них все равно остается центральным. Это свидетельствует о некоем экспериментальном поиске автора, который подчеркивает амбивалентную принадлежность текста к литературе. Так, Петр Вайс, написав ораторию «Дознание» (1965), приходит к определению «документарный театр»[11]. Кузнецов преодолевает подобный поиск жанровой принадлежности, результатом которого является его «роман-документ».

«*Много раз я принимался писать обычный документальный роман, не имея, однако, никакой надежды, что он будет опубликован. Кроме того, со мной самим произошла странная вещь. Я пытался писать обыкновенный роман по методу социалистического реализма <...>. Но правда жизни, превращаясь в «правду художественную», почему-то на глазах тускнела, становилась банальной, гладенькой, лживой и, наконец, подлой. Я пишу эту книгу, не думая больше ни о каких методах. <...> Я пишу так, словно даю под присягой юридическое показание на самом высоком честном суде — отвечаю за каждое свое слово. В этой книге рассказана только правда — ТАК, КАК ЭТО БЫЛО.* <...> Таким образом, слово «ДОКУМЕНТ», проставленное в подзаголовке этого романа, означает, что здесь мною приводятся только подлинные факты и документы»[12].

В лагерях, в гетто желание выжить разрушает мораль и достоинство, человека уничтожают не только физически, но и нравственно. Существует некая граница морального унижения и телесной атрофии, после которой долагерный человек перестает существовать. Именно вокруг этого извращения и утраты человеческого, артикулируется свидетельство. («Разве это человек?» Примо Леви).

Соцреализм был создан, чтобы освещать дорогу в счастливое будущее, а не для того, чтобы описывать бессмысленную, смерть. Как в условиях государственного оптимизма и обязательного счастья свидетельствовать об уничтожении? Тогда советская литература окружает жертв ореолом мученичества. В ней нет места пассивной, бездейственной смерти! Происходит сакрализация страдания, экзальтация и идеализация смерти. Отказ от показа телесной стороны. То, что произошло во время Холокоста, не имеет отношения к мученичеству. «Называя жертв мучениками, мы извращаем их судьбу» — напишет Д. Агамбен[13].

Цензор смог приблизить роман Кузнецова к официальной версии истории, но не смог изменить общую тональность книги, подогнать ее под канон соцреализма. В романе нет ни одного положительного персонажа. Он свидетельствует с особой силой — ведь это свидетельство ребенка — о падении цивилизации, разрушении социальных связей, о превращении человеческой морали в животный инстинкт самосохранения. Ведь ребенок особенно восприимчив ко всему, что происходит вокруг него, в том числе и к жестокости. Именно за такими приме-

рами, показывающими деформацию человеческого в условиях крайней жестокости, особо охотился цензор:

«Я был зол, был готов убивать собаку ножовкой, зубами грызть, ногтями глаза вырывать, Они боятся, все эти собаки, как и люди, похожие на собак, если на них идти, что-нибудь в них бросать, на них надо наступать — только на них, иначе пропадешь, пропадешь!»[14].

Итак, Кузнецов в условиях несвободы мысли и в полной изоляции от процесса, происходящего в западной литературе «после Освенцима», смог создать одно из первых литературных свидетельств в СССР, в полном смысле этого термина. Он прочувствовал многие особенности этого жанра: роль литературы в передаче документа. Он предлагает документ, но созданный посредством литературы.

Почему же французский читатель его игнорирует?

Во-первых, роман Кузнецова не укладывается ни в рамки свидетельства о Холокосте, ни в рамки свидетельства о Гулаге, что характерно для поздних советских текстов о геноциде. Поколение «наследников» СССР часто не вычленяет Холокост, а подает его в единой цепи катастроф, это всегда свидетельство на их перекрестке: Голодомора, сталинских репрессий.

Бабий Яр в романе Кузнецова — не просто овраг, где расстреляли еврейское население Киева. Это — «символ гуманизма», символ краха цивилизации вообще. Роман Кузнецова — свидетельство из ямы истории, из дыры истории, и эта аллегория прописана через образ оврага и вынесена в заголовок. Геноцид в этом романе дан на заднем плане. Он часто передается одной фразой в конце главы, через образ настойчивого удаленного шума: «Машина буднично работала»[15]. А как показать повторяемость акта уничтожения в литературе?

Развитие литературного свидетельства как жанра неизменно сопровождается созданием некоего канона: изучаемые и анализируемые критикой тексты обозначили содержание и границы этой литературы. Канон сформировался по-разному в разных национальных культурах. Во Франции литературное свидетельство изначально находилось под влиянием определения «концентрационная литература», тексты-свидетельства исконно идентифицировались с «рассказом о депортации». До сих пор прямые свидетельства о депортации служат во Франции

базой для размышления над литературой свидетельства. Таким образом, тексты, соответствующие этой категории повествования, даже пришедшие из других культур, изначально имеют приоритет над иными по своей структуре текстами. Совсем иначе проходил процесс становления и изучения этой литературы в англоговорящих странах, которые оперируют терминами «Holocaust literature» или «Destruction literature» и следует отметить, что рецепция романа Кузнецова в англоговорящих странах гораздо более удачна и заслуживает отдельного исследования.

Итак, роман Кузнецова выпадает из привычного прямого свидетельского дискурса о Холокосте. И он слишком традиционен — ведь это эпопея, точнее контрэпопея — чтобы отнести его к поздней литературе о Холокосте. Тем более что свидетельства «наследников» (Ж. Перека, Д. Киша, В.Г. Зебальда) следуют эпохе и играют, каждый в свою, игру с модерном.

Во-вторых, широкая публика на Западе долго ничего не знала о специфике уничтожения еврейского населения на территории СССР. Вхождение западного общества в «эру свидетеля» — которая длится и по сей день — произошло в начале 60-х гг. благодаря процессу Эйхмана. Но геноцид под открытым небом, осуществленный в присутствии третьих лиц, не укладывался в представление о той Катастрофе, которую французы обозначают термином Шоа, а англоязычные страны — термином Холокост. Западное общество с большими трудностями, но интегрировало Освенцим и выработало целую символическую систему. Тогда как в романе Кузнецова речь идет о другом символе истории и о другом типе жестокости. Обществу сложно переходить к новой парадигме. Процесс только начался, определение «Шоа под пулями» было только что воспринято.

В-третьих, Кузнецов предлагает слишком пессимистичный дискурс. Автор пересказывает жестокость в жестокой манере, свидетельствует о переворачивании мира. Наверное, только у Шаламова присутствует подобная радикальность в дискурсе, но его проза более художественна, а значит, более легка к восприятию.

И, безусловно, неудача романа Кузнецова — это результат провала литературной критики. Именно она должна была среагировать на рас-

ширение модели свидетельства, которую предлагает роман, и позиционировать это свидетельство в контексте советской литературы. Той литературы о Холокосте, которая все-таки, на мой взгляд, не является псевдолитературой, потому как художественный текст многофункционален, и свою практическую функцию — донести до читателя факт, что геноцид имел место — советские тексты выполняли. Отрывочно, не эксплицитно, иногда посредством аллегории, чаще всего через поэзию, но тема Холокоста все-таки присутствовала в советской литературе.

Примечания

[1] *Kouznetsov A.* Babi Yar / Traduit par A. Epelboin. Paris, 2011.

[2] *Kouznetsov A.* Babi Iar / Traduit par A. Robel. Paris, 1967.

[3] *Kouznetsov A.* Babi Yar / Traduit par M. Menant. Paris, 1970.

[4] *Wievorka A.* L'Ère du témoin / A. Wievorka. Paris, 1998.

[5] *Рольникайте М.* Это было потом. http://lit.lib.ru/r/rolxnikajte_m_g/text_0020.shtml.

[6] *Алигер М.* Твоя победа. М., 1946. С. 59.

[7] РГАЛИ. Ф.2219. Оп. 1. Д. 5.

[8] ГАРФ. Ф. Р — 8114. Оп. 1. Д. 912.

[9] *Кузнецов А.* Бабий Яр. http://lib.ru/PROZA/KUZNECOW_A/babiyar.txt.

[10] Там же.

[11] *Weiss P.* Notes sur le théâtre documentaire / P. Weiss // Du palais idéal à l'enfer ou du Facteur Cheval à Dante. Paris, 2001.

[12] *Кузнецов А.* Бабий Яр. http://lib.ru/PROZA/KUZNECOW_A/babiyar.txt.

[13] *Agamben G.* Ce qui reste d'Auschwitz / G. Agamben. Paris, 2003. P. 120.

[14] *Кузнецов А.* Бабий Яр. http://lib.ru/PROZA/KUZNECOW_A/babiyar.txt.

[15] Там же.

Кристина Винклер
(Лейчестер)

ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Среди жертв организованного национал-социалистами геноцида еврейского населения Европы заметное место заняли евреи Советского Союза. «По числу жертв советское еврейство занимает 1-е место среди всех стран, граждане которых стали жертвами Холокоста»[1]. Почти половина из шести миллионов евреев, погибших в Холокосте, проживала на территории СССР в границах на июнь 1941 года[2], при том, что доля евреев в общем населении Советского Союза в этих границах составляла лишь порядка 2,5%.

Таким образом, при сравнении с общим количеством погибших в войне жителей СССР число евреев оказалось непропорционально высоким. Несмотря на этот факт, выжившие в войне советские евреи столкнулись после ее окончания с политически мотивированным антисемитизмом советского режима, который отказывался признать особенности трагедии евреев в годы войны. Нередко те, кого Холокост затронул напрямую, вновь стали жертвами репрессий. Даже после смерти Сталина советские евреи не могли надеяться на улучшение положения, так как его преемники продолжали политику непризнания Холокоста. История Холокоста в советской историографии стала трагически возникшим белым пятном. Цви Гительман пишет в 70-х годах: «Некоторые западные наблюдатели обращают внимание на то, что устранение любого публичного обсуждения Холокоста является советской политикой»[3].

Перед Российской Федерацией, как правопреемником СССР, стоит задача по сохранению памяти жертв Холокоста. Однако и после рас-

пада Советского Союза воспоминание о Холокосте в России не занимает подобающего места в коллективной памяти. Примечательно, что и в настоящее время в Российской Федерации не существует главного официального мемориала, который напоминал бы о геноциде и его жертвах. И это при том, что на российской территории имеются многочисленные места массовых убийств[4], а воспоминание о войне против гитлеровской Германии занимает в современном национальном сознании жителей России одно из центральных мест. В настоящей статье предпринята попытка в первую очередь дать характеристику российской политики в отношении истории и, в частности, *официального воспоминания* о Холокосте на основе нескольких примеров. Затем приводятся первые результаты проведенного недавно в Ростове-на-Дону исследования, посвященного вопросу, как сегодня воспринимается увековечивание памяти мест массового уничтожения еврейского населения.

Россия и Запад: различные культуры памяти

Вторая мировая война создала опыт, который способствовал в послевоенной Западной Европе основанию Европейского экономического сообщества с целью избежать в будущем подобных катастроф. В итоге благодаря тесному сотрудничеству сначала в экономической, а затем в культурной и политической сфере, Европа должна была объединиться, и за счет этого должно было возникнуть пространство, жители которого чувствовали бы себя не только связанными со своей нацией, но и определяли бы себя как европейцы. Вызвавшая общее одобрение формулировка воспринималась — на фоне недавнего опыта — как «больше никакой войны».

Сопоставимое с этим общественное единодушие как основополагающий миф достигается в Российской Федерации победой в Великой Отечественной Войне. Но в чем сегодня заключается сила этого преобладавшего еще в советское время национального символа? В свое время политическая элита в СССР имела выраженный интерес в том, чтобы сместить акцент с недовольства собственной коммунистической диктатурой, включая любые воспоминания о прошлых массовых репрессиях, на воспоминания о героической победе над фашизмом. Сегодня то же самое обращение к истории служит легитимизации цент-

рализованного правления и подавлению подсознательных страхов, причину которых Лев Гудков объясняет следующим образом: «Распад СССР, неудача постсоветских реформ, заметное ослабление распространенных надежд и конец иллюзий перестройки привели к травматическому переживанию национальной слабости»[5]. Арсений Рогинский говорит о недостатке самоидентификации среди постсоветского российского населения, имевшем далеко идущие последствия для общества: с помощью националистической политики последних лет удалось использовать страхи населения и путем отгораживания, нагнетания антизападных настроений и обращения к прошлому вернуться к старым ценностям[6]. В эту концепцию тем более легко входит старый и новый идеал сильной России, олицетворяемый победой над фашизмом. Опасение последствий утраты этого символа, на протяжении десятилетий скреплявшего идентичность, стало решающей причиной того, почему давно укоренившийся образ истории возобладал и вновь набрал силу, несмотря на противоположные тенденции времен Перестройки и первых постсоветских лет. Отход от устоявшихся шаблонов трактовки истории происходит в России особенно трудно еще и потому, что, по словам Гудкова, «любой отходящий от общепринятого анализ событий и последствий войны... воспринимался как кощунство, как оскорбление памяти павших, как посягательство на высочайшие национальные ценности. Во многом это наблюдается и сегодня»[7]. Алейда Ассманн приписывает России «память победителя, претендующую на первостепенное значение в истории и не терпящую возражений»[8]. Она видит в практике воспоминаний в Российской Федерации пример избирательного подхода — на уровне национального сознания — к элементам исторической памяти, которые лучше всего служат решению историко-политических задач.

Официальная память о Холокосте в России

В ноябре 2005 г. российское правительство включило в официальную повестку дня воспоминание о Холокосте, основываясь на резолюции ООН 60/7[9]. Затем последовал другой шаг: 27 января 2007 г. Министерство внутренних дел России опубликовало сообщение для прессы, в котором осуждалось отрицание Холокоста и указывалось на сходным образом звучащую резолюцию ООН, единогласно принятую

днем ранее. Последнее предложение пресс-релиза звучало так: «У нас в стране свято чтут и всегда будут чтить память жертв нацизма, в том числе шести миллионов евреев, половина из которых была гражданами СССР. Мы никогда не забудем героический подвиг тех, кто положил конец бесчеловечному нацистскому режиму»[10].

Далее на примере создания мемориалов и написания учебников истории для школ будет рассмотрено, каким образом решается вопрос о конкретных проявлениях российской политики памяти, а также вопрос о том, получили ли заявления российских политических сил к настоящему времени должную практическую реализацию.

Память о Холокосте в общественной сфере

Государственный московский мемориальный комплекс «Поклонная Гора» был сдан к 50-летию окончания войны после почти сорока лет планирования и более чем десяти лет строительства (перестроек). Мемориал располагается в «Парке Победы» и напоминает в советской манере о победе Красной армии в борьбе против нацистской Германии[11]. На практике это означает, что специально не выделяется ни одна группа жертв. На территории комплекса наряду с русской православной церковью и мечетью находится также синагога, строительство которой, однако, было завершено позже и финансировалось Европейским еврейским конгрессом. В синагоге размещается профинансированная Международным еврейским фондом (International Jewish Foundation) постоянная выставка, посвященная Холокосту, жизни евреев в России, а также основанию государства Израиль[12]. Особого упоминания заслуживает задуманная изначально как подарок Израилю выполненная З. Церетели скульптура, носящая название «Трагедия еврейского народа». Скульптура была переименована в «Трагедию народа» и также находится на территории «Поклонной Горы» в непосредственной близости от туалетов для посетителей. В этом наглядно выражается сущность российского воспоминания о Холокосте — действительно, имело место инициированное государством воспоминание об организованном нацистами геноциде, но это воспоминание прочно увязано с более важным воспоминанием о победе в Великой Отечественной войне. Историография также подтверждает эту оценку, как показывает способ представления истории в учебниках.

Холокост в российских учебниках

Клас-Герен Карлссон приводит суждение волгоградского историка Соломона Крапивенского об общем обращении российской исторической культуры с еврейскими темами: «Российский историк [Крапивенский] подытожил проявления этой культуры как постоянное заглушение, замалчивание и очернение всего, что имеет отношение к евреям»[13]. Московский историк Илья Альтман оценивает постсоветскую российскую историографию не так категорично и называет ряд работ, в особенности молодых исследователей, затрагивающих тематику Холокоста и представляющих собой ценный вклад в составление полной истории Холокоста на территории Российской Федерации[14]. Вместе с тем он критически замечает, что, по сравнению с прошлым, отношение многих историков к еврейским жертвам изменилось лишь формально. Уже сам выбор темы, имеющей отношение к Холокосту, нередко вызывает негативные реакции: «Выбор темы Холокоста как объекта научного исследования (даже на уровне дипломных работ в вузах) нередко встречает внутреннее отторжение и даже подозрительность профессиональных историков»[15]. Это, как считает И. Альтман, имеет социально-психологические причины и должно рассматриваться в контексте с укоренившимся повествованием о Великой Отечественной войне, так как одно только обращение к истории еврейских жертв интерпретируется как отрицание нееврейских жертв и их страданий [16].

Живучесть советского шаблона интерпретации проявляется уже в школьном преподавании истории. Петер Ян рассматривает в качестве причины этого не в последнюю очередь то обстоятельство, что «старые преподаватели и учителя [остались] на своих рабочих местах и длительное время продолжали использовать старые учебники»[17]. Но даже после того как учебные материалы были переработаны, это не привело к их существенному улучшению, поскольку поправки ограничивались лишь незначительными деталями. Молодому постсоветскому поколению исторические факты о геноциде в российских учебниках не были сообщены, или были сообщены неверно. Начатое по инициативе Российского еврейского конгресса и проведенное Российской академией наук исследование в 2008 г. принесло отрезвляющий результат, свидетельствующий о том, что геноцид европейских евреев в учебниках истории для средних общеобразовательных школ не отражен. Кроме того, согласно результатам исследования, в некоторых рекомендо-

ванных Министерством образования и науки (МОН) учебниках истории просматривались антисемитские тенденции[18]. В конечном счете участвовавшие в исследовании ученые пришли к выводу, что ни один из рекомендованных МОН учебников не стоит использовать для обучения[19]. В этой связи принятое в марте 2012 г. решение МОН о включении преподавания истории Холокоста в стандартный учебный план среднеобразовательных школ следует понимать как далеко идущий шаг[20].

Воспоминание среди населения

С учетом такого отражения истории Холокоста в музеях и школьном образовании, возникает вопрос, в какой мере осознание геноцида может присутствовать в обществе. В квантитативном исследовании в 2008 г. была изучена взаимосвязь между толерантностью и знанием о Холокосте среди российского населения[21]. 874 участникам исследования из 13 городов России было задано 39 вопросов о геноциде, их отношении к вопросам национальности и смертной казни. Исследование привело к выводу, что «подобный подход к проблеме Холокоста связан с традиционным антисемитизмом в России, унаследованным со времен царизма и не изжитым последующими режимами. Это касается как официальной политики государства, так и отношения простого народа»[22]. Едва ли немногим больше половины опрошенных знали, что стоит за понятиями Холокост и Катастрофа, и что жертвами были евреи. Примерно четверть участников исследования считали, что ставшие жертвами евреи сами спровоцировали свою участь[23].

Но как и что люди вспоминают об уничтожении евреев непосредственно в местах бывших злодеяний? Наблюдается ли и здесь игнорирование этой тематики? Этот вопрос автор рассмотрел на примере Ростова-на-Дону, где в августе 1942 г. было совершено массовое убийство: в течение двух дней отряд Зондеркоманды 10а уничтожил еврейское население города. До сих пор не представляется возможным установить точное число убитых во время акций 11 и 12 августа евреев[24], так как регистрационные списки, составленные убийцами, считаются утраченными[25]. Несмотря на то, что это массовое убийство в российских работах на тему Холокоста описывается как крупнейшее на территории России разовое уничтожение евреев[26], оно во многом остается неизвестным. Сегодня об убийстве в Змиевской балке напоминает

памятник, установленный в 1975 г. на месте преступления. Именно этот памятник стал в декабре 2011 г. предметом длительного спора между администрацией города и еврейской общиной. Причиной спора послужила замена памятной таблички, которая с 2004 по 2011 г. с разрешения мэра находилась на внешней стене относящегося к мемориальному комплексу музея и напоминала о еврейских жертвах. В преддверии 70-й годовщины расстрела Министерство культуры Ростовской области заменило эту табличку новой, где — в духе советской стилистики — не упоминалась национальность жертв, которые названы мирными гражданами, жителями Ростова-на-Дону. Инцидент привлек внимание общественности и за пределами самого города, так как Министерство культуры Ростовской области обосновывало свое решение тем, что еврейская принадлежность жертв не может быть неопровержимо доказана. Однако согласно хранящимся в архиве Ростова-на-Дону документам, число убитых евреев составляет минимум 15000[27].

В рамках квалитативного исследования в сентябре и октябре 2011 г. в Ростове-на-Дону были проведены нарративные интервью с жителями города, принадлежащими к различным возрастным группам. В отличие от квантитавных исследований, посвященных изучению социальных явлений в широком масштабе, квалитативный метод, одним из подвидов которого является нарративное интервью (примененное в этом исследовании) используется при исследовании человеческого поведения. С помощью указанного метода можно установить, какое значение человек приписывает своим действиям[28]. Интервью могут быть отнесены к так называемой Oral History, устной истории, под которой понимается запись, хранение и интерпретация исторических сведений с точки зрения говорящего. Таким образом, полученный с помощью интервью материал основан на личных взглядах и опыте говорящего. В этой субъективности заключается существенный повод для критики Oral History со стороны давно сформировавшейся исторической науки. Однако в отношении основных вопросов исследования именно по причине своей субъективности этот метод оказывается наиболее подходящим, так как респондент расспрашивается о личных воспоминаниях и толкованиях истории. Это особенно актуально для анализа того, что Алейда и Ян Ассманн определяют как коммуникативную память. Ян Ассманн описывает коммуникативную память на основе воспоминаний событий и личного опыта, которые устно передаются внутри одной социальной группы, например, семьи. Эта память ограничена

продолжительностью жизни ее носителей и охватывает три поколения[29]. Наряду с личными воспоминаниями свидетелей при интервью значение имели прежде всего следующие вопросы: какие рассказы об истории существуют у различных поколений в местах Холокоста? Как интерпретируют их люди, лично не пережившие эти события, и как или через кого они узнали об этих событиях? Наконец, целью исследования является сравнение полученных в ходе интервью личных и переданных информанту кем-то другим воспоминаний с официальной памятью о Холокосте.

Всего в 23 единичных и 2 семейных интервью было опрошено 33 респондента. Участники отбирались отчасти путем непосредственного обращения, большая часть — благодаря «сарафанному радио». Большое значение при выборе интервьюируемого имели возраст и место рождения, также задавался вопрос о профессии, для создания как можно более разнообразного состава группы участников. Перед началом исследования определялись релевантные возрастные группы: в зависимости от трех политических эпох, в которые участники исследования прошли социализацию, было набрано по восемь участников на группу. Поколение свидетелей войны составляло самую старшую группу, участникам которой было 75 и более лет. К ним относились ростовчане, которым в 1953 г. было 18 или более лет и которые были социализированы в сталинскую эпоху. Среднюю возрастную группу образовывали 45–65-летние, которые были социализированы в послесталинскую и доперестроечную эпоху. Возрастная группа 20–35-летних, которые были социализированы во время перестройки и постсоветскую эпоху, составляла самую молодую группу участников. Абсолютное количество участников было несколько выше, чем предполагалось на этапе планирования, так как интервью проводились не только с отдельными лицами, но и — в двух случаях — с семьями. Участники были поделены на возрастные группы следующим образом: были опрошены по десять человек в самой старшей и младшей возрастной группе, а также тринадцать участников средней возрастной группы. Опрашиваемые в идеальном случае должны были быть уроженцами Ростова или длительное время проживать в городе. Кроме того, были опрошены исключительно ростовчане-неевреи, а также лица, относящиеся к другим группам жертв, как, например, цыгане. Открытые интервью проводились по методу Grounded Theory — с основной темой, которая предполагала ряд вопросов, но не предпи-

сывала четкой последовательности вопросов. Целью было создать ситуацию разговора, похожего на беседу в обычных условиях. Интервью начинались общими вопросами о человеке и истории семьи во время оккупации или войны, если родственники интервьюируемого жили во время войны не в Ростове. Затем следовали все более подробные вопросы о событиях во время оккупации, важнейшим аспектом которых для темы исследования был массовый расстрел еврейского населения города Ростова. При этом задавались вопросы в зависимости от возраста интервьюируемого о собственных воспоминаниях, а также об имеющихся рассказах о произошедшем в Змиевской балке, где проходили массовые расстрелы 11 и 12 августа 1942 г. Беседы всегда завершались вопросом о сегодняшнем отношении к прошлому и роли, которую прошлое играет для интервьюируемого.

Анализ интервью еще не окончен, но уже можно сделать несколько утверждений. Так, в первую очередь необходимо констатировать, что среди опрошенных наблюдается базовое осознание трагической истории евреев Ростова-на-Дону во Второй мировой войне, однако это выражено в различной степени и в отдельных случаях связано с антисемитскими стереотипами. Интервьюируемых можно в общих чертах разделить на три лагеря:

1. Представители мнения о том, что события в Ростове-на-Дону в августе 1942 г. были частью Холокоста и это сегодня известно всем ростовчанам.
2. Представители мнения о том, что жертвами массовых расстрелов несомненно стали евреи, но также и многочисленные неевреи.
3. Представители мнения, согласно которому страдания евреев слишком подчеркиваются и недостаточно воспоминаний о нееврейских жертвах.

Однако между этими тремя группами были наложения. Так, все опрошенные знали, что стоит за понятием Холокост и кем были жертвы Холокоста. Далее, все опрошенные указали, что в Ростове-на-Дону были убиты евреи, однако наблюдались различия в оценке, какое количество они составляли среди общего числа жертв массовых расстрелов августа 1942 г. и как это необходимо рассматривать по отношению к жертвам войны среди преобладающего населения. Обращало на себя внимание то, что среди опрошенных среднего возраста (45–65 лет) все разделяли мнение, что жертвами массового убийства стали в первую

очередь евреи. Массовое убийство, по мнению этих опрошенных, было частью Холокоста, например, в одном интервью прямо говорилось о «Ростовском Холокосте». Этих взглядов придерживались и лица в возрасте 20–35 лет, а также опрошенные в группе свидетелей. Большая часть интервьюируемых знала об убийстве еврейского населения Ростова-на-Дону не только из разговоров в семейном кругу, но также и из других устных источников, книг и СМИ. Опрошенные, относящиеся в основном к средней возрастной группе 45–65-летних, обозначили это знание как известное всем в Ростове-на-Дону. В пользу этого говорит тот факт, что до последних дней существования Советского Союза посещение мемориала в Змиевской Балке было частью школьного и дошкольного воспитания как места расстрела советских граждан. Так, в особенности лица, относящиеся к этой возрастной группе, но также интервьюируемые группы 20–35-летних сообщили, что они в детстве участвовали в дошкольных и школьных экскурсиях к памятнику на окраине Ростова-на-Дону и там узнали об убийстве ростовских евреев.

Таким образом, наблюдаемое на коллективном уровне отсутствие памяти о Холокосте, не присутствует в той же степени на уровне коммуникативной памяти. Тем не менее, в том числе и на уровне полученного с помощью интервью повествования о времени оккупации прослеживаются различные тенденции, которые соответствуют официальному дискурсу о войне, или приближаются к нему. К таковым относится высказанное во многих беседах мнение, что не стоит забывать, как сильно пострадало русское население и как высоко количество жертв среди него по сравнению с еврейскими жертвами. В отдельных случаях указывалось на то, что и славяне систематически преследовались, что евреи сегодня слишком много указывают на свой статус жертв. В отдельных случаях в интервью прослеживались также и антисемитские стереотипы (например, предполагаемый контроль евреев над средствами массовой информации). Однако таких случаев меньшинство.

Резюме

Российское государство начиная с 2005 г. официально признает необходимость чтить память шести миллионов евреев, погибших в механизме уничтожения, запущенном гитлеровской Германией. Однако

к настоящему времени сигнал, посылаемый российскими властями, неясен и направлен лишь в адрес западных партнеров, так как он не включает в себя существенные области увековечивания памяти на национальном уровне. Не продиктованная политическими соображениями память о еврейских жертвах нацизма до сих пор недостаточно присутствует в области образовательной политики. Поэтому включить трагедию Холокоста в одну из экзаменационных тем по истории является важным и правильным шагом со стороны политиков.

Берно-Беллекур пришел в ходе проведенного им всероссийского опроса к следующему выводу: «К сожалению, в Российской Федерации граждане практически не знают проблемы Холокоста (Катастрофы), ее причин, количества жертв»[30]. Квалитативный опрос жителей города в конце 2011 г. Ростова-на-Дону дал иную картину воспоминаний о геноциде: все интервьюируемые знали, что стоит за понятием Холокост, независимо от возраста и образования более или менее знали его истоки и масштаб. Результаты позволяют сделать вывод о том, что должно проводиться больше исследований о воспоминаниях среди населения непосредственно в местах Холокоста. Не в последнюю очередь это может послужить вкладом в устранение еще существующих многочисленных белых пятен в истории Холокоста в Советском Союзе.

Примечания

[1] Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2011. С. 932.

[2] Там же. С. 6. Гительман, указывая на то, что советские жертвы Холокоста составляли одну треть от общего количества, исходит из меньшего числа жертв. — *Gitelman Z.* Holocaust, Memory and Politics: The Holocaust in the Soviet Union. Holocaust and Genocide Studies. Vol. 5. № 1. Pergamon Press, 1990. P. 23.

[3] *Gitelman Z.* Bitter legacy. Confronting the Holocaust in the USSR. Indiana University Press. Bloomington, 1997. P. 17.

[4] В рамках проекта «Бабьи Яры России» на его интернет-сайте опубликован обзор мест с фоновой информацией, в том числе о количестве жертв. — http://www.holomemory.ru

[5] *Gudkov L.* Die Fesseln des Sieges. Russlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg // Osteuropa 04-06. 2005. S. 61.

[6] *Roginski A.* Fragmentierte Erinnerung. Stalin und der Stalinismus im heutigen Russland // Eurozine. http://www.eurozine.com/pdf/2009-03-02-roginski-de.pdf. Первоначально опубликовано в: Osteuropa 1/2009.

[7] *Gudkov L.* Die Fesseln des Sieges. S. 67.

[8] *Assmann A.* Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München, 2006. S. 263.

[9] *Talwar N.* Holocaust Remembrance. A Resolution Unfolds — The World Remembers. UN Chronicle. 4/2005. http://www.un.org/Pubs/chronicle/2005/issue4/0405p04.html

[10] Сообщение для СМИ о принятии 61-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «ОтрицаниеХолокоста». — http://www.un.int/russia/new/MainRootrus/docs/off_news/270107/newru1.htm

[11] *Rohdewald S.* Post-Soviet Remembrance of the Holocaust and National Memories of the Second World War in Russia, Ukraine and Lithuania // Forum for Modern Language Studies Vol. 44. № 2. Oxford University Press, 2008. P. 174.

[12] *Karl L.* „Den Verteidigern der russischen Erde...". Poklonnaja Gora: Erinnerungskultur im postkommunistischen Russland // Zeitgeschichte-online. Die Russische Erinnerung an den „Großen Vaterländischen Krieg". May, 2005. S. 10. — http://www.zeitgeschichte-online.de/zol/_rainbow/documents/pdf/russerinn/karl.pdf

[13] *Karlsson K.-G.* The Holocaust and Russian Historical Culture. A Century-Long Perspective // Echoes of the Holocaust. Historical Cultures in Contemporary Europe / Ed. K. Göran-Zander u. U. Zander. Riga, 2003. P. 217.

[14] *Альтман И.* Холокост и еврейское сопротивление на оккупационной территории СССР. М., 2002. С. 20.

[15] Там же. С. 22.

[16] Там же.

[17] *Jahn P.* Triumph und Trauma. Sowjetische und postsowjetische Erinnerung an den Krieg. 1941–1945. Berlin, 2005. S. 16.

[18] Среди признанных не отвечающими требованиям учебных пособий — учебники истории автора Н.В. Загладина. См.: *Мухамедьярова Л.* Недетская история. Академия наук проверила школьные учебники на антисемитизм // Независимая газета. 13.02.2008. — http://www.ng.ru/politics/2008-02-13/3_history.html

[19] Там же.

[20] «Министерство образования и науки РФ включило тему Холокоста в учебный план средних школ по истории. Уже подготовлены соответствующие учебные материалы и выделено необходимое количество учебных часов. Помимо этого, в список вопросов ЕГЭ по истории включены 10 вопросов на тему Катастрофы европейского еврейства». — Комсомольская Правда. 08.03.2012. — http://kp.ru/daily/25847/2817754/ ()

[21] *Берно-Беллекур И.В.* Социально-психологический анализ взаимосвязи толерантности и информированности о Катастрофе. Открытый Университет Израиля. СПб.; Иерусалим, 2008.

[22] Там же. С. 54. О еврейской теме в дореволюционных и советских довоенных учебниках истории см.: *Izmozik V.* Jews in 19th and 20th century Russian history textbooks // Jews in Eastern Europe. Vol. 1–2 [38–39]. 1999. P. 44–73.

[23] *Берно-Беллекур И.В.* Социально-психологический анализ взаимосвязи толерантности и информированности о Катастрофе. С. 54.

[24] Данные о количестве жертв разнятся, так как численность находившихся в Ростове во время немецкой оккупации евреев также не может быть точно наз-

вана. В 1939 г. в городе по официальным данным проживало 27 039 евреев, однако их численность летом 1941 г. достигла 50–60 тысяч, поскольку в городе находились многие еврейские беженцы с западных территорий Советского Союза. В период с сентября по ноябрь 1941 г. примерно 100–150 тысяч человек было эвакуировано из города, среди них 7–10 тысяч евреев, примерно столько же евреев бежали самостоятельно перед началом военных действий. См.: *Мовшович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. Ростов-на-Дону, 2011. С. 134; см. также: *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003. S. 562. Мовшович на основе документов Ростовского филиала государственного архива предполагает, что необходимо отталкиваться от численности в более 30–32 тысяч, в основном, еврейских жертв. Ростовский раввин М.З. Аронович, согласно Мовшовичу, в 1956 г. оценил долю еврейских жертв в 90–95%. См.: *Мовшович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. С. 147–148. Шварц указывает 18 тысяч жертв и ссылается на статью в газете Еврейского антифашисткого комитета «Эйникайт» (март 1945). — *Schwarz S.* The Jews in the Soviet Union. New York, 1972. P. 230. Арад, напротив, основывается на советских источниках Российского государственного архива в Москве и говорит о 15–18 тысячах евреев, которые были убиты в Ростове в период между 23 июля 1942 г. и 13 февраля 1943 г. — *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. Jerusalem, 2009. P. 289. Ангрик основывает свои данные на документах преступников и говорит о 2 тысячах жертв, при этом указывая, что фактическое число предположительно выше. — *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord. S. 565. Поль также указывает на 2 тысячи жертв. — *Pohl D.* Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. Studien zur Zeitgeschichte. B. 50. Oldenbourg; München, 1996. S. 277.

[25] *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord. S. 23.

[26] *Мовшович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. С. 154.

[27] ГАРО, ф. 3613, оп. 1, д. 30, л. 2.

[28] *Gläser J., Laudel G.* Experteninterviews und qualitative Inhaltsanalyse als Instrumente rekonstruierender Untersuchungen. Wiesbaden, 2009. S. 24–26.

[29] *Assmann A.* Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München, 2006. S. 13.

[30] *Берно-Беллекур И.В.* Социально-психологический анализ взаимосвязи толерантности и информированности о Катастрофе. С. 57.

Виктория Шалдова
(Рига)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХОЛОКОСТЕ У РУССКИХ И ЛАТЫШЕЙ, ЖИВУЩИХ В ЛАТВИИ — ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время Латвийское государство пытается построить, в соответствии с европейскими тенденциями, общее пространство исторической памяти для всех жителей страны, интегрируя, таким образом, все части населения. В рамках этой новой парадигмы стоит задача определить место, которое занимает Холокост в этой обобщенной памяти народов, населяющих Латвию, и оценить, в какой степени убийство евреев в годы войны стало психологической травмой для всех групп населения этой небольшой страны.

Накануне войны евреи Латвии составляли важную и довольно значимую часть населения (около 93 500 человек по переписи 1935 года). Евреи жили во всех регионах Латвии, были интегрированы в социальную, экономическую и политическую жизнь страны[1]. Поэтому тем или иным образом Холокост затронул практически каждого жителя страны: самих евреев, их нееврейских соседей или коллег, коллаборационистов, спасателей, тех, кто оказывал евреям разовую помощь, тех, кто воспользовался ситуацией и завладел еврейским имуществом и т.д. В советские годы в Латвии эта травма сохранялась, поскольку тема в силу запрета на исследования Холокоста фактически отсутствовала в общественном дискурсе[2].

Цель этого социально-психологического исследования — определить представления о Холокосте латышей и русских, проживающих в современной Латвии. На первой пилотной стадии стояла задача сформулировать вопросы, которые легли в основу специального опросника. Полученные в рамках первого этапа исследования сведения

позволили дать некоторую предварительную оценку в этом вопросе основных тенденций в латвийском обществе.

В ходе этого исследования были опрошены 96 представителей русской части и 129 представителей латышской части населения Латвии, что приблизительно сопоставимо с процентом этих групп по стране. Респонденты проживали в Риге и в двух других регионах: Латгалия (восточная часть) и Курземе (западная часть). Возраст и пол респондентов в опросе не учитывался.

Респондентам предлагался бланк опроса, на котором они должны были написать все ассоциации к слову «Холокост». Их ответы были обработаны при помощи контент-анализа[3] и распределены по следующим категориям: Холокост (определение), география (с подкатегорями «Латвия», «Германия», «другое»), методы Холокоста, символы Холокоста, другие жертвы (неевреи), спасатели, отношение к Холокосту, сопротивление.

В ходе исследования мы стремились определить, отличаются ли социальные представления о Холокосте у русских и латышей Латвии по содержанию и эмоциональной направленности. Является ли Латвия значительным элементом этих представлений? Включают ли представления о Холокосте информацию о различных типах сопротивления, в том числе и спасателях евреев? Каким образом в представлениях о Холокосте присутствует острая для Латвии тема коллаборационизма, и различается ли этот компонент в представлениях латышей и русских?

Принципиальных различий в ответах респондентов латышской и русской групп отмечено не было. Нам удалось выявить три компонента представлений о Холокосте: когнитивный, эмоциональный и поведенческий, — и описать их, руководствуясь этой моделью[4].

Когнитивный компонент

В обеих группах наиболее распространенной категорией оказалось «определение Холокоста», 174 слов у русских и 238 — у латышей, то есть 44% и 40% от общего числа ответов соответственно.

Следующими по распространенности следуют категории «символы Холокоста» — 10% в латышской группе и 15% в русской, и «методы» — 14,6% и 12,6% от общего числа ответов соответственно. В качестве символов Холокоста респонденты обеих групп называют: могилы, трупы, Гитлера, кладбища, кровь, фотографии, жертвы, неубран-

ные кладбища, поезд, Анну Франк, Хрустальную ночь, газенваген, скелет, звезду Давида, рвы, лай собак, звук сирен, прожекторы, проволоку. В категории «методы Холокоста» фигурируют: газовые камеры, концлагеря, гетто, массовое убийство, унижение людей, медицинские эксперименты, посыпание трупов солью (вероятно, подразумевалось известью) сжигание синагог. Эти понятия, на наш взгляд, и являются ядром социальных представлений о Холокосте в Латвии[5].

Отдельного внимания заслуживает место Латвии в представлениях респондентов о Холокосте. Следует отметить, что понятия, имеющие отношение к Латвии, составляют 2,8% от общего числа ассоциаций в группе латышей и 3,3% — в группе русских респондентов, что, безусловно, является крайне малым процентом.

В латышской группе 10% респондентов упоминают топонимы, имеющие отношение к области проживания: сарай в Злеках, где по их мнению, сожгли евреев[6], кладбище в Лудзе (город на востоке Латвии), расстрел в Погулянке (район г. Даугавпилса, где проводились массовые расстрелы), кладбище в Прейли (город на востоке Латвии). Упоминаются также Рижское гетто, командир отряда коллаборационистов-убийц Виктор Арайс (2 раза), Румбула и Бикирниеки (места массовых расстрелов в Риге), концлагерь Саласпилс, памятник у Латгальского рынка на месте сожженной Хоральной синагоги, шуцманы, трижды упоминается слово «Латвия», один раз «латыши» как спасатели. Несмотря на то что мы не проводили сегментацию выборки по возрасту, эти ответы (за исключением сарая в Злэках) встречаются в опросниках молодого поколения (19–24 года).

Дважды упоминается лагерь «Саласпилс». Там содержались западноевропейские евреи, но как ключевой топоним, связанный с Холокостом, он массово не используется. Но на территории бывшего лагеря находится большой мемориал, в советское время — очень ухоженный, грамотно сделанный с точки зрения воздействия на посетителей, вокруг которого периодически разворачиваются общественные дискуссии.

Категория «Латвия» в русской группе встречается в 7 опросниках, или у 7,3% респондентов. Дважды упоминаются имена спасшихся: Элла Медалье и Фрида Михельсон (в одном и том же опроснике), 1 раз — команда коллаборационистов Арайса, по 1 разу места уничтожения Румбула, Бикирниеки, Погулянка, Рижское гетто, Московский форштадт, где находилось гетто в Риге, лагерь Саласпилс, малые города Латвии.

Нелатвийские топонимы составляют 4,1% от всех ответов в русской группе и 5% у латышей. Категория «Германия» в латышской группе встречается в 16 опросниках, то есть у 13% респондентов. Упоминается 1 раз «влияние фашистской Германии» и 1 раз «постыдное пятно в истории Германии». В русской группе она упоминается в 11 опросниках, т.е. у 12% респондентов. Один раз упоминается мемориал в Берлине, 10 раз — слова «немцы» и «Германия».

В одном из опросников одновременно используются единица из категории Латвия», единица из категории «Спасатели» и единица из категории «Германия» — «Холокост — массовое убийство евреев, когда на территории Латвии находились военные силы Германии. Как евреи бросали свои дома и убегали от военных сил. Как латыши, зная о смертельной опасности, прятали евреев в своих домах».

Категория «Сопротивление» не встречается в ответах ни одной из групп. Понятия из категории «спасатели» встречаются 2 раза у русских и 6 раз у латышей, что составляет 0,5% и 0,8% от общего числа ответов соответственно.

Спасатели в латышской группе упоминаются 6 раз у 3,8% респондентов. Из них — 3 раза Жанис Липке как самый известный спасатель (1 раз в контексте «образцы человечности и героизма, как Жанис Липке, которые не боялись спасать жизни евреям»), 1 раз «латыши, зная о смертельной опасности, прятали евреев в своих домах», 1 раз «дед соседей, помогавший евреям», 1 раз «люди, которые помогали». В русской группе категория «спасатели» встречается трижды у 3% опрошенных. Два раза упоминается Жанис Липке, один раз — «люди, спасавшие евреев».

Категория «коллаборационисты» не выделялась отдельно, но она упоминается 5 раз в других категориях: убийство Г. Цукурса (1 раз, латыш), имеющее скорее негативную окраску в национально настроенных кругах, расстрельная команда В. Арайса (2 раза, латыши, 1 раз — русский), шуцманы (1 раз, латышка).

Эмоциональный компонент

Второй по распространенности стала категория «отношение к Холокосту»: жестокость, ужас, несправедливость, слезы, крики, отчаяние, холодное, злое, сырость, негативные ассоциации, жестокость, злость, неуважение. Частота использования — 19% от общего числа ответов в русской группе и 23% в латышской. Таким образом, респон-

денты обеих групп демонстрировали ярко выраженное негативное отношение к Холокосту и сострадательное — к его жертвам.

Трижды в ответах латышской группы фигурируют высказывания, которые можно было бы назвать антисемитскими или ревизионистскими: «Гитлер, будучи сам частично евреем» (латышка, 19 лет, Елгава), «у евреев отобрали все золото и деньги, которых у них было много» (латыш, 21 год, Рига), а также текст о недопустимости уголовной ответственности за отрицание Холокоста (латыш, 21 год, Рига). Дважды в латышских опросниках встречается упоминание евреев как талантливых торговцев и умных людей, которых уничтожили. В ответах русских респондентов такого отношения не обнаружено.

Поведенческий компонент

Под поведенческим компонентом мы подразумеваем действия, связанные либо с мемориализацией Холокоста, либо с получением знаний о нем. Это может быть посещение памятных мест, участие в их уборке или ремонте, упоминание дней памяти жертв, прочитанных книг, просмотренных кинофильмов, посещенных музеев. Мы предполагаем, что такие действия могли бы компенсировать психологическую травму Холокоста.

Как показывают результаты исследования, ни русские, ни латышские респонденты не демонстрируют активного отношения к событиям недавней истории.

Крайне скудны упоминаемые источники информации: учебник (1 раз), спектакль «Дни портных в Силмачах» (пьеса латышского писателя Р. Блауманиса о довоенной жизни в провинции, где евреи показаны достаточно тенденциозно) (1 раз), фильм «Дитя человека» о жизни в Латгалии перед войной, фильмы «Пианист», «Жизнь прекрасна», «Список Шиндлера» (по 1 разу). Однажды упоминается история о том, как соседский дед спасал евреев. Ни разу не называется ни одна книга воспоминаний переживших Холокост, которые были изданы в Латвии за последние годы в достаточном количестве. Также не упоминаются в качестве источников семейный опыт, соседи, жизнь городков и т.д. Это тем более странно, что значительная часть респондентов — студенты, частью — студенты исторических факультетов. Отсутствуют также упоминания о посещенных памятных местах или музеях как в Латвии, так и за рубежом.

Выводы

В первую очередь нужно отметить отсутствие значительных различий между результатами исследования в группе латышей и русских. В ядре социальных представлений о Холокосте у латышей и русских, проживающих в Латвии — самые общие ассоциации «жестокость, ужас, страх» из категории «отношение» и «война, смерть, уничтожение» из категории «общее определение». Мы также можем утверждать о негативной и сострадательной эмоциональной направленности представлений, принятой в любом цивилизованном обществе.

В то же время можно говорить о низкой осведомленности, об отсутствии развернутого понятия «Холокост» в исторической памяти. Крайне ограниченное количество географических названий, имен спасателей, выживших, источников информации говорит нам о низком уровне знаний респондентов, что, на наш взгляд, является препятствием для работы с психологической травмой и создания общего пространства памяти.

Представления о Холокосте практически не связаны с Латвией ни у латышей, ни у русских. Среди источников ни разу не указываются источники локальные, латвийские. Ни разу не упоминается тема Сопротивления, несмотря на то, что в качестве источника информации встречается фильм «Пианист», где восстание в Варшавском гетто является одним из важнейших эпизодов. Минимально используется категория «спасатели», из реальных людей упоминается только Жанис Липке, самый известный спасатель евреев.

Для проработки психологической травмы и для создания общего пространства памяти необходимы положительные образы, которыми могли бы стать образы борцов с нацизмом, как евреев в Сопротивлении, так и спасателей. Отсутствие их в социальных представлениях затрудняет эти два процесса.

Можно утверждать, что жители Латвии не связывают понятие Холокоста со своей страной, мало о нем знают и не совершают активных действий, направленных на сохранение памяти и получение информации о нем. Тем не менее они выказывают сочувственное отношение к жертвам и отрицательное — к Холокосту.

Мы планируем продолжить данное исследование с целью более глубокого изучения социальных представлений у представителей трех этнических групп населения Латвии (латыши, русские, евреи), а также дифференциации данных в зависимости от возраста респондентов.

Примечания

[1] *Dribins L.* Ebreji Latvijā. Rīga, 2002. S. 52.

[2] Уничтожение евреев в Латвии. 1941-45 / Под ред. М. Баркагана. Рига, 2009. С. 4.

[3] *Богомолова Н.Н. Стефаненко Т.Г.* Контент-анализ: спецпрактикум по социальной психологии. М., 1992. С. 19.

[4] *Markova J.* Towards an Epistemology of Social representations // Journal for the Theory of Social Behavior 26:2. P. 180. *Markova J.* et al. Social Representations of Individual: a postcommunist perspective // European Journal of Social Psychology. 1998. P. 30.

[5] *Московиси С.* Машина, творящая богов. М., 1998. С. 27. *Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987. С. 34. *Moliner P., Tafani E.* Attitudes and Social Representations: a Theoretical and Experimental Approach // European Journal of Social Psychology 1997. P. 28.

[6] В действительности в Злеках в 1944 г. были убиты латышские семьи по обвинению в поддержке партизанского отряда «Саркана Булта».

SUMMARIES

Boris Kovalev
(Velikiy Novgorod)

The Katyn Tragedy and Nazi Anti-Semitic Propaganda

This article proposes the view that the Nazis antisemitic propaganda played a major role in the interpretation of the mass execution of Polish officers in the Katyn Forest and accused the Jews of responsibility for the murder. The Katyn tragedy was exploited by the Nazis for several purposes, including to justify their annihilation of the Jewish population on the territories that they occupied.

Maria Ionina
(Jerusalem)

Attitude to the Holocaust of the Security Service in the town of Borisov: an Analysis of Documents

The article analyzes new archival documentation from the collection of the security service of the town of Borisov. These documents are considered as a single corpus. A careful examination of the style, morphology, and syntax of these documents has revealed a great deal about the psychology of the local population and the reasons for its ambivalent attitude toward their Jewish neighbors during the Holocaust.

Alexander Ermakov
(Yaroslavl)

Anti-Semitic Propaganda from the Parliamentary Rostrum: Julius Streicher's Speeches in the Bavarian *Landtag* (1924–1932)

Speeches delivered by Julius Streicher in the Bavarian parliament indicate that Nazi antisemitism as a shared value of the elite of Hitler's party was based on Nazi racial doctrine and was closely tied to Nazi rejection of political democracy, Christian morality, modernization, and emancipation. The inability of the political institutions of the Weimar Republic to effectively counter the propaganda of racial hatred enabled the Nazis to undermine the legitimacy of the Weimar state and was one of the causes of the latter's downfall.

Alexander Kruglov
(Kharkov)

Participation of Germans in Saving of Jews in Ukraine, 1941–1944

As of January 1, 2012, Yad Vashem had recognized 510 Germans as Righteous of the Nations. Undoubtedly the number of Germans who participated in the rescue of Jews is greater than that. On the basis of archival materials the article discusses previously unknown Germans who, in one way or another, dared to oppose Nazi ideology and policy in regard to the Jews.

Aron Shneyer
(Jerusalem)

"There Was No Punishment for the Murder of Jews...": The Profile of a Collaborator

The study of problems related to individual and collective collaboration involves the consideration of a whole complex of socio-political and individual psychological aspects, the necessity for people to make moral choices, and the particular circumstances of life at the time. Taking into consideration the complex interaction of such factors, this article examines

the specific features of collaboration with the Nazi regime on Nazi-occupied Soviet territory.

Mikhail Shkarovsky
(St. Petersburg)

The Eastern-Orthodox Church and the Holocaust

The article discusses the attitude of the Eastern-Orthodox Church to the annihilation of the Jews on Nazi-occupied territories of the USSR on the basis of a large amount of factual material. The attitudes of the various "national" churches of the Eastern Orthodox Church were not uniform. On the whole the Russian Orthodox Church did criticize the Holocaust although both public condemnation and practical activity in that regard were clearly of a limited scope. Along with the Orthodox clergy and laymen who have been recognized as Righteous of the Nations, there were other Eastern Orthodox rescuers whose names and stories have yet to be clarified and recognized.

Ilya Altman
(Moscow)

The Red Army and the Holocaust: Posing the Problem

The paper for the first time presents a complex analysis of documents in the collection of the Main Political Administration of the Red Army located in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. A classification of groups of sources by type and origin is followed by an evaluation of their informational potential. Particular attention is paid to this documentary evidence that was collected by Red Army personnel and the way this differs from the well-known materials prepared by the Extraordinary State Committee for the Investigation of Nazi Atrocities.

Serguey Shpagin
(Rostov-on-Don)

The Holocaust as a Post-Historical Phenomenon

Study of the Holocaust has recently developed in a new direction. From consideration of a series of events within the specific historical frameworks of World War II and of the postwar world order it is now being conducted

within a new paradigm, i.e. from a new perspective that no longer treats the Holocaust as part of history as such. The new perspective that is being elaborated by authors today views the Holocaust from a context of post-history and, thus, raises new issues for consideration.

Inessa Dvuzhilnaya
(Grodno)

Unheard Scores:
The Holocaust Theme in the Works of Mieczyslaw Weinberg

The article analyzes musical compositions by Mieczyslaw Weinberg that relate to the Holocaust. The victims of that tragedy included friends of the composer and members of his family. The analysis includes unpublished works (the cantata "Diary of Love" and Symphony No. 21, dedicated to the memory of those killed in the Warsaw ghetto), as well as other works (Weinberg's Symphonies Nos. 6 and 7, and his opera "The Passenger").

Assia Kovrigina
(Paris)

Testimonial Literature and *Babi Yar: a Document in the Form of a Novel* by Anatoly Kuznetsov

This article discusses the reasons for the poor reception in France of Anatoly Kuznetsov's novel *Babi Yar*, which was written "in isolation," without any connection to the factors that influenced Western literature "after Auschwitz." Despite this situation, the author succeeded in creating a documentary novel that corresponds to the recently elaborated concept of "testimonial literature."

Christina Winkler
(Leicester)

Remembrance of the Holocaust in Contemporary Russia

Remembrance of the Holocaust has thus far not been part of the Russian collective memory of World War II even though a large number of the victims were Soviet Jews. As memory studies have shown, there is always an

interaction between the personal memories of an individual and the collective memory of a social group. The article compares collective forms of remembrance in Russia in general to forms of historical transmission and individual memories of people living near former killing sites, in this particular case the city of Rostov-on-Don.

Victoria Shaldova
(Riga)

Social Concepts of the Holocaust Held by Different Ethnic Groups in Latvia

The present study describes social representations of the Holocaust among Latvian and Russian citizens of today's Latvia. The research was based on interviews with 96 ethnic Russian and 129 Latvian citizens of Latvia The starting point was the assumption that the Holocaust was, and remains, a psychological trauma for all strata of the Latvian population and may serve as a basis for the creation of common grounds of historical memory in Latvia. All the members of the two ethnic groups that participated in the research project offered their free associations with the word "Holocaust" and with related events in Latvian and European history.

Сведения об авторах

Альтман Илья Александрович, сопредседатель Центра «Холокост», профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Винклер Кристина, докторант, Стенли Бартон центр изучения Холокоста и геноцида (SBC) (Лейчестер, Великобритания)

Двужильная Инесса Федоровна, канд. искусствовед., Гродненский государственный музыкальный колледж, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Республика Беларусь)

Ермаков Александр Михайлович, д-р ист. наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)

Ионина Мария, Начальник отдела международных архивных проектов, Архив Мемориала Яд Вашем (Иерусалим, Израиль)

Ковалев Борис Николаевич, д-р. ист. наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)

Ковригина Ася, докторант, Университет Париж-8 (Париж, Франция)

Круглов Александр Иосифович, канд. филос. наук, Харьковский национальный университет радиоэлектроники (Харьков, Украина)

Шкаровский Михаил Витальевич, д-р ист. наук, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия)

Шалдова Виктория, докторант, Даугавпилсский университет (Рига, Латвия)

Шнеер Арон, доктор философии, Руководитель проекта по связям с русскоязычными еврейскими общинами и организациями, Мемориал Яд Вашем (Иерусалим, Израиль)

Шпагин Сергей Александрович, старший преподаватель. Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

About the Authors

Ilya Altman, PhD., co-chairman of the Russian Research and Educational Holocaust Center, Professor of Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Inessa Dvuzhilnaya, PhD, Grodno Musical College, The State University of Y. Kupala (Grodno, Belarus)

Alexander Ermakov, PhD, Yaroslavl State K.D. Ushinskiy Pedagogical University (Yaroslavl, Russia)

Maria Ionina, Director of the Archival Acquisition Department at the Yad Vashem Archives (Jerusalem, Israel)

Boris Kovalev, Professor, Novgorod State Yaroslav the Wise University (Veliky Novgorod, Russia)

Assia Kovrigina, PhD. student at the University of Paris 8 (Paris, France)

Alexander Kruglov, PhD, Kharkov National University of Radio-electronic (Kharkov, Ukraine)

Victoria Shaldova, PhD student, University of Daugavpils (Riga, Latvia)

Mikhail Shkarovsky, PhD, Central State Archive of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

Aron Shneyer, PhD, Project Manager, Relations with the Russian Jewish Communities and Organizations, Yad Vashem (Jerusalem, Israel)

Sergey Shpagin, PhD, South Federal State University (Rostov-on-Don, Russia)

Christina Winkler, PhD student, Stanley Burton Centre for Holocaust and Genocide Studies (Leicester, UK)

Содержание

Contents

ХОЛОКОСТ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике

Том I

Формат 60x84/$_{16}$. Печать офсетная.
Объем 9,3 усл. печ.л.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-98604-350-0

9 785986 043500

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru